

**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

ISSN 2542-047X Print
ISSN 2782-2990 Online

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

JURIDICAL JOURNAL

OF SAMARA UNIVERSITY

Том 10 • № 2 • 2024 ГОД

Подписной индекс 80309

ISSN 2542-047X Print

ISSN 2782-2990 Online

**ЮРИДИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

**JURIDICAL
JOURNAL**

OF SAMARA UNIVERSITY

Том 10 • № 2 • 2024 ГОД

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
JURIDICAL JOURNAL OF SAMARA UNIVERSITY

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С. П. КОРОЛЕВА» (Самарский университет)

Индексирование в базах данных: eLIBRARY.RU РИНЦ КИБЕРЛЕНИНКА CROSSREF

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, с 30.11.2017

Журнал издается с 2015 г. Выходит 4 раза в год 2024, Т. 10, № 2

Миссия журнала: отражение результатов оригинальных фундаментальных и прикладных исследований права на общетеоретическом, межотраслевом и отраслевом уровнях для целей совершенствования правотворчества и правоприменения; поддержание научного диалога и дискуссий представителей отечественных и зарубежных научных школ по актуальным вопросам права.

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки
- 5.1.5. Международно-правовые науки

Главный редактор

А. Г. Безверхов, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Заместитель главного редактора

О. В. Климанова, канд. юрид. наук (Самарский университет, Самара, РФ)

Ответственный секретарь

В. Э. Волков, канд. юрид. наук (Самарский университет, Самара, РФ)

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара, ул. Академика Павлова, 1.

Тел.: +7(846) 3379963, 3379936

E-mail: Jjournal@inbox.ru

www: <http://http://journals.ssau.ru/jjsu>

Издатель: Самарский университет

Адрес издателя:

Центр периодических изданий Самарского университета

443086, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара,

Московское шоссе, 34, корп. 22а, 312 б.

Литературное редактирование, корректура

Т. А. Мурзинова

Компьютерная верстка, макет

Т. А. Мурзинова

Информация на английском языке

М. С. Стрельников

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер серии ПИ № ФС 77-68026 от 13 декабря 2016 г.

Подписной индекс в объединенном интернет-каталоге «Пресса России» 80309

ISSN 2542-047X

Прежнее название – «Юридический вестник Самарского государственного университета»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-62511 от 27 июля 2016 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. **ISSN 2410-8707**

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+ *Цена свободная*

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

Подписано в печать 08.07.2024. Дата выхода в свет 12.07.2024

Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Печать оперативная.

Печ. л. 12,5.

Тираж 200 экз. (первый завод – 60 экз.). Заказ №

Отпечатано в типографии Самарского университета

443086, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара,

Московское шоссе, 34.

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

С 2015 г. полнотекстовая версия журнала размещается на сайте **Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU**.

С 2015 г. журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Редакционная коллегия:

А. Х. Абашидзе, д-р юрид. наук, проф. (Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, РФ)

А. И. Абдуллин, д-р юрид. наук, проф. (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, РФ)

Д. Б. Абушенко, д-р юрид. наук, доц. (Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, РФ)

А. А. Аубакирова, д-р юрид. наук, доц., академ. проф. (Алматинская Академия МВД имени Макана Есбулатова, Алматы, Республика Казахстан)

С. Ф. Афанасьев, д-р юрид. наук, проф. (Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, РФ)

Драган Боланча, д-р права, проф. (Сплитский университет, Сплит, Хорватия)

Г. А. Василевич, д-р юрид. наук, проф., засл. юрист Республики Беларусь (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь)

Л. В. Головкин, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ)

Е. Ю. Грачева, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

В. В. Долинская, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

С. А. Дробышевский, д-р юрид. наук, проф. (Сибирский федеральный университет, Красноярск, РФ)

Н. Г. Жаворонкова, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

А. В. Иванчин, д-р юрид. наук, доц. (Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, РФ)

Т. В. Кленова, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Борис Кривокапич, д-р права, ординарный профессор (Университет «Унион – Никола Тесла», Белград, Сербия)

В. А. Лазарева, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

П. П. Ланг, д-р юрид. наук, доц. (Самарский государственный экономический университет, г. Самара, РФ)

С. В. Липень, д-р юрид. наук, доц. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

В. В. Полянский, канд. юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

С. Б. Россинский, д-р юрид. наук, доц., гл. научный сотрудник (Институт государства и права Российской академии наук, Москва, РФ)

В. Д. Рузанова, канд. юрид. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

К. А. Савельев, канд. юрид. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Ю. В. Самович, д-р юрид. наук, проф. (Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, Казань, РФ)

Е. А. Трещева, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Н. А. Шевелева, д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, РФ)

И. В. Шестерякова, д-р юрид. наук, доц. (Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, РФ)

А. В. Юлин, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Т. Ф. Ящук, д-р юрид. наук, проф. (Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, г. Омск, РФ)

© Самарский университет, 2024

Это контент открытого доступа, распространяемый по лицензии Creative Commons Attribution License, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы. (CC BY 4.0)

Subscription Index 80309

ISSN 2542-047X Print

ISSN 2782-2990 Online

**ЮРИДИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

**JURIDICAL
JOURNAL**

OF SAMARA UNIVERSITY

JURIDICHESKIY VESTNIK

SAMARSKOGO UNIVERSITETA

Vol. 10 • № 2 • 2024

JURIDICHESKIY VESTNIK SAMARSKOGO UNIVERSITETA
JURIDICAL JOURNAL OF SAMARA UNIVERSITY

JOURNAL FOUNDER AND PUBLISHER
FEDERAL STATE AUTONOMOUS EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«SAMARA NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY» (SAMARA UNIVERSITY)

Indexing in databases: LIBRARY.RU RINTS CROSSREF KIBERLENINKA

*The Journal is included by the HAC in the List of leading scientific editions, where basic scientific results of theses for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published,
from 30.11.2017*

Journal is published since 2015. It is published 4 times a year 2024, V. 10, no. 2

Mission of the journal: reflection of the results of original fundamental and applied research of law at the general theoretical, intersectoral and sectoral levels for the purpose of improving law-making and law enforcement; maintaining a scientific dialogue and discussions of representatives of domestic and foreign scientific schools on pressing issues of law.

The journal publishes articles on scientific specialties of group 5.1 «Law» (Legal sciences)

- 5.1.1. Theoretical and historical legal sciences
- 5.1.2. Public legal (State legal) sciences
- 5.1.3. Private legal (civilistic) sciences
- 5.1.4. Criminal legal sciences
- 5.1.5. International legal sciences

Chief editor

A. G. Bezverkhov, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

Deputy chief editors

O. V. Klimanova, Candidate of Legal Sciences (Samara National Research University, Samara, RF)

Executive editor

V. E. Volkov, Candidate of Legal Sciences (Samara National Research University, Samara, RF)

Address of editorial staff:

1, Acad. Pavlov Str., Samara, 443011, Samara Region, Russian Federation.

Tel.: +7(846) 337-99-63, 337-99-36

E-mail: Jjournal@inbox.ru

www: <http://http://journals.ssau.ru/jjsu>

Publisher and Founder: Samara National Research University

Address of Publisher:

Centre of Periodical Publications of Samara University

312 b, building 22 a, 34, Moskovskoye shosse,
Samara, 443086, Samara Region, Russian Federation.

Literatory editing, proofreading T. A. Murzinova

Computer makeup, dummy T. A. Murzinova

Information in English M. S. Strelnikov

Certificate of registration of mass media

III № ФС № 77-68026 dated 13 December 2016, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).

Subscription Index in the «Press of Russian»

Catalogue of Internet 80309

ISSN 2542-047X

Previous title – «Juridical Journal of Samara State University»

Certificate of registration of mass media III № ФС 77-62511 dated 27 July 2015, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)

ISSN 2410-8707

Business model: funded by the founder.

0+ Free price

Authors articles do not necessarily reflect the views of the publisher

Passed for printing 08.07.2024.

Format 60x84/8.

Litho paper. Instant print.

Print. sheets 12,5.

Circulation 200 copies (first printing – 60 copies).

Order № 68.

Printed on the printing house of Samara University

34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Samara Region, Russian Federation

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Since 2015 the full-text version of the journal is placed on the site of Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU.

Since 2015 the Journal is included in the Russian Science Citation Index.

Editorial Board:

D. B. Abushenko, Dr. of Law, associate professor (Ural State Law University, Ekaterinburg, RF)

A. Kh. Abashidze, Dr. of Law, professor (Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, RF)

A. I. Abdullin, Dr. of Law sciences, professor (Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, RF)

A. A. Aubakirova, Dr. of Law, associate professor, academic professor (The Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan)

S. F. Afanasiev, Dr. of Law, professor (Saratov State Law Academy, Saratov, RF)

Dragan Bolancha, Dr. of Law, professor (University of Split, Split, Croatia)

G. A. Vasilevich, Dr. of Law, professor, honored layer of the Republic of Belarus (Belorussian State University, Minsk, Republic of Belarus)

L. V. Golovko, Dr. of Law, professor (Lomonosov Moscow State University, Moscow, RF)

E. Yu. Gracheva, Dr. of Law, professor (Kutafin Moscow State Law University, Moscow, RF)

V. V. Dolinskaya, Dr. of Law, professor (Moscow, Kutafin Moscow State Law University, RF)

S. A. Drobyshevskiy, Dr. of Law, professor (Siberian Federal University, Krasnoyarsk, RF)

N. G. Zhavoronkova, Dr. of Law, professor (Kutafin Moscow State Law University, Moscow, RF)

A. V. Ivanchin, Dr. of Law, associate professor (Yaroslavl State University, Yaroslavl, RF)

T. V. Klenova, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

Boris Krivokapich, Dr. of Law, professor (University «Union – Nikola Tesla», Beograd, Serbia)

V. A. Lazareva, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

P. P. Lang, Dr. of Law, associate professor (Samara State University of Economics, Samara, RF)

S. V. Lipen, Dr. of Law, associate professor (Moscow, Kutafin Moscow State Law University, RF)

V. V. Polyanskiy, Candidate of Legal Sciences, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

S. B. Rossinskiy, Dr. of Law, associate professor (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, RF)

V. D. Ruzanova, Candidate of Legal Sciences, associate professor (Samara National Research University, Samara, RF)

K. A. Saveliev, Candidate of Legal Sciences, associate professor (Samara National Research University, Samara, RF)

Yu. V. Samovich, Dr. of Law, professor (Kazan Branch of the Russian State University of Justice, Kazan, RF)

E. A. Treshcheva, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

N. A. Sheveleva, Dr. of Law, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, RF)

I. V. Shesteryakova, Dr. of Law, associate professor (Saratov State Law Academy, Saratov, RF)

A. V. Yudin, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

T. F. Yashchuk, Dr. of Law, professor (Dostoevsky Omsk State University, Omsk, RF)

© Samara University, 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Артамонова М. А., Юдина Т. Ф.** Развитие законодательства о территориях, представляющих особую природную ценность, и памятниках природы: историко-правовые аспекты 7
- Архипкин И. В.** Правовой статус судей как основа независимого правосудия: теоретико-исторические аспекты 15

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- Лобачев Д. А.** Запрет использования средств мобильной связи в образовательных организациях как предмет прокурорского надзора 21

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

- Крюкова Е. С., Кудашева П. С.** Гражданско-правовые и иные обязанности пациента: вопросы систематизации и содержания 27

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Благов Е. В.** О предписаниях уголовного законодательства как аксиомах 33
- Гизатуллин И. А.** Судебная нагрузка в российской системе правосудия и способы ее оптимизации 42
- Норвартян Ю. С.** Спорные вопросы квалификации контрабанды наркотических средств, совершенной с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль 50
- Пантюхина И. В., Южанин В. Е.** Проблема форм реализации уголовной ответственности 56
- Тарасов А. А.** Российский уголовный процесс: и инквизиционность, и состязательность 64
- Чистилина Д. О.** Перспективы развития российской уголовно-процессуальной формы 72

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Самович Ю. В.** Закон о международных отношениях КНР: что тревожит Запад? 79

Трибуна молодого ученого

- Ахмадиева Г. Р.** Частные определения, выносимые в адрес нижестоящих судов, в арбитражном процессе 84
- Корпусов А. В.** Фальсификация учета прав на ценные бумаги (часть 4 статьи 170¹ Уголовного кодекса Российской Федерации) 90

- Требования к оформлению статей* 98

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- Artamonova M. A., Yudina T. F.** Development of legislation on special natural value areas and natural monuments: historical and legal aspects 7
- Arkhipkin I. V.** Legal status of judges as the basis of independent justice: theoretical and historical aspects 15

PUBLIC LAW (STATE-LEGAL) SCIENCES

- Lobachev D. A.** Prohibition of the use of mobile communications in educational institutions as a subject of prosecutorial supervision 21

PRIVATE (CIVIL) SCIENCES

- Kryukova E. S., Kudasheva P. S.** Civil and other responsibilities of the patient: issues of systematization and content 27

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

- Blagov E. V.** On the prescriptions of criminal law as axioms 33
- Gizatullin I. A.** Judicial workload in the Russian justice system and ways to optimize it 42
- Norvartyan Yu. S.** Controversial issues of qualification of drug smuggling committed with the use of violence against a person carrying out customs or border control 50
- Pantyukhina I. V., Yuzhanin V. E.** Problem of forms of implementation of criminal liability 56
- Tarasov A. A.** Russian criminal procedure: both inquisition and adversary 64
- Chistilina D. O.** Prospects for the development of Russian criminal procedure form 72

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

- Samovich Yu. V.** The Law on International Relations of the People's Republic of China: what worries the West? 79

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

- Akhmadiyeva G. R.** Special court rulings issued to lower courts in arbitration proceedings 84
- Korpusov A. V.** Falsification of accounting of rights to securities (part 4 of Article 170¹ of the Criminal Code of the Russian Federation) 90
- Requirements to the design of articles* 98

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-2-7-14

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340, 349.6

Дата поступления: 18.02.2024

рецензирования: 23.03.2024

принятия: 27.05.2024

Развитие законодательства о территориях, представляющих особую природную ценность, и памятниках природы: историко-правовые аспекты

М. А. Артамонова

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: artamonovamariy@mail.ru

Т. Ф. Юдина

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: yudina.tf@ssau.ru

Аннотация: Настоящая статья посвящена появлению, совершенствованию и практике применения целостной системы государственных природоохранных законов, определяющих степень ценности, способы защиты природных территорий и памятников природы. Авторами анализируются ключевые положения основополагающих властных предписаний со стороны государства, действовавших на разных этапах российской истории и стремившихся воспроизвести парадигму регулирования взаимоотношений «государство – общество – природа». В работе формулируются выводы о перспективах развития отечественного законодательства в исследуемой сфере.

Ключевые слова: памятник природы; особо охраняемая природная территория; природный объект; заказник; заповедник; лес; природоохранное законодательство; генезис; природопользование; правовой режим.

Цитирование. Артамонова М. А., Юдина Т. Ф. Развитие законодательства о территориях, представляющих особую природную ценность, и памятниках природы: историко-правовые аспекты // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 2. С. 7–14. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-2-7-14>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Артамонова М. А., Юдина Т. Ф., 2024

Мария Александровна Артамонова – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права и международного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Татьяна Федоровна Юдина – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права и международного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 18.02.2024

Revised: 23.03.2024

Accepted: 27.05.2024

Development of legislation on special natural value areas and natural monuments: historical and legal aspects

M. A. Artamonova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: artamonovamariy@mail.ru

T. F. Yudina

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: yudina.tf@ssau.ru

Abstract: This article is devoted to the emergence, improvement and application practice of state environmental laws integral system, which determine the value degree, ways to protect natural areas and natural monuments. The authors analyze the key provisions of the fundamental power state regulations, which acted at different Russian history stages and tried to reproduce the regulatory paradigm of «state – society – nature» relations. The work formulates conclusions on the prospects for the development of domestic legislation in this research field.

Key words: natural monument; specially protected natural area; natural object; reserve; preserve; forest; environmental legislation; genesis; nature management; legal regime.

Citation. Artamonova M. A., Yudina T. F. *Razvitie zakonodatel'stva o territoriyakh, predstavlyayushchikh osobuyu prirodnyuyu tsennost', i pamyatnikakh prirody: istoriko-pravovyye aspekty* [Development of legislation on special natural value areas and natural monuments: historical and legal aspects]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 2, pp. 7–14. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-2-7-14> [in Russian].

Information about the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

© Artamonova M. A., Yudina T. F., 2024

Maria A. Artamonova – Candidate of Legal Sciences, associate professor of the Department of Theory and History of State and Law and International Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Tatyana F. Yudina – Candidate of Historical Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Theory and History of State and Law and International Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Общественный разум осознал важность и значимость бережного отношения к окружающей природе, прочувствовал необходимость проведения реальной политики по защите ценных территорий и природных объектов.

Невозможно оспорить значимость памятников неповторимого природного и культурного наследия Российской Федерации во всемирной истории и при оценке важнейших достижений человеческой цивилизации. Углубленный интерес к определенным современным проблемам охраны природных земельных или водных пространств и объектов наследия с особым режимом предполагает понимание генезиса формирования отечественной системной структуры законов об особо охраняемых государством природных территориях и объектах высокой значимости.

В современной специальной правовой литературе, бесспорно, отражается интерес российских и зарубежных ученых к существующим де-факто правовым проблемам охраны территорий, представляющих особую природную ценность, и памятников природы, но при этом очевидна потребность в системном историко-правовом изучении определенной категории вопросов, связанных с данными проблемами.

Наблюдается феномен, когда в условиях жизни того или иного современного общества информационное обучение и воспитание становятся невозможными без изучения природного и историко-культурного наследия.

Естественным и оправданным является факт отражения в действующей системе законов России выстраданного и ценного исторического опыта взаимодействия общества и природы.

Представляет особый интерес эволюция законодательных подходов к регулированию отношений по использованию отдельных, представляющих особую значимость природных территорий и объектов.

Анализ некоторых древних памятников отечественного права, таких как, например, «Русская

Правда» [1, с. 116], «Судебник» 1589 г. [2, с. 14–15], показывает, что природоохранные действия и мероприятия первоначально считались обязанностью крестьянской общины. Ее деятельность и явилась базой для создания целостной системы охраны памятников природы со стороны государства и частных структур.

В XVII–XVIII вв. крен в общественных отношениях, вызвавший увеличение феодального землевладения и уменьшение крестьянских угодий, нанес вред существовавшей системе землепользования и охраны природной среды (леса, земли и воды), которая традиционно поддерживалась силами крестьянской общины [3; 24, с. 115]. Хозяйственная деятельность, имевшая тенденцию к увеличению объемов и видов, способствовала, с одной стороны, экономическому развитию общества, с другой стороны, вызвала последствия в виде истощения природно-ресурсных запасов.

История Российского государства показывает, что правительство для сохранения всех видов природных ресурсов принимало большое количество законов и подзаконных актов. Например, 60 указов действовали в первой четверти XVIII века, 140 законов – с 1725 по 1801 год, 300 законов – в первой половине XIX века [3, с. 119]. При этом практическая реализация большого количества соответствующих законов и правовых нормативов в сфере использования природных ресурсов и защиты самой природы остается общественной проблемой и слабым местом сферы природопользования.

Временная последовательность принятия природоохранных законов в XVIII веке представляется достаточно интересной и показательной.

В 1705 году Петр I издал указ «О запрещении рубить толстый сосновый лес в уездах Новгородском, Старорусском, Луцком и Торопецком...» [4] Текст указа отличается категоричностью и жесткостью: в нем четко оговорено, где и какой лес запрещено вырубать, перечислены санкции и виды наказаний. Предусмотрены каторжные работы и конфискация поместий и имений.

Кроме того, Петр I в своем законотворчестве не упустил и некоторые стратегические моменты: он запретил вырубку определенных пород и объемов деревьев, которые применялись в кораблестроении. Дополнительный запрет распространялся и на определенные районы с доступом к сплаву древесины до кораблестроительных верфей. Допускалось в виде исключения использование такой древесины для поделок и предметов личного пользования [5].

Петр I последовательно воплощал в жизнь положения своих указов и строго наказывал нарушителей. Например, указом № 3509 от 9 февраля 1720 года «О наказании за порубку заповедных лесов» он наказал конкретных лиц, включая представителей дворянства, и манифестировал свою позицию по отношению ко всем будущим противоправным деяниям [6, с. 120].

Историки отмечают значимость еще одного петровского указа, «О бытии всем заповедным лесам в Санкт-Петербургской, Новгородской и Луцкой провинциях в полном ведении Адмиралтейской коллегии, об их описании и об межевании оных и о предостережении от порубки» (Адмиралтейская коллегия, 14 марта 1720 года).

Перед Адмиралтейской коллегией ставилась важная задача по сохранности стратегического материала – сортов и видов древесины, пригодной для кораблестроения на верфях Петербурга. Для этих целей предписывалось произвести ревизию и составить опись заповедных лесов на определенных территориях. Указывалось, что будет выполнено межевание участков, построены дороги и установлены пограничные столбы. Для осуществления надлежащего контроля предписывалось выполнить деление территории на пять отдельных участков, указаны породы деревьев, подлежащие охране, перечислены способы информирования населения о запретных мероприятиях по вырубке лесов.

Петр I с его законотворческими шагами и природоохранной политикой занимает особое, почетное место в российской истории. Его заслуга состоит не только в том, что при нем было издано большое количество целевых указов (около 60), но и осуществлялся строгий контроль за их исполнением. Следует упомянуть две важнейшие инструкции для должностных лиц, ответственных за охрану природы: «О хранении заповедных лесов» и «Инструкция обервальдмейстеру». Последняя, изданная 14 апреля 1723 года, представляет собой документ из 28 пунктов и считается завещанием Петра Великого в сфере охраны природы.

Именно при Петре I была предпринята и осуществлена попытка создания целостной и всеобъемлющей законодательной системы по бережному отношению к природе, оправданному потреблению природных богатств и недр [26, с. 496]. Природоохранной политике придавался статус государственной важности. К сожалению, и не по вине Петра I, не все было реализовано: жизнь Российского государства была наполнена большим

количеством военных мероприятий и внутривнутриполитических событий.

Анна Иоанновна продолжила начинания Петра I и выпустила целый ряд указов по дальнейшему развитию системы природоохранных законов. В 1735 году – «О нерубке заповедных дубовых лесов, годных для корабельного строения», в 1738 году – «О запрещении раскладывать по дорогам и лесам огонь». Последний посвящен разработке противопожарных мероприятий, способов предотвращения пожаров в лесах и на пашенных землях. В нем предусмотрены серьезные меры наказания за нарушение указов, вплоть до смертной казни.

На следующем этапе общественного развития России природоохранное законодательство получает дальнейшее и осмысленное развитие. Появляется государственный запрос об экологической обстановке в крупных промышленных городах и их окрестностях, в первую очередь в Петербурге и Москве. Был принят целый ряд законов: в 1747 году – закон № 9438 «О нестроении около Москвы вновь винных и стеклянных заводов, к которым коммуникации водой нет...», в 1754 году – закон № 10285 «Об уничтожении всех хрустальных, стеклянных и железных заводов, в 200 верстах от Москвы отстоящих...», в 1759 году – закон № 10914 «О воспрещении в ближних к Санкт-Петербургу местах учреждать вновь фабрики и заводы».

Дальнейший вклад в охрану живой природы должен был внести закон № 11876 «О неловлении и нестрелянии никому зверей и птиц с марта 1 до 29 июня», который был принят в 1763 году и запрещал охотничий промысел в период размножения. Но реализация закона на практике в полной мере не осуществилась: отсутствовал должный контроль за исполнением приказа.

С XIX столетия начинается новый этап в государственной политике защиты и охраны природных-естественных памятников.

Природоохранное законодательство первой половины XIX века развивалось в целом динамично [25, с. 125].

Зарождение теоретических основ и первичный научный подход к определению понятий природоохранного законодательства происходили во время правления Николая I. Создавалась классификация типов учетных памятников, возможных способов их сохранности, был введен сам термин «памятник». Классификация предусматривала их подразделение на движимые и недвижимые. Различные предметы искусства, рукописи произведений, картины – это движимые памятники, а объекты архитектуры, церковного зодчества – недвижимые.

Достижением государства стали научно-образовательный подход и создание научной базы для изучения и сохранения исторических, культурных и природных памятников. Для этих целей государством был основан целый ряд научных учреждений и обществ.

В этот период за охрану исторических, культурных и природных памятников отвечал специ-

альный Техническо-строительный комитет при Министерстве внутренних дел. В 1859 году специальным указом была учреждена Императорская Археологическая комиссия. Но сыграть системообразующую роль и получить в итоге позитивные результаты по сохранению памятников эти учреждения не смогли.

В XIX – начале XX вв. изменились векторы общественных запросов, здоровье человека стало важнейшей и приоритетной задачей государства. Чтобы ее выполнить, нужно было устранить все вредоносные экологические и природные факторы, влияющие прямо или опосредованно на человеческую жизнь. Поэтому охрана природы и территорий не являлась прямой целью при создании законов – все это нужно было для улучшения жизни людей, обеспечения качественных пропитания и водоснабжения, устранения всех возможных очагов и источников инфекций или болезней. Целеполагание при таких запросах определяло способы создания законов и критерии достижения нужных результатов. Можно утверждать, что его фундамент составляли ценности жизни, здоровья и потребностей человека [7, с. 24].

Вопросами взаимозависимости экологической обстановки, состояния окружающей среды, включая растительный и животный мир, и уровня благополучия и здоровья населения стали заниматься не только законодатели и законотворцы, но и представители просвещенной общественности. Определенные предложения по внесению дополнений в систему природоохранных и экологических законов, озабоченность общественности по существующим проблемам в этой сфере получали логически законченный и публично оформленный образ.

Площадкой, где можно было высказывать идеи и вносить предложения по подготовке проектов законов, стали печатные издания. С 1870-х гг. начал издаваться журнал «Сельское хозяйство и лесоводство», с начала 1890-х гг. – целый ряд журналов, брошюр и газет: «Человек и животное», «Вестник садоводства и плодоводства», «Земледелец», «Байкал», «Земледельческий», «Защита животных» и др.

XX век начался со всплеска публичных обсуждений и выдвижения требований по активному привлечению представителей науки, культуры и природоохранных ведомств к прогрессивному процессу изъятия определенных территорий, лесных массивов и водоемов из хозяйственного оборота.

Научная общественность многократно обоснованно рекомендовала конкретные шаги и меры по установлению границ и режимов заповедных и ценных зон и территорий с целью обеспечения их сохранности. Создавались и активно действовали комиссии, в состав которых входили Императорское географическое общество, Главное управление земледелия и землеустройства, лесной и сельскохозяйственный институты.

В 1909 году поступило конкретное предложение от Академии наук по созданию на Кубани за-

поведного парка для сохранения конкретных образцов и представителей кавказской региональной флоры и фауны, но без государственной поддержки это не было реализовано [8; 9, с. 23–25].

Начавшиеся в октябре 1917 года изменения в государственной и общественной жизни России вызвали и изменения в подходе к законодательному регулированию сферы особо охраняемых природных территорий и памятников природы. Был издан целый ряд соответствующих целевых декретов. Они закрепляли защитный статус лесов, почвенных покровов, рек и прибрежных территорий, природных памятников, определяли общественные задачи с точки зрения эстетики и культуры. Примером здесь может служить Декрет ВЦИК «О лесах» от 27.05.1918 [10]. Он давал толкование способов и видов ведения хозяйственной деятельности в лесных хозяйствах, вводил запреты или ограничения определенных действий.

В качестве еще одного примера можно рассматривать Декрет СНК РСФСР «О лечебных местностях общегосударственного значения» от 20.03.1919 [11]. На его основании Наркомат здравоохранения мог присваивать отдельным территориям статус курортных или лечебных зон.

В последующие годы были предприняты попытки разработки положений Декрета о заповедниках и заказниках, полученный опыт был взят за основу разработки новых нормативных правовых актов. Как результат, 11 апреля 1919 года состоялось открытие Астраханского заповедника, первой советской структуры заповедного типа [12, с. 17–18].

В 1920 году Народный комиссариат просвещения получил право организации новых заказников и заповедников. После издания Декрета от 14.05.1920 на Урале был создан специализированный минералогический заповедник, территория которого охватывала часть Ильменских гор.

Достоин упоминания в силу своей значимости и Декрет от 16.09.1921 «Об охране памятников природы, садов и парков» [13]. Именно его положения стали отправной точкой и базовой основой концепции создания и развития особо охраняемых природных территорий (ООПТ) [14, с. 50]. Он определил, какие земли, территории и предметы представляли научную и историко-культурную ценность для общества, способы их выделения, отождествления и сохранения; перечислялись памятники, памятные и особо ценные места, представители флоры и фауны, ценные породы минералов. Таким способом были заложены основы современной классификации особо охраняемых территорий природы. Только по разрешению Народного комиссариата просвещения на отведенных заповедных или парковых территориях можно было вести определенную хозяйственную деятельность, обрабатывать земельные угодья, вести разработку недр, рыболовецкий промысел, охотиться и т. д.

Начало 1920-х гг. отмечено появлением целого ряда декретов, направленных на выявление,

сбережение, заботу и охрану ценных территорий, природных объектов: в 1921 году – «Об охране памятников природы, садов и парков» [15, с. 37]; в 1924 году – «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы»; в 1925 году – «Об охране участков природы и ее отдельных произведений, имеющих преимущественно научное и культурно-историческое значение». Они активизировали деятельность по определению и классифицированию ООПТ, установили требования по обращению с ними и другими ценными объектами и возможные меры наказания по нарушению установленного порядка обращения.

На территориях полных заповедников вводился абсолютный запрет на ведение производственно-хозяйственной деятельности с целью сохранения их естественно-природного ареала. Что касалось частичных заповедников, то запреты и статус заповедности распространялись в них только на отдельные и четко отведенные территории [16, с. 127]. В 1929 году было разработано и утверждено Положение о функционировании и задачах заповедников [17].

В повседневной жизни у заповедников и заповедных мест проявилось еще одно, и очень полезное, предназначение – оказание помощи при проведении оздоровления трудящихся. Это была дополнительная возможность сохранения ценных природных мест и использования лечебных источников. Примером служит Постановление ВЦИК от 20.06.1930. Все это стало образцом для создания охраняемых и заповедных территорий и в союзных республиках.

В 1940 году было разработано и утверждено специальное Положение об охране курортов и приравненных к ним местностей, которое должно было законодательно обеспечить сохранность природной лечебной специфики и оздоровительных условий [18]. Для исключения негативного воздействия хозяйственной деятельности на лечебные или курортные условия, на окружающую среду в курортных районах действовал властный запрет на такую деятельность. Послевоенное Постановление «Об охране природы на территории РСФСР» от 23.09.1946 явилось естественным продолжением и развитием политики в сфере природоохранных мероприятий, действий по увеличению площадей ООПТ и организации заповедных территорий [15, с. 39].

Важную роль сыграл Закон 1960 года «Об охране природы в РСФСР», в котором был разработан и определен статус особо охраняемых территорий [19] и заповедников и заказников [20, с. 22]. Под действие закона попадали разные по своей значимости и распространенности объекты: курорты, лечебные источники, зеленые насаждения.

Управляться земельный фонд страны и все заповедники должны были в соответствии с Постановлением Совета Министров РСФСР от 5 июня 1962 г. № 769 «Об утверждении положения о государственных заповедниках РСФСР, находящихся в ведении Главного управления охотничьего

хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР» [21]. Следует подчеркнуть, что ныне действующий ФЗ № 33-ФЗ от 14.03.1995 «Об особо охраняемых природных территориях» отменил, развил и дополнил многие положения данного постановления. В ряду принятых Советом Министров РСФСР постановлений именно Постановление № 473 «О состоянии и мерах улучшения охраны памятников истории и культуры в РСФСР» от 24 мая 1966 года выделяется своей определенностью и конкретностью, с которыми он причислил целый ряд объектов к памятникам природы и возложил ответственность за их сохранность на учреждения, в чьем ведении или пользовании они находились.

Создание, развитие курортных и санаторных мест также происходило в соответствии с системой законов и соответствующих положений. Одно из них – Постановление № 654 «Об утверждении Положения о курортах», принятое 05.09.1973 года. Такие постановления служили исходным пунктом для разработки целого комплекса инструкций и положений, регламентирующих работу каждого конкретного курортного места.

Заслуживающим внимания представляется Постановление № 501 «О порядке признания водных объектов памятниками природы или культуры» от 12.09.1974. Оно закрепляло значимость оформления «Охранных обязательств» для предприятий и организаций, принимающих на себя обязательства по охране и сбережению достопримечательных водных объектов, которые не причислялись ранее к заповедным.

Не осталось без внимания государства и лесное хозяйство. 17.06.1977 был принят Закон СССР «Об утверждении Основ лесного законодательства Союза ССР и союзных республик». С точки зрения закона особое внимание заслуживают леса, выполняющие водоохранные, защитные, санитарно-гигиенические и оздоровительные функции. В эту же группу лесов были включены леса заповедников, национальных и природных парков, заповедные лесные участки, леса, имеющие научное или историческое значение, природные памятники, лесопарки, леса орехопромысловых зон, лесоплодовые насаждения, притундровые и субальпийские леса. Закон предусмотрел в этих случаях особый вид режимной охраны.

Действовал еще один важный по своей значимости документ – постановление Госплана СССР № 77/10627 от 27 апреля 1981 г., где утверждались «Типовые положения о государственных заповедниках, памятниках природы, ботанических садах и дендрологических парках, зоологических парках, заказниках и природных национальных парках».

Типовые положения устанавливали режим и назначение заповедников, ботанических садов и других подобных охраняемых территорий.

Выполненный нами экскурс в историю развития российского законодательства о территориях, представляющих особую природную ценность, и памятниках природы подтверждает кропотливую и последовательную работу государства по

сохранению природных ценностей и богатств. Исключение таких территорий и объектов из хозяйственной деятельности говорит о достаточно высоком государственном уровне правового регулирования и охраны.

Для подведения итогов историко-правового анализа отдельных аспектов развития отечественного законодательства в данной сфере отметим, что современный этап развития законодательства об исследуемых территориях и объектах с уникальным правовым режимом начинается после распада СССР, когда государство перешло к комплексному и системному решению проблем охраны природы, организации

рационального природопользования и обеспечения экологической безопасности населения и территорий [22, с. 12].

Особо охраняемые природные территории и памятники природы в России находятся под пристальным вниманием законодателей и законотворцев. Их развитие происходит комплексно и целенаправленно. Учитывается позитивный опыт советского законотворчества в данной сфере, а также ключевые подходы международно-правового регулирования данных отношений. При этом налицо формирование новых векторов развития: создание эколого-просветительских проектов, развитие экологического туризма.

Библиографический список

1. Памятники русского права. Вып. 1: Памятники права Киевского государства X–XII вв. / под ред. С. В. Юшкова. Москва: Госюриздат, 1952. 288 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/assets/uploads/pamjatniki-russkogo-prava/Pamyatniki_russkogo_prava-1_Yushkov_S_V.pdf.
2. Судебник царя Федора Иоанновича. Москва: Типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1900. 57 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book19760/592924/>.
3. Дулов А. В. Законодательство Российской империи как источник по исторической экологии России 1700–1860 гг. // Историко-экономические исследования. 2007. Т. 8, № 3. С. 119–133. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelstvo-rossiyskoy-imperii-kak-istochnik-po-istoricheskoy-ekologii-rossii-1700-1860-gg?ysclid=lxn93qb0rk3870211>.
4. Указ Петра I 1712 г. «О запрещении рубить толстый сосновый лес в уездах Новгородском, Старорусском, Луцком и Торопецком...» // Полное собрание законов. Т. 4. № 2607.
5. Указ Петра I от 17 июля 1719 г. № «О воспрещении рубки годного на кораблестроение леса, об охранении оного и о наказаниях за недозволенную порубку лесов» // Полное собрание законов. Т. 5. URL: <https://kp.rusneb.ru/item/material/5ddedd8a7d52b05595d65f55?ysclid=lxoahsduh169532746>.
6. Законодательство Петра I / В. М. Клеандрова, Б. В. Колобов, Г. А. Кутьина, Т. Е. Новицкая; под ред. Т. Е. Новицкой, А. А. Преображенского. Москва: Юрид. лит., 1997. 880 с. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/322416-zakonodatelstvo-petra-i>.
7. Боголюбов С. А. История формирования законодательства об охране земель и других природных ресурсов // Аграрное и земельное право. 2016. № 6 (138). С. 24–32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-formirovaniya-zakonodatelstva-ob-ohrane-zemel-i-drugih-prirodnih-resursov/viewer>.
8. Кожевников Г. А. О необходимости устройства заповедных участков для охраны русской природы // Труды Всероссийского Юбилейного Акклиматизационного съезда 1908 г. в Москве. Москва, 1909.
9. Бородин М. П. Охрана памятников природы // Труды Ботанического сада Юрьевского ун-та. 1910. Т. XI, вып. 4. URL: https://www.alexandra-goryashko.net/choise_book/zapoved_books/borodin_oxrana_1914.pdf.
10. Декрет ВЦИК «О лесах» от 27.05.1918 // СУ РСФСР. 1918. № 42. Ст. 522. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/139190>.
11. Декрет СНК РСФСР «О лечебных местностях общегосударственного значения» от 20.03.1919 // СУ РСФСР. 1919. № 19. Ст. 231. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/139224-dekret-soveta-narodnyh-komissarov-olechebnyh-mestnostyah-obschegosudarstvennogo-znacheniya-20-marta-1919-g>.
12. Куражковский Ю. Н. Заповедное дело в СССР. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1977. 158 с.
13. Декрет СНК от 16.09.1921 «Об охране памятников природы, садов и парков» // СУ РСФСР. 1921. № 65. Ст. 492. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/350583>.
14. Хрусталева В. М. Создание и деятельность системы государственных заповедников в РСФСР 1917–1937 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 1984. 242 с.
15. Реймерс Н. Ф., Штильмарк Ф. Р. Особо охраняемые природные территории. Москва: Мысль, 1978. 295 с. URL: <https://reallib.org/reader?file=1504508&ysclid=lxoclennq80893044199>.
16. Лунева Е. В. Правовой режим земельных участков в особо охраняемых природных территориях. Москва: Статут, 2018. 157 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44826233>. EDN: <https://elibrary.ru/frtouz>.
17. Типовое положение о заповедниках, состоящих в ведении Наркомпроса // Ежедневник Наркомпроса РСФСР. 1929. № 14. Ст. 306. С. 33–37.
18. Положение о санитарной охране курортов и местностей лечебного значения (утв. СНК СССР 10.04.1940) // СП СССР. 1940. № 12. Ст. 28. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/403292-postanovlenie-soveta>

narodnyh-komissarov-ob-utverzhdenii-polozheniya-o-sanitarnoy-ohrane-kurortov-i-mestnostey-lechebnogo-znacheniya-10-aprelya-1940-g-locale-nil-500.

19. Закон РСФСР 1960 г. «Об охране природы в РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1960. 40. Ст. 586. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Закон_РСФСР_от_27.10.1960_Об_охране_природы_в_РСФСР.

20. Галиновская Е. А. О правовых основах образования системы особо охраняемых природных территорий в России // Журнал российского права. 2010. № 5. С. 28–34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-pravovyh-osnovah-obrazovaniya-sistemy-osobo-ohranyaemyh-prirodnih-territoriy-v-rossii/viewer>.

21. Постановление Совета Министров РСФСР от 5 июня 1962 г. № 769 «Об утверждении положения о государственных заповедниках РСФСР, находящихся в ведении Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР» // СП РСФСР. 1962. № 11. Ст. 61. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9014352?ysclid=lxodm1djjg7165163012>.

22. Лачина Е. А. Уголовно-правовая охрана памятников природы, истории и культуры: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2006. 26 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01003304441.pdf?ysclid=lxodt1evw5615035482.

23. Благосклонов К. Н., Иноземцев И. А., Тихомиров В. Н. Охрана природы. Москва, 1967. 442 с.

24. Дулов А. В. Географическая среда и история России (конец XV – середина XIX вв.). Москва, 1983. 255 с. URL: <https://djvu.online/file/AgfNnTnonafVu>.

25. Дулов А. В. Законодательство Российской империи как источник по исторической экологии России // Историко-экономические исследования. 2007. Т. 8, № 3. С. 119–133. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelstvo-rossiyskoy-imperii-kak-istochnik-po-istoricheskoy-ekologii-rossii-1700-1860-gg/viewer>.

26. Юдина Т. Ф. Эволюция природоохранного законодательства дореволюционной России // Университетские научные записки Хмельницкого университета управления и права. 2012. № 1 (41). С. 494–501.

References

1. *Pamyatniki russkogo prava. Vyp. 1: Pamyatniki prava Kievskogo gosudarstva X–XII vv. Pod red. S. V. Yushkova* [Yushkov S. V. (Ed.) Monuments of Russian law. Issue 1: Monuments of the law of the Kyiv state of the X–XII centuries]. Moscow: Gosyurizdat, 1952, 288 p. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/assets/uploads/pamyatniki-russkogo-prava/Pamyatniki_russkogo_prava-1_Yushkov_S_V.pdf [in Russian].

2. *Sudebnik tsarya Fedora Ioannovicha* [Code of justice of Tsar Fyodor Ioannovich]. Moscow: Tipografiya G. Lissnera i A. Geshelya, 1900, 57 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book19760/592924/> [in Russian].

3. Dulov A. V. *Zakonodatel'stvo Rossiiskoi imperii kak istochnik po istoricheskoi ekologii Rossii 1700–1860 gg.* [Legislation of the Russian Empire as a source on the historical ecology of Russia of 1700–1860]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya* [Journal of Economic History and History of Economics], 2007, vol. 8, no. 3, pp. 119–133. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelstvo-rossiyskoy-imperii-kak-istochnik-po-istoricheskoy-ekologii-rossii-1700-1860-gg?ysclid=lxn93qb0rk3870211> [in Russian].

4. *Ukaz Petra I 1712 g. «O zapreshchenii rubit' tolsty les v uezdakh Novgorodskom, Starorusskom, Lutskom i Toropetskom...»* [Decree of Peter I as of 1712 «On the prohibition of cutting thick pine forest in the counties of Novgorod, Starorussky, Lutsk and Toropetsk...»]. In: *Polnoe sobranie zakonov* [Complete collection of laws], vol. 4, no. 2607 [in Russian].

5. *Ukaz Petra I ot 17 iyulya 1719 g. № «O vospreschenii rubki godnogo na korablestroenie lesa, ob okhraneni onogo i o nakazaniyakh za nedozvolennuyu porubku lesov»* [Decree of Peter I as of July 17, 1719 № «On the prohibition of cutting timber suitable for shipbuilding, on its protection and on punishments for illegal cutting of forests»]. In: *Polnoe sobranie zakonov* [Complete collection of laws], vol. 5. Available at: <https://kp.rusneb.ru/item/material/5ddedd8a7d52b05595d65f55?ysclid=lxoahsduhi169532746> [in Russian].

6. *Zakonodatel'stvo Petra I. V. M. Kleandrova, B. V. Kolobov, G. A. Kut'ina, T. E. Novitskaya. Pod red. T. E. Novitskoi, A. A. Preobrazhenskogo* [Kleandrova V. M., Kolobov B. V., Kut'ina G. A., Novitskaya T. E. Legislation of Peter I; Novitskaya T. E., Preobrazhensky A. A. (Eds.)]. Moscow: Yurid. lit., 1997, 880 p. Available at: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/322416-zakonodatelstvo-petra-i> [in Russian].

7. Bogolyubov S. A. *Istoriya formirovaniya zakonodatel'stva ob okhrane zemel' i drugih prirodnih resursov* [History of legislation on the protection of land and other natural resources]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo* [Agrarian and land law], 2016, no. 6 (138), pp. 24–32. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-formirovaniya-zakonodatelstva-ob-ohrane-zemel-i-drugih-prirodnih-resursov/viewer> [in Russian].

8. Kozhevnikov G. A. *O neobkhodimosti ustroystva zapovednykh uchastkov dlya okhrany russkoi prirody* [On the need to establish protected areas for the protection of Russian nature]. In: *Trudy Vserossiiskogo Yubileinogo Akklimatizatsionnogo s"ezda 1908 g. v Moskve*. Moscow, 1909 [in Russian].

9. Borodin M. P. *Okhrana pamyatnikov prirody* [Protection of natural monuments]. In: *Trudy Botanicheskogo sada Yur'evskogo un-ta*, 1910, vol. XI, issue 4, Available at: https://www.alexandra-goryashko.net/choise_book/zapoved_books/borodin_oxrana_1914.pdf [in Russian].

10. *Dekret VTsIK «O lesakh» ot 27.05.1918* [Decree of VTsIK «On forests» dated May 27, 1918]. *SU RSFSR* [Collection of laws of RSFSR], 1918, no. 42, Article 522. Available at: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/139190> [in Russian].

11. *Dekret SNK RSFSR «O lechebnykh mestnostyakh obshchegosudarstvennogo znacheniya» ot 20.03.1919* [Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR «On therapeutic areas of national importance» dated March 20,

- 1919]. *SU RSFSR* [Collection of laws of RSFSR], 1919, no. 19, Article 231. Available at: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/139224-dekret-soveta-narodnyh-komissarov-o-lechebnyh-mestnostyah-obschegosudarstvennogo-znacheniya-20-marta-1919-g> [in Russian].
12. Kurazhkovskiy Yu. N. *Zapovednoe delo v SSSR* [Nature reserve management in the USSR]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rostovskogo universiteta, 1977, 158 p. [in Russian].
13. *Dekret SNK ot 16.09.1921 g. «Ob okhrane pamyatnikov prirody, sadov i parkov»* [Decree of the Council of People's Commissars as of September 16, 1921 «On the protection of natural monuments, gardens and parks»]. *SU RSFSR* [Collection of Laws of RSFSR], 1921, no. 65, Article 492. Available at: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/350583> [in Russian].
14. Khrustalev V. M. *Sozдание i deyatelnost' sistemy gosudarstvennykh zapovednikov v RSFSR 1917–1937 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Creation and activities of the system of state reserves in the RSFSR in 1917–1937: Candidate's of Historical Sciences thesis]. Moscow, 1984, 242 p. [in Russian].
15. Reymers N. F., Shtilmark F. R. *Osobo okhranyaemye prirodnye territorii* [Specially protected natural areas]. Moscow: Mysl', 1978, 295 p. Available at: <https://reallib.org/reader?file=1504508&ysclid=lxoclnnq80893044199> [in Russian].
16. Luneva E. V. *Pravovoi rezhim zemel'nykh uchastkov v osobo okhranyaemykh prirodnnykh territoriyakh* [Legal regime of land plots in specially protected natural areas]. Moscow: Statut, 2018, 157 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44826233>. EDN: <https://elibrary.ru/frtouz> [in Russian].
17. *Tipovoe polozhenie o zapovednikakh, sostoyashchikh v vedenii Narkomprosa* [Model regulations on nature reserves under the jurisdiction of the People's Commissariat of Education]. In: *Ezhenedel'nik Narkomprosa RSFSR*, 1929, no. 14, Article 306, pp. 33–37 [in Russian].
18. *Polozhenie o sanitarnoi okhrane kurortov i mestnostei lechebnogo znacheniya (utv. SNK SSSR 10.04.1940)* [Regulations on the sanitary protection of resorts and areas of medicinal value (approved by the Council of People's Commissars of the USSR on April 10, 1940)]. *SP SSSR*, 1940, no. 12, Article 28. Available at: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/403292-postanovlenie-soveta-narodnyh-komissarov-ob-utverzhenii-polozheniya-o-sanitarnoy-okhrane-kurortov-i-mestnostey-lechebnogo-znacheniya-10-aprelya-1940-g-locale-nil-500> [in Russian].
19. *Zakon RSFSR 1960g. «Ob okhrane prirody v RSFSR»* [Law of the RSFSR as of 1960 «On nature conservation in the RSFSR»]. *Vedomosti VS RSFSR*, 1960, no. 40, Article 586. Available at: https://ru.wikisource.org/wiki/Закон_РСФСР_от_27.10.1960_Об_охране_природы_в_РСФСР [in Russian].
20. Galinovskaya E. A. *O pravovykh osnovakh obrazovaniya sistemy osobo okhranyaemykh prirodnnykh territorii v Rossii* [On legal framework of formation of a system of special protected natural areas in Russia]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2010, no. 5, pp. 28–34. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-pravovykh-osnovah-obrazovaniya-sistemy-osobo-okhranyaemykh-prirodnnykh-territoriy-v-rossii/viewer> [in Russian].
21. *Postanovlenie Soveta ministrov RSFSR ot 5 iyunya 1962 g. № 769 «Ob utverzhenii polozheniya o gosudarstvennykh zapovednikakh RSFSR, nakhodyashchikhся v vedenii Glavnogo upravleniya okhotnich'ego khozyaistva i zapovednikov pri Sovete Ministrov RSFSR»* [Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR dated June 5, 1962 No. 769 «On approval of the regulations on state reserves of the RSFSR, administered by the Main Directorate of Hunting and Reserves under the Council of Ministers of the RSFSR»]. *SP RSFSR*, 1962, no. 11, Article 61. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/9014352?ysclid=lxodm1djj7165163012> [in Russian].
22. Lachina E. A. *Ugolovno-pravovaya okhrana pamyatnikov prirody, istorii i kul'tury: avtoreferat dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal law protection of natural, historical and cultural monuments: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Ryazan, 2006, 26 p. Available at: <https://new-disser.ru/avtoreferats/01003304441.pdf?ysclid=lxodt1evw5615035482> [in Russian].
23. Blagosklonov K. N., Inozemtsev I. A., Tikhomirov V. N. *Okhrana prirody* [Nature protection]. Moscow, 1967, 442 p. [in Russian].
24. Dulov A. V. *Geograficheskaya sreda i istoriya Rossii (konets XV – seredina XIX vv.)* [Geographical environment and history of Russia (late XV – mid XIX centuries)]. Moscow, 1983, 255 p. Available at: <https://djvu.online/file/AgfNnTnonafBu> [in Russian].
25. Dulov A. V. *Zakonodatel'stvo Rossiiskoi imperii kak istochnik po istoricheskoi ekologii Rossii* [Legislation of the Russian Empire as a source on the historical ecology of Russia]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya* [Journal of Economic History and History of Economics], 2007, vol. 8, no. 3, pp. 119–133. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelstvo-rossiyskoy-imperii-kak-istochnik-po-istoricheskoy-ekologii-rossii-1700-1860-gg/viewer> [in Russian].
26. Yudina T. F. *Evolyutsiya prirodookhrannogo zakonodatel'stva dorevolyutsionnoi Rossii* [Evolution of environmental legislation of pre-revolutionary Russia]. *Universitetskie nauchnye zapiski Khmel'nitskogo universiteta upravleniya i prava*, 2012, no. 1 (41), pp. 494–501 [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-2-15-20

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.1

Дата поступления: 11.03.2024
рецензирования: 17.04.2024
принятия: 27.05.2024

Правовой статус судей как основа независимого правосудия: теоретико-исторические аспекты

И. В. Архипкин

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация
E-mail: i.arkhipkin@inbox.ru

Аннотация: Целью статьи стало выявление исторических предпосылок формирования в российском законодательстве нормативного регулирования статуса судей, а также влияния господствующей в разные периоды развития Российского государства идеологии на механизм правового обеспечения в законодательстве данного института. Использование сравнительно-исторического метода познания позволило провести ретроспективный обзор законодательной базы различных исторических периодов в контексте анализа формирования правового статуса судьи и его влияния на систему правосудия. Исследованы основные правовые акты русского, советского и современного периодов, отмечена поступательная тенденция в совершенствовании правовых основ обеспечения статуса судей. Сделан вывод, что реформирование судебной системы должно опираться на общепризнанные принципы организации и осуществления правосудия. Теоретическая значимость заключается в установлении схожего характера реформ российского законодательства, касающегося обеспечения статуса судьи, в 1864 и 1991 годах, в результате которых были провозглашены принципы разделения властей, независимости и несменяемости судей, их подчинения только закону.

Ключевые слова: статус судьи; судебная власть; судебная реформа; независимость судей; исторический опыт; правосудие.

Цитирование. Архипкин И. В. Правовой статус судей как основа независимого правосудия: теоретико-исторические аспекты // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 2. С.15–20. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-2-15-20>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Архипкин И. В., 2024

Игорь Валерьевич Архипкин – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права, Байкальский государственный университет, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.03.2024
Revised: 17.04.2024
Accepted: 27.05.2024

Legal status of judges as the basis of independent justice: theoretical and historical aspects

I. V. Arkhipkin

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
E-mail: i.arkhipkin@inbox.ru

Abstract: The purpose of the article was to identify the historical prerequisites for the formation of the regulatory regulation of the status of judges in Russian legislation, as well as the influence of ideology prevailing in different periods of development of Russian state on the mechanism of legal support in the legislation of this institution. The use of the comparative historical method of cognition made it possible to conduct a retrospective review of the legislative framework of various historical periods in the context of analyzing the formation of legal status of a judge and its impact on the justice system. The main legal acts of the Russian, Soviet and modern periods are studied, and a progressive trend in improving the legal foundations for ensuring the status of judges is noted. It is concluded that the reform of the judicial system should be based on generally recognized principles of organization and administration of justice. The theoretical significance lies in the establishment of a similar nature of the reform of Russian legislation concerning the provision of the status of a judge in 1864 and 1991, as a result of which the principles of separation of powers, independence and irremovability of judges, and their subordination only to the law were proclaimed.

Key words: status of a judge; judicial power; judicial reform; judicial independence; historical experience; justice.

Citation. Arkhipkin I. V. *Pravovoi status sudei kak osnova nezavisimogo pravosudiya: teoretiko-istoricheskie aspekty* [Legal status of judges as the basis of independent justice: theoretical and historical aspects]. *Juridicheskii vestnik*

Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University, 2024, vol. 10, no. 2, pp. 15–20. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-2-15-20> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Arkhipkin I. V., 2024

Igor V. Arkhipkin – Doctor of Economics, associate professor, professor of the Department of Theory and History of State and Law, Baikal State University, 11, Lenin Street, Irkutsk, 664003, Russian Federation.

Как отмечал историк права, инспектор Сенатского Архива И. А. Блинов, государство всегда было озабочено созданием для судей «таких условий, чтобы у них выработалось ясное сознание служебного долга и профессиональной чести, установились известные традиции по вопросам о служебных обязанностях, о том, что позволительно и что недостойно судебного деятеля» [1, с. 36]. В этой связи может представлять научный интерес обращение к вопросу о формировании правовых основ статуса судьи в российском законодательстве.

Впервые сущностные элементы правового статуса судей были отражены в Своде законов 1832 г., которым была закреплена наипервейшая обязанность лица, утверждаемого на судебскую должность. Такой обязанностью являлось принесение присяги – клятвенного обещания, текст которого призван был закрепить таким обещанием духовную ответственность судьи за осуществление правосудия, отражая прежде всего свойственное тому времени религиозное сознание [2, с. 25].

Самостоятельное регулирование такого вида государственной гражданской службы, как судебная, и, как следствие, формирование правовых основ ее представителей исторически произошли во второй половине XIX века. Этот вид гражданской службы регулировался нормами законодательства, новеллизировавшего существовавшую до этого времени общеимперскую систему судов, посредством введения качественно новой системы органов, отправляющих правосудие [3, с. 63], а именно Сводом уставов о службе гражданской и Судебными уставами 1864 г. Благодаря указанным правовым актам, судьи впервые получили особый статус, основой которого стали принципы несменяемости и независимости [4, с. 180–185]. Следует отметить то обстоятельство, что если первый из указанных принципов нашел прямое отражение в законодательстве, то второй – лишь опосредованное. В частности, с этого момента назначение судьи на должность стало пожизненным, а отстранение от нее могло быть осуществлено лишь по двум причинам: на основании самостоятельного решения об отставке или приговора суда. Что касается принципа независимости судей, то, несмотря на его отсутствие в судебных уставах, он нашел нормативное закрепление и практическую реализацию: необходимость его признания вытекала из исчерпывающего законодательного перечня учреждений, которым «власть судебная принадлежит», чем исключалось какое-либо участие исполнительной власти в судебной деятельности.

Однако фактически сразу после введения судебных уставов период реформ сменился периодом контрреформ. Как отмечается исследователями, «следствием усиления административного вмешательства в деятельность суда явилось существенное ограничение демократических принципов независимости и несменяемости судей» [5, с. 97]. Так, учрежденное 20 мая 1885 года Высшее дисциплинарное присутствие Сената существенно ограничило гарантии судебской статуса, поскольку данный орган был наделен полномочием увольнять судей. Кроме этого, подчиненность судей министру юстиции (представителю исполнительной власти) практически означало ликвидацию правового института независимости судей.

Тем не менее следует признать, что Великая реформа ознаменовала собой прогрессивные тенденции в правовом статусе судей, процесс обеспечения действенности которых был прерван революцией 1917 г.

Изменения государственного строя, последовавшие за октябрьскими событиями, не могли не сказаться на действовавшем в российском государстве того времени законодательстве. В мировой истории не единичны случаи, когда вследствие смены формы правления или государственного переворота новой властью предпринимались меры по реформированию национального законодательства, но подобное реформирование никогда прежде не было столь радикальным, более того, никогда не носило характера практической ликвидации законодательства как такового.

Пришедшей на смену самодержавию диктатурой пролетариата была предопределена зависимость судей от органов законодательной и исполнительной властей, означавшая ликвидацию принципа их независимости. Профессиональная деятельность судей теперь основывалась на принципах их сменяемости и выборности, что имело законодательное закрепление и идейно-теоретическое обоснование.

Основной целью диктатуры пролетариата являлось установление нового государственного строя, для чего необходимо было упразднение дореволюционной судебной системы. При этом руководство молодого государства предназначение суда видело иначе, чем это предполагалось судебными реформами 1864 г. Новая судебная система должна была стать прежде всего орудием подавления враждебных молодой республике классов.

Декретом № 1 «О суде» было постановлено: «упразднить донныне существующие общие судебные установления, приостановить действие института мировых судей, избираемых донныне

непрямыми выборами, местными судами в лице постоянного местного судьи и двух очередных заседателей, приглашаемых на каждую сессию по особым спискам очередных судей»¹. Такой порядок формирования корпуса судей, избираемых посредством прямых демократических выборов, многими деятелями юстиции того времени оценивался как ошибочный [6, с. 3].

В дальнейшем реформаторы судебной системы отказались от прямых выборов судей. Положение о судеустройстве 1922 г. избрание и отзыв судей возложило на исполкомы Советов, что дало возможность при формировании судебных органов расставлять кадры по усмотрению распорядительно-исполнительных органов власти [7, с. 108]. В этой связи один из видных советских государственных и партийных деятелей того времени Н. В. Крыленко неоднократно указывал, что в эпоху диктатуры пролетариата речь не может идти ни о какой безграничной независимости советских судей, подчинение судов Советам – «необходимая гарантия проведения судами классово-политической политики, а также основное достоинство советского правосудия» [8, с. 5]. Таким образом, обоснование отсутствия независимости судей и, как следствие, отсутствия независимости судебной системы имело идеологическую основу. Поэтому в этот период независимость судей рассматривалась исключительно сквозь призму приверженности коммунистической идеологии и рабоче-крестьянской принадлежности.

Принцип несменяемости судей, также отнесенный А. Я. Вышинским к буржуазным пережиткам и фикциям, в Положении о судеустройстве 1922 г.² был заменен принципом сменяемости судей, но при этом смещение народного судьи допускалось «исключительно по суду или в дисциплинарном порядке» [9, с. 60].

Анализ правовых источников начального этапа существования советского государства показал, что правовой статус судьи не имел систематизированного закрепления в каком-либо едином нормативном правовом акте. Тем не менее отдельные правовые аспекты судейского статуса нашли отражение в нормах первых советских Конституций (1918 г.³ и 1925 г.⁴), в Положениях о судеустройстве (1922 г. и 1926 г.⁵), Основых судеустройств Союза

СССР 1924 г., Уголовных кодексах РСФСР (1922 г. и 1926 г.), декретах и постановлениях ВЦИК и СНК РСФСР. К этому периоду относится начало формирования института неприкосновенности советских судей, уголовно-правовая охрана которых отдельно не выделялась, – в отношении нарушителей действовали нормы, касающиеся посягательства на любого представителя власти.

Как отмечается исследователями данного периода, основными требованиями к советскому судье являлись помощь партии и правительству в проведении в жизнь их директив [10, с. 19]. При избрании судей приоритет отдавался идеологическим вопросам, в первую очередь пролетарской принадлежности и преданности политической линии партии.

Концептуальное значение для развития правового статуса советских судей имела Конституция СССР 1936 г.⁶, а также развивающий ее положения Закон о судеустройстве СССР 1938 г.⁷ В этих актах впервые в качестве основы отправления правосудия был закреплен принцип независимости судей и их подчинение только закону. Тем не менее формирование судейского корпуса по-прежнему осуществлялось на основе принципа партийности.

В годы Великой Отечественной войны единственным принципом отправления правосудия являлся принцип патриотизма, что объяснялось чрезвычайными условиями военного времени.

Основным документом, влияющим на конструктивное изменение законодательства, касающегося регламентации правового статуса советских судей в послевоенное время, следует считать Указ Президиума ВС СССР «О дисциплинарной ответственности судей» 1948 года⁸, положениями которого впредь не только определялись особые требования к нравственным качествам личности судей, но и устанавливались основания и процедура их удаления с должности.

В «Основах законодательства о судеустройстве СССР, союзных и автономных республик» 1958 г. продолжалось развитие принципа независимости судей и подчинение их только закону (ст. 9). Однако основной гарантией реализации этих принципов продолжала оставаться подотчетность народных судей избирателям.

Следует отметить, что впервые в истории отечественного законодательства Законом СССР «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства

¹ О суде: Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

² Положение о судеустройстве РСФСР // СУ РСФСР. 1922. № 77. Ст. 960.

³ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

⁴ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, утв. Постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК.

⁵ Положение о судеустройстве РСФСР // СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

⁶ Конституция СССР 1936 г. утверждена Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г. (в ред. от 5 декабря 1936 г.) // СПС «Гарант».

⁷ О судеустройстве СССР, союзных и автономных республик: закон СССР от 16.08.1938 г. // Ведомости ВС СССР. 1938. № 11. Москва: Госюриздат, 1954.

⁸ О дисциплинарной ответственности судей (вместе с «Положением о дисциплинарной ответственности судей»): указ Президиума ВС СССР от 15 июля 1948 г. // Ведомости ВС СССР. 1948. № 31.

Союза ССР и союзных республик» 1958 года⁹ был закреплен принцип осуществления уголовного правосудия только судом. Поэтому исторически именно уголовный процесс стал первой отраслью права, в которой правовое регулирование осуществлялось на основе данного принципа.

В целом процесс систематизации законодательства, начавшийся с 50-х годов XX века, оказал существенное влияние на правовой статус судей. Фактически во всех законодательных актах, устанавливающих основы судостроительства Советского Союза, нашли отражение такие принципы, как принцип независимости судей и принцип их подчинения только закону и социалистическому правосознанию.

Тем не менее, как правомерно отмечает Е. В. Колесников, в этот период наиболее слабым и уязвимым звеном в системе государственных органов были именно суды, рассматриваемые юридически и функционально как исключительно правоохранительные органы, нацеленные на охрану социалистического правопорядка и обширных государственных интересов. Несмотря на декларируемую самостоятельность (например, положение ст. 167 Конституции РСФСР 1978 г. о том, что «суды и народные заседатели независимы и подчиняются только закону»), их реальный статус, в том числе по уровню оплаты труда и льготам, был невысоким. В Советском Союзе за неугодные властям (а тем более, оправдательные) приговоры судьи наказывались и даже снимались с должности. Командно-административной системе не был нужен независимый, авторитетный суд. Для советского общества были характерны диктат партийных (КПСС) и исполнительных органов, ущемленное и зависимое положение судей [11, с. 74–75].

Правовой статус судьи как самостоятельная правовая категория впервые был отражен в Законе «О статусе судей СССР» 1989 года¹⁰, закрепившем основные характеристики правового положения, гарантии независимости судей и механизм их реализации [12, с. 183], которые оставались неизменными до событий, приведших к распаду Советского Союза.

В начале 90-х годов произошли коренные общественные, экономические и политические преобразования, начался новый этап возрождения демократии в России, следствием которого стала судебная реформа.

Современный этап в развитии статуса судей связывается учеными, во-первых, с принятием Постановления «О концепции судебной реформы в РСФСР»¹¹, во-вторых, с принятием Закона

«О статусе судей Российской Федерации»¹², закрепивших определенные правовые гарантии обеспечения независимого правосудия – несменяемость и неприкосновенность судей. И наконец, с принятием Конституции Российской Федерации, благодаря которой в российском конституционном тексте впервые появилось само понятие «судебная власть».

Как в этой связи справедливо отмечает судья Конституционного суда в отставке Т. Морщакова, «советские суды никогда не реализовывали никакой власти». Лишь в Конституции 1993 года «был предложен принцип разделения властей, противоположный нормам советских конституций, которые провозглашали единство власти»¹³. При этом в процессе работы Конституционного совещания по разработке текста новой Конституции РФ были высказаны важные положения относительно конституционных гарантий статуса судей.

Следует отметить, что законодатель, определяя на конституционном уровне принципы судебной власти и деятельности судей, по объективным причинам не смог отразить в Основном законе всех ключевых вопросов, касающихся организации и деятельности этой ветви власти. Это было реализовано в принятом в 1996 г. ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»¹⁴.

Таким образом, ретроспективный анализ исторического опыта становления и развития правового статуса судьи в России показал, что, какие бы изменения, затрагивающие статус судьи, ни происходили, Российское государство стремилось к его совершенствованию, что отражалось в поступательной тенденции совершенствования правовых основ обеспечения их независимости. При этом отметим, что реформирование российского законодательства, касающегося обеспечения статуса судьи, в 1864 и 1991 годах имело схожий характер: были провозглашены принципы разделения властей, независимости и несменяемости судей, их подчинения только закону. Вместе с тем нельзя не признать правомерным мнение ученых о том, что если судебную реформу 1964 года можно было считать завершенной, то этого нельзя сказать о реформе 1991 года, поскольку на практике механизмы, по которым должно осуществляться правосудие, затруднительно в полной мере считать работающими [5, с. 130].

Важно подчеркнуть, что реформирование судебной системы должно опираться на общепризнанные принципы организации и осуществления правосудия, а также на сложившееся в

⁹ Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: закон СССР от 25 декабря 1958 г. // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

¹⁰ О статусе судей в СССР: Закон СССР от 04.08.1989 // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1989. № 9. Ст. 223.

¹¹ О Концепции судебной реформы в РСФСР: постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 31.10.1991. № 44. Ст. 1435.

¹² О статусе судей в Российской Федерации: закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 30.07.1992. № 30. Ст. 1792.

¹³ Лекция Тамары Морщаковой «Судебная власть в России. Перспективы развития». URL: <http://president-sovet.ru/projects/bibliography/read/102> (дата обращения: 04.03.2024).

¹⁴ О судебной системе Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 06.01.1997. № 1. Ст. 1.

результате исторического развития государства понимание предназначения и роли каждого конкретного института правовой и судебной систем. Думается, бесспорным является положение о том, что правовые традиции заимствовать невозможно, а не соответствующие этим традици-

ям правовые реформы, которые не опираются на предшествующий исторический опыт, вряд ли будут успешными. Поэтому при определении путей совершенствования правовых основ статуса судей важно учитывать положительный отечественный опыт.

Библиографический список

1. Блинов И. А. Судебный строй и судебные порядки перед реформой 1864 года // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за 50 лет. Петроград: Сенатская типография, 1914. С. 3–101. URL: <https://library6.com/3596/item/800361>.
2. Корнакова С. В. Основания профессиональной этики судьи // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2013. № 1 (4). С. 64–68. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23300543>. EDN: <https://elibrary.ru/tpxaph>.
3. Авдеева О. А. Проблемы реализации судебной реформы 1864 г. в Сибири // Известия Байкальского государственного университета. 2006. № 5. С. 63–66. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-realizatsii-sudebnoy-reformy-1864-g-v-sibiri/viewer>.
4. Щербакова И. А., Корнакова С. В. Гарантии независимости, обеспечивающие статус судьи в Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 433. С. 180–185. URL: DOI: <http://doi.org/10.17223/15617793/433/25>.
5. Дроздова А. А. Развитие судебной системы и судебной реформы в России // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 3. С. 95–102. DOI: <http://doi.org/10.17323/2072-8166.2016.3.95.102>.
6. Берман Я. Л. Очерки по истории судостроительства РСФСР. Москва: НКЮ РСФСР, 1923. 72 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008638721/?ysclid=lxok1gdxpz255774963.
7. Верещагина А. В. Декрет № 1 о суде: история подготовки и его содержание // Журнал российского права. 2011. № 6. С. 101–109.
8. Крыленко Н. Реформа судостроительства // Ежедневник советской юстиции. 1922. № 37–38. С. 5–8.
9. Вышинский А. Я. Курс уголовного процесса. Москва: НАРКО-МЮСТ РСФСР, 1927. 222 с. URL: <https://djvu.online/file/JcxDVRwWwsHAu?ysclid=lxokleapgn679954940>.
10. Винниченко О. Ю. Модернизация судебной системы в период нэпа. Курган: КГУ, 2013. 173 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29867908>. EDN: <https://elibrary.ru/zdfoyx>.
11. Колесников Е. В. Суд и становление демократической правовой государственности в современной России // Конституционное развитие России: сб. науч. статей. Саратов: СГАП, 2011. С. 73–81.
12. Щербакова И. А., Корнакова С. В. Конституционно-правовые основы статуса судей Российской Федерации. Москва: Юрлитинформ, 2019. 160 с.

References

1. Blinov I. A. *Sudebnyi stroi i sudebnye poryadki pered reformoi 1864 goda* [Judicial system and judicial order before the reform of 1864]. In: *Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 g. za 50 let* [Judicial statutes dated November 20, 1864 for the period of 50 years]. Petrograd: Senatskaya tipografiya, 1914, pp. 3–101. Available at: <https://library6.com/3596/item/800361> [in Russian].
2. Kornakova S. V. *Osnovaniya professional'noi etiki sud'i* [Basics of professional judges' ethics]. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya* [Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings], 2013, no. 1 (4), pp. 64–68. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23300543>. EDN: <https://elibrary.ru/tpxaph> [in Russian].
3. Avdeeva O. A. *Problemy realizatsii sudebnoi reformy 1864 g. v Sibiri* [Problems of realization of the judicial reform 1864 in Siberia]. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Baikal State University], 2006, no. 5, pp. 63–66. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-realizatsii-sudebnoy-reformy-1864-g-v-sibiri/viewer> [in Russian].
4. Shcherbakova I. A., Kornakova S. V. *Garantii nezavisimosti, obespechivayushchie status sud'i v Rossiiskoi Federatsii* [Guarantees of independence ensuring the status of a judge in the Russian Federation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2018, no. 433, pp. 180–185. DOI: <http://doi.org/10.17223/15617793/433/25> [in Russian].
5. Drozdova A. A. *Razvitie sudebnoi sistemy i sudebnoi reformy v Rossii* [The Development of Judicial System and Judicial Reform in Russia]. *Pravo. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki* [Law Journal of the Higher School of Economics], 2016, no. 3, pp. 95–102. DOI: <http://doi.org/10.17323/2072-8166.2016.3.95.102> [in Russian].

6. Berman Ya. L. *Ocherki po istorii sudoustroistva RSFSR* [Essays on the history of the judicial system of the RSFSR]. Moscow: NKYu RSFSR, 1923, 72 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008638721/?ysclid=lxok1gdxpz255774963 [in Russian].
7. Vereshchagina A. V. *Dekret № 1 o sude: istoriya podgotovki i ego sodержanie* [The decree no. 1 about court: experience of reconsideration of history of creation and the content]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2011, no. 6, pp. 101–109. [in Russian].
8. Krylenko N. *Reforma sudoustroistva* [Reform of the judicial system]. *Ezhenedel'nik sovetskoi yustitsii*, 1922, no. 37–38, pp. 5–8 [in Russian].
9. Vyshinskiy A. Ya. *Kurs ugolovnogo protsessa* [Course of the criminal process]. Moscow: NARKOMYuST RSFSR, 1927, 222 p. Available at: <https://djvu.online/file/JcxDVRwWwsHAu?ysclid=lxokleapgn679954940> [in Russian].
10. Vinnichenko O. Yu. *Modernizatsiya sudebnoi sistemy v period nepa* [Modernization of the judicial system during the NEP period]. Kurgan: KGU, 2013, 173 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29867908>. EDN: <https://elibrary.ru/zdpoyx> [in Russian].
11. Kolesnikov E. V. *Sud i stanovlenie demokraticheskoi pravovoi gosudarstvennosti v sovremennoi Rossii* [Court and the formation of democratic legal statehood in modern Russia]. In: *Konstitutsionnoe razvitie Rossii: sb. nauch. statei* [Constitutional development of Russia: collection of scientific articles]. Saratov: SGAP, 2011, pp. 73–81 [in Russian].
12. Shcherbakova I. A., Kornakova S. V. *Konstitutsionno-pravovye osnovy statusa sudei Rossiiskoi Federatsii* [Constitutional and legal foundations of the status of judges of the Russian Federation]. Moscow: Yurlitinform, 2019, 160 p. [in Russian].

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ
PUBLIC LAW (STATE-LEGAL) SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-2-21-26

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.163

Дата поступления: 06.02.2024
рецензирования: 15.03.2024
принятия: 27.05.2024

**Запрет использования средств мобильной связи в образовательных
организациях как предмет прокурорского надзора**

Д. А. Лобачев

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: lobachev.da@ssau.ru

Аннотация: 19 декабря 2023 года Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» был дополнен нормой, содержащей запрет на использование обучающимися средств мобильной связи во время проведения учебных занятий. Единообразное и точное применение законодательства в сфере образования, соблюдение прав несовершеннолетних в этой области составляет особый предмет прокурорского надзора. Необходимость внимания прокуратуры к исполнению указанного законодательного нововведения обусловлена прежде всего задачей обеспечения соответствия локальных правовых актов образовательных организаций требованиям федерального закона. В статье представлен анализ содержания введенного ограничения, что позволяет определить границы его применения, а также оценить законность толкования данного правила на уровне правовых актов образовательных организаций. Любые разъяснения на локальном уровне учебных заведений должны соответствовать закону и не искажать его смысла. В работе обозначены те случаи, когда предписания, касающиеся использования средств мобильной связи, вступают в противоречие с действующей нормой Закона об образовании и, соответственно, требуют применения мер прокурорского реагирования.

Ключевые слова: использование телефона в школе; запрет на использование смартфона на занятиях; прокурорский надзор в сфере образования; телефон под запретом; ответственность за использование телефона/смартфона в школе; средства подвижной радиотелефонной связи.

Цитирование. Лобачев Д. А. Запрет использования средств мобильной связи в образовательных организациях как предмет прокурорского надзора // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 2. С. 21–26. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-2-21-26>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Лобачев Д. А., 2024

Денис Александрович Лобачев – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 06.02.2024
Revised: 15.03.2024
Accepted: 27.05.2024

**Prohibition of the use of mobile communications in educational institutions
as a subject of prosecutorial supervision**

D. A. Lobachev

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: lobachev.da@ssau.ru

Abstract: December 19, 2023 Federal Law No. 273-FZ dated December 29, 2012 «On Education in the Russian Federation» was supplemented with a norm containing a ban on the use of mobile communication facilities by students during training sessions. Uniform and precise application of legislation in the field of education, respect for the rights of minors in this area is a special subject of prosecutorial supervision. The need for the Prosecutor's office to pay attention

to the implementation of this legislative innovation is primarily due to the task of ensuring compliance of local legal acts of educational organizations with the requirements of federal law. The article presents an analysis of the content of the imposed restriction, which makes it possible to determine the boundaries of its application, as well as to assess the legality of the interpretation of this rule at the level of legal acts of educational organizations. Any explanations at the local level of educational institutions must comply with the law and not distort its meaning. The article identifies those cases when the regulations concerning the use of mobile communication facilities conflict with the current norm of the Law on Education and, accordingly, require the use of prosecutorial response measures.

Key words: use of a phone at school; ban on the use of a smartphone in the classroom; prosecutorial supervision in the field of education; the phone is prohibited; responsibility for the use of a phone/smartphone at school; mobile radiotelephone communications.

Citation. Lobachev D. A. *Zapret ispol'zovaniya sredstv mobil'noi svyazi v obrazovatel'nykh organizatsiyakh kak predmet prokurorskogo nadzora* [Prohibition of the use of mobile communications in educational institutions as a subject of prosecutorial supervision]. *Juridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 2, pp. 21–26. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-2-21-26> [in Russian].

Information on the conflict of interest: author declares no conflict of interest.

© Lobachev D. A., 2024

Denis A. Lobachev – Candidate of Legal Sciences, assistant professor of the Department of Criminal Process and Criminalistics, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Актуальность вопроса ограничения использования мобильных средств связи в учебных заведениях существует не первый год. Для его решения на уровне локальных правовых актов учебных заведений были введены и действуют определенные правила, которым должны следовать обучающиеся при использовании мобильных средств связи. Несмотря на общий запретительный характер этих правил, единством содержания они не обладают. Отчасти это было связано с тем, что на законодательном уровне данный вопрос до недавнего времени не был урегулирован.

19.12.2023 статья 43 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании) была дополнена пунктом 4.1 следующего содержания: обучающиеся обязаны не использовать средства подвижной радиотелефонной связи во время проведения учебных занятий при освоении образовательных программ начального общего, основного общего и среднего общего образования, за исключением случаев возникновения угрозы жизни или здоровью обучающихся, работников организации, осуществляющей образовательную деятельность, иных экстренных случаев [1].

Надзор за образовательными организациями возложен на прокуратуру в силу статьи 21 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [2], согласно которой предметом прокурорского надзора являются, в частности, исполнение законов органами управления и руководителями некоммерческих организаций, а также соответствие законам издаваемых ими правовых актов. Кроме того, приказом Генерального прокурора РФ от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» [3] установлено, что соблюдение прав несовершеннолетних в сфере образования является особым предметом надзора прокуратуры. Об акту-

альности и приоритетности данного направления прокурорской деятельности также упоминается в литературе [4–6].

Необходимость внимания прокуратуры к исполнению указанного законодательного нововведения обусловлена прежде всего задачей обеспечения соответствия локальных правовых актов образовательных организаций требованиям федерального закона. Внесенное в Закон об образовании дополнение является основанием для актуализации правил внутреннего распорядка конкретных образовательных организаций, исключения положений субъективного толкования законодательного правила, механизма его реализации и последствий нарушения.

Прокурорский надзор в рамках рассматриваемого вопроса призван обеспечить единообразное, правильное и точное понимание и применение поднадзорными лицами закрепленного в Законе об образовании ограничения по использованию средств радиотелефонной связи обучающимися. В качестве указанных лиц в данном случае выступают государственные, муниципальные и частные образовательные организации, их руководители [7, с. 251]. Предметом прокурорского надзора в рамках рассматриваемого вопроса являются: а) проверка локальных правовых актов образовательных организаций на предмет их соответствия Закону об образовании, недопущение фактов искажения содержания нормы закона в правилах внутреннего распорядка учебных заведений; б) проверка исполнения федерального закона поднадзорными лицами на предмет выявления незаконного ограничения или лишения права владения средством мобильной связи, применения к обучающимся мер воздействия, не основанных на законе.

Анализ содержания ограничения, введенного Законом об образовании, позволяет указать на следующее:

а) подвижная радиотелефонная связь представляет собой способ связи, при котором доступ

абонента к каналу связи осуществляется без использования кабеля, а связь с абонентским устройством осуществляется по радиоканалу [8]. Закон об образовании не называет конкретных видов технических средств подвижной радиотелефонной связи, использование которых запрещается во время учебных занятий, следовательно, речь идет о любых устройствах, которые позволяют осуществлять связь по радиоканалу. К последним относятся мобильные телефоны, смартфоны, планшеты, умные часы с возможностью голосового, текстового общения, иные устройства с сим-картой, например, ноутбук (далее – средства связи);

б) Закон об образовании накладывает определенные ограничения лишь на одно из правомочий собственника или иного законного владельца вещи, а именно на пользование средством связи. Данное правомочие представляет собой основанную на законе возможность эксплуатации, хозяйственного или иного использования имущества путем извлечения из него полезных свойств, его потребления [9]. С учетом этого ограничение, сформулированное в Законе об образовании, предполагает, что обучающийся обязан воздержаться от любой эксплуатации средств связи во время проведения занятий. Закон не устанавливает разрешенные виды использования мобильных устройств, например, в целях, не связанных с передачей голосовой или текстовой информации по радиоканалу. Поэтому можно сделать вывод о том, что обучающийся не вправе использовать смартфон, планшет, в том числе для просмотра информации, заранее размещенной в собственном устройстве, например, для презентации, изложения доклада, реферата, сообщения и т. д. В целом общий запретительный подход к использованию средств связи на занятиях представляется разумным, поскольку педагог ограничен в фактической возможности проверки уважительности причины использования устройства на занятии. Вместе с этим полагаем, что в Законе об образовании могло быть предусмотрено дополнительное исключение из общего правила, которое бы предполагало, что ученик вправе использовать устройство в образовательных целях с разрешения педагога.

Иные правомочия собственника, такие как владение и распоряжение техническим устройством, Закон об образовании не затрагивает. Следовательно, закон не ограничивает возможность обучающегося иметь у себя средство связи, в том числе во время проведения занятий, то есть сохранять над ним фактическое обладание. В силу частей 1, 2 статьи 35 Конституции РФ право частной собственности охраняется законом. Каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами. Только федеральным законом могут быть ограничены права и свободы человека и гражданина (часть 3 статьи 55 Конституции РФ).

Изложенное свидетельствует о незаконности включения в правила внутреннего распорядка

учебных заведений каких-либо правил, разрешающих работникам образовательных организаций изымать мобильные устройства у обучающихся или иным образом принуждать их перед учебным занятием сдавать телефоны и иные средства связи в специально отведенные для этого места. Закон об образовании не предполагает подобного ограничения права собственности или иного права законного владения учеником принадлежащим ему устройством. В основе решения временно отказаться от права владения техническим устройством (на время проведения занятия) может лежать исключительно воля самого ученика и/или его законного представителя.

Среди лиц, интересующихся рассматриваемой темой, возникает вопрос о правовой природе отношений, возникающих между обучающимся и учебным заведением, в случае сдачи первым средства связи в специально отведенное для этого место в школе. Полагаем, что подобного рода отношениям свойственны признаки договора хранения (глава 47 ГК РФ). При этом важно отметить, что Закон об образовании рассматривает запрет на использование средств связи как обязанность обучающегося. Он не возлагает на учебное заведение задачу создавать какие-либо условия для исполнения этого запрета (например, принимать телефоны на хранение и/или выделять для них места в классе, требовать от педагога собирать устройства связи до занятия, а по его завершении раздавать их обратно). Обучающийся самостоятельно определяет вариант необходимых действий, которые он должен совершить, чтобы не допустить нарушения установленного правила: например, он может оставить смартфон дома или хранить средство связи в сумке во время проведения занятия. Поэтому указанные выше размышления о характере отношений не имеют смысла, так как в силу закона они не возникают. Бесспорно, при наличии обоюдной воли сторон данные правоотношения могут иметь место, но их природа будет определяться уже решениями конкретных участников. Так, например, учебное заведение может не принимать на хранение средства связи, а предоставить в безвозмездное пользование ящик или ячейку в шкафу, которые возможно использовать для личных вещей с условием самостоятельной ответственности учеников за сохранность и целостность собственного имущества;

в) Закон об образовании, устанавливая ограничение на использование средств связи обучающимися, определенным образом очерчивает временной период действия ограничений – это время проведения учебных занятий, причем речь идет об освоении образовательных программ начального общего, основного общего и среднего общего образования. В отношении высших учебных заведений данное ограничение не действует. Следовательно, в иное время, кроме учебных занятий, т. е. на перемене, в период внеурочной деятельности закон не ограничивает право на использование средств связи. Иной порядок, предусмотренный в прави-

лах внутреннего распорядка обучающихся, будет нарушать Закон об образовании;

г) из общего правила о запрете использования средств связи во время проведения учебных занятий Законом об образовании сделаны следующие исключения: наличие угрозы жизни или здоровью обучающихся, работников организации, иных экстренных случаев. Закон не определяет и не перечисляет характер и виды подобных ситуаций. Полагаем, что их детализация на уровне локального акта также избыточна, но в целом допустима при условии сохранения открытого перечня экстренных случаев. Понятие «экстренный случай» в действующем законодательстве не раскрыто. Но использование такой широкой по своему содержанию категории показывает, что законодатель не стремился сделать исключительными случаями только ситуации, несущие в себе непосредственно угрозу жизни, здоровью, имуществу обучающихся и работников организации. Применительно к рассматриваемому запрету в отношении использования средств связи считаем возможным относить к экстренным случаям любые обстоятельства, которые не свойственны привычному учебному процессу или могут быть связаны с личными причинами обучающихся. По мнению автора, в число экстренных случаев входят, например, ситуации внезапного прекращения подачи какого-либо энергоресурса в учебное заведение или случаи, когда обучающийся вынужден использовать средство связи в целях осуществления мониторинга, поддержания собственного здоровья или в целях связи с больным человеком. При этом, если необходимость использования мобильного устройства связана с личными обстоятельствами, то их наличие должно быть подтверждено документально.

Отдельного внимания заслуживает вопрос об ответственности за нарушение обязанности, возложенной законом на обучающегося, – воздержаться от использования мобильных средств связи на учебных занятиях. В силу пункта 3.1 статьи 43 Закона об образовании основным субъектом контроля за соблюдением режима использования средств связи на учебных занятиях являются педагогические работники организации, осуществляющие образовательную деятельность. Соблюдение запрета использования мобильных устройств относится к правилам внутреннего распорядка обучающихся, выступает одним из требований к дисциплине на учебных занятиях. За неисполнение или нарушение данных правил и требований к обучающимся могут быть применены меры дисциплинарного взыскания – замечание, выговор, отчисление из образовательной организации (пункт 4 статьи 43 Закона об образовании). В отношении учащихся по образовательным программам дошкольного, начального общего образования, а также обучающихся с ограниченными возможностями здоровья меры дисциплинарной ответственности за использование средств мобильной связи на занятиях применяться не могут (пункт 5 статьи 43 Закона об образовании). Крайняя мера от-

ветственности в виде отчисления может быть применена только к лицу, достигшему возраста 15 лет и при условии, если иные меры дисциплинарного взыскания и меры педагогического воздействия не дали результата, а дальнейшее его пребывание в организации оказывает отрицательное влияние на других обучающихся, нарушает их права и права работников организации. Закон об образовании не предполагает иных мер ответственности в отношении обучающихся за использование средств связи на учебных занятиях, кроме указанных мер дисциплинарного характера. В связи с этим включение в правила внутреннего распорядка образовательной организации не предусмотренных законом мер воздействия (например, таких как изъятие мобильного устройства педагогом в случае его использования учеником на занятии, установление запрета входить на занятие с подобным устройством и иные подобные меры) является нарушением и требует внесения акта прокурорского реагирования в адрес руководителя образовательной организации в целях исключения из содержания локальных правовых актов положений, противоречащих федеральному закону.

Анализ правил внутреннего распорядка обучающихся общеобразовательных учреждений (в части положений, посвященных ограничениям на использование средств связи) показал, что во многих из изученных случаев содержание данных правил не приведено в соответствие с п. 41 статьи 43 Закона об образовании. Кроме этого, в отдельных примерах имеются спорные положения, нарушающие Закон об образовании. Надзор за законностью правовых актов отнесен Приказом Генерального прокурора РФ от 07.12.2007 № 195 к числу основных направлений надзорной деятельности прокуратуры [10]. При оценке законности локальных правовых актов образовательных организаций на предмет их ответственности статье 43 Закона об образовании органам прокуратуры следует обращать внимание на положения следующего характера:

– возложение на обучающихся обязанности помещать по указанию педагога имеющиеся у них средства мобильной связи в специальные места для их хранения, а по завершении занятия забирать их оттуда. Подобная обязанность противоречит Закону об образовании, который не накладывает каких-либо ограничений на владение имуществом;

– установление правила о том, что педагог может разрешить обучающемуся пользоваться средствами связи на занятии в образовательных целях. Несмотря на общую рациональность данного подхода, следует указать, что Закон об образовании не содержит подобного исключения из общего правила о запрете использования средств связи во время учебных занятий;

– перечисление экстренных случаев, в которых обучающиеся вправе использовать средства связи на занятиях, в виде исчерпывающего перечня ситуаций;

– установление запрета на использование средств вне времени учебных занятий, например, на перемене, в столовой, во внеурочное время и т. п.;

– разрешение использования средств связи только в определенных местах образовательной организации, например, исключительно в холле учебного заведения;

– закрепление права педагогов и иных работников образовательной организации изымать средства связи в случае нарушения установленного ограничения на их использование во время занятий.

В заключение отметим, что выявление фактов несоответствия правовых актов образовательных организаций положениям федерального закона является основанием для применения мер прокурорского реагирования. Любые разъяснения и детализация ограничений, связанных с использованием средств связи, на локальном уровне учебных заведений должны соответствовать закону и не искажать его смысла. Расширительное, субъективное толкование образовательной организацией подобного рода законодательных правил порою влечет за собой нарушение закона, а также прав и свобод человека и гражданина.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 19.12.2023 № 618-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» // pravo.gov.ru: официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202312190026?ysclid=lxjz4yfmdp339171765> (дата обращения: 19.12.2023).
2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 25.12.2023) «О прокуратуре Российской Федерации» // <http://pravo.gov.ru>: официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102014157&ysclid=lxjzc6zk6y778472753> (дата обращения: 12.12.2023).
3. Приказ Генпрокуратуры России от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» // Законность. 2022. № 2. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/documents?item=67620098>.
4. Криворучко Н. В. Надзор за исполнением законодательства в сфере соблюдения прав детей на получение доступного образования // Законность. 2023. № 6. С. 20–23. URL: <http://pressa-lex.ru/?p=3540#more-3540>.
5. Бережкова Н. Ф. Осуществление прокурорского надзора в области образования // Административное право и процесс. 2015. № 12. С. 77–78. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25028625>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vbsfyf>.
6. Калигин М. Б., Беккалиев Д. Х. Опыт работы прокуратуры Саратовской области по защите прав детей при обеспечении общедоступного и бесплатного образования // Прокурор. 2016. № 3. С. 76–78. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/printed-publications/magazine-proc/archive?item=22138803>.
7. Лобачев Д. А. Прокурорский надзор за соблюдением прав несовершеннолетних граждан на общедоступность начального общего образования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 2 (93). С. 249–259. DOI: <http://doi.org/10.24411/2312-3184-2020-10050>.
8. Долгополов П.С. Что представляет собой подвижная радиотелефонная связь? // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=СЛ&n=142543&ysclid=lxk2k1o219532324239> (дата обращения: 15.01.2024).
9. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / В. С. Ем, И. А. Зенин, Н. В. Козлова и др.; отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стереотип. Москва: Статут, 2011. Т. 1 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/sukhanov_ea_rossijskoe_grazhdanskoe_pravo_tom1/?ysclid=lxk2psszlr414835934 (дата обращения: 15.01.2024).
10. Приказ Генпрокуратуры России от 07.12.2007 № 195 (ред. от 31.08.2023) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rf-ot-07122007-n-195/?ysclid=lxk31vpdmx329379798> (дата обращения: 11.01.2024).

References

1. *Federal'nyi zakon ot 19.12.2023 № 618-FZ «O vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon «Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law № 618-FZ dated 19.12.2023 «On amendments being made to the Federal law «Concerning Education in the Russian Federation»]. Retrieved from the official internet-portal of legal information <http://pravo.gov.ru>. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202312190026?ysclid=lxjz4yfmdp339171765> (accessed 19.12.2023) [in Russian].
2. *Federal'nyi zakon ot 17.01.1992 № 2202-1 (red. ot 25.12.2023) «O prokurature Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law № 2202-1 as of 17.01.1992 (as amended on 25.12.2023) «Concerning the Public Prosecution Service of the Russian Federation»]. Retrieved from the official internet-portal of legal information <http://pravo.gov.ru>, 12.12.2023. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102014157&ysclid=lxjzc6zk6y778472753> (accessed 19.12.2023) [in Russian].
3. *Prikaz Genprokuratury Rossii ot 13.12.2021 № 744 «Ob organizatsii prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonodatel'stva o nesovershennoletnikh, soblyudeniem ikh prav i zakonnykh interesov»* [Order of the General Procurator's Office of Russia dated 13.12.2021 № 744 «On the organization of prosecutorial supervision over the implementation of

legislation on minors, observance of their rights and legitimate interests»]. *Zakonnost*, 2022, no. 2. Available at: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/documents?item=67620098> [in Russian].

4. Krivoruchko N. V. *Nadzor za ispolneniem zakonodatel'stva v sfere soblyudeniya prav detei na poluchenie dostupnogo obrazovaniya* [Supervision over compliance with laws in the sphere of protection of the rights of children to accessible education]. *Zakonnost*, 2023, no. 6, pp. 20–23. Available at: <http://pressa-lex.ru/?p=3540#more-3540> [in Russian].

5. Berezhkova N. F. *Osushchestvlenie prokurorskogo nadzora v oblasti obrazovaniya* [Implementation of prosecutorial oversight in the sphere of education]. *Administrativnoe pravo i protsess* [Administrative Law and Procedure], 2015, no. 12, pp. 77–78. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25028625>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vbsfyf> [in Russian].

6. Kaligin M. B., Bekkaliev D. Kh. *Opyt raboty prokuratury Saratovskoi oblasti po zashchite prav detei pri obespechenii obshchedostupnogo i besplatnogo obrazovaniya* [Experience of the work of Saratov Region Prosecutor's Office in protecting children's rights while providing public and free education]. *Prokuror* [Procurator], 2016, no. 3, pp. 76–78. Available at: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/printed-publications/magazine-proc/archive?item=22138803> [in Russian].

7. Lobachev D. A. *Prokurorskii nadzor za soblyudeniem prav nesovershennoletnikh grazhdan na obshchedostupnost' nachal'nogo obshchego obrazovaniya* [Prosecutorial supervision of observance of the rights of juvenile citizens to the accessibility of primary general education]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii* [Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2020, no. 2 (93), pp. 249–259. DOI: <http://doi.org/10.24411/2312-3184-2020-10050> [in Russian].

8. Dolgoplov P. S. *Chto predstavlyaet soboi podvizhnaya radiotelefonnaya svyaz'?* [What is mobile radiotelephone communication?]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=142543&ysclid=lxk2k1o219532324239> (accessed 15.01.2024) [in Russian].

9. *Rossiiskoe grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 2 t. V. S. Em, I. A. Zenin, N. V. Kozlova i dr.; otv. red. E. A. Sukhanov. 2-e izd., stereotip.* [Em V. S., Zenin I. A., Kozlova N. V. et al. Russian civil law: textbook: in 2 vols.; Sukhanov E. A. (Ed.). 2nd edition, stereotyped]. Moscow: Statut, 2011, Vol. 1. Retrieved from the official website of legal reference system «ConsultantPlus». Available at: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/sukhanov_ea_rossijskoe_grazhdanskoe_pravo_tom1/?ysclid=lxk2psszlr414835934 (accessed 15.01.2024) [in Russian].

10. *Prikaz Genprokuratury Rossii ot 07.12.2007 № 195 (red. ot 31.08.2023) «Ob organizatsii prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov, soblyudeniem prav i svobod cheloveka i grazhdanina»* [Order of the Prosecutor General's Office of Russia dated 07.12.2007 № 195 (revised 31.08.2023) «On the organization of prosecutorial supervision over the execution of laws, observance of human and civil rights and freedoms»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rf-ot-07122007-n-195/?ysclid=lxk31vpdmx329379798> (accessed 11.01.2024) [in Russian].

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ PRIVATE (CIVIL) SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-2-27-32

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.45

Дата поступления: 16.01.2024

рецензирования: 21.03.2024

принятия: 27.05.2024

Гражданско-правовые и иные обязанности пациента: вопросы систематизации и содержания

Е. С. КрюковаСамарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

E-mail: kr-elena1203@mail.ru

П. С. КудашеваСамарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

E-mail: kr-elena1203@mail.ru

Аннотация: Развитие новых направлений медицины требует системной модернизации правового регулирования медицинской деятельности, в том числе корректировки положений, касающихся статуса пациента. Результат медицинской деятельности формируется в процессе ее осуществления при непосредственном участии как медицинского работника, так и пациента. Учитывая, что факторами ухудшения состояния здоровья может стать среди прочего поведение самого гражданина, при оценке эффективности медицинской помощи приобретает собственную ценность категория «обязанности пациента». В этом контексте в работе проанализированы основные обязанности пациента с точки зрения их правовой природы и контента, проведена классификация, выявлена юридико-фактическая основа, определены правовые последствия их нарушения. Авторами подчеркнута влияние исследуемого института на динамику складывающихся при осуществлении медицинской деятельности отношений и обозначены существенные различия ключевых обязанностей пациента с гражданско-правовыми обязательствами. Сделан вывод о необходимости применения комплексного подхода при реформировании правового статуса пациента в условиях развития персонализированной медицины.

Ключевые слова: обязанности пациента; правовая природа; ответственность; персонализированные подходы в медицине.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Правовое обеспечение персонализированной медицины, основанной на генетических и иных индивидуальных особенностях пациента» № 23-28-00720.

Цитирование. Крюкова Е. С., Кудашева П. С. Гражданско-правовые и иные обязанности пациента: вопросы систематизации и содержания // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 2. С. 27–32. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-2-27-32>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Крюкова Е. С., Кудашева П. С., 2024

Елена Сергеевна Крюкова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Полина Сергеевна Кудашева – лаборант-исследователь Научной группы КАФ-404, тема 17г-p003-404, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 16.01.2024

Revised: 21.03.2024

Accepted: 27.05.2024

Civil and other responsibilities of the patient: issues of systematization and content

E. S. Kryukova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: kr-elena1203@mail.ru

P. S. Kudasheva

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: kr-elena1203@mail.ru

Abstract: The development of new areas of medicine requires the modernization of legal regulation of all its components, including established approaches regarding the legal status of the patient. The result of medical activity is formed in the process of its implementation with the direct participation of both a medical professional and a patient. Considering that, among other factors, the behavior of a citizen himself can become the causes of a deterioration in health, the category of “patient responsibilities” acquires its own value in terms of analyzing the effectiveness of medical care and updating its legal support. To this end, the paper analyzes the main duties of the patient in the context of their legal nature and content, classifies them, identifies the legal and factual basis, and determines the legal consequences of the violation. The authors emphasize the influence of the institute under study on the dynamics of the relationships that develop in the implementation of medical activities and identify the essential differences between the basic duties of the patient and civil obligations. Conclusions are drawn about the need to apply an integrated approach to the reconstruction of the legal status of a patient in the context of the development of personalized medicine.

Key words: patient’s responsibilities; legal nature; responsibility; personalized approaches in medicine.

Acknowledgements. The study was carried out with financial support from the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project «Legal support for personalized medicine based on the genetic and other individual characteristics of the patient» No. 23-28-00720.

Citation. Kryukova E. S., Kudasheva P. S. *Grazhdansko-pravovye i inye obyazannosti patsienta: voprosy sistematzatsii i sodержaniya* [Civil and other responsibilities of the patient: issues of systematization and content]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 2, pp. 27–32. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-2-27-32> [in Russian].

Information about the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

© Kryukova E. S., Kudasheva P. S., 2024

Elena S. Kryukova – Candidate of Legal Sciences, associate professor of the Department of Civil and Business Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Polina S. Kudasheva – laboratory assistant-researcher of the Scientific Body KAF-404, subject 17r-p003-404, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Активное внедрение биомедицинских технологий, цифровизация здравоохранения, персонализация медицинских услуг требуют модернизации правового регулирования медицинской деятельности, что не может не затронуть правовой статус потребителя медицинской услуги. На сегодняшний день именно пациентоориентированные методы профилактики, диагностики и лечения выступают основным вектором развития медицины. Безусловно, совершенствование подходов в первую очередь зависит от позиции врача, применяемой им методологии и используемого инструментария. Вместе с тем поведение пациента способно в значительной мере повлиять на результаты медицинской деятельности.

Правовое положение пациента как ключевой фигуры медицинского обслуживания в общем виде отражено в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее по тексту – Закон об охране здоровья). Специальное отраслевое законодательство дополняет и детализирует его применительно к отдельным сферам и направлениям медицинской деятельности. Комплексный характер нормативной базы в сфере здравоохранения осложняет выявление юридико-

фактической основы медицинской деятельности, что, в свою очередь, накладывает отпечаток на определение прав и обязанностей участников возникающих отношений в рамках разных стадий и вариантов их развития. Договорная конструкция, обрамляющая процесс оказания медицинской услуги и позволяющая четко зафиксировать права и обязанности сторон, в полной мере задействована только в платном секторе медицинского обслуживания. Применительно же к условиям и порядку оказания медицинской помощи на базе системы обязательного медицинского страхования статус субъектов обозначен обобщенно, без преломления к конкретному этапу осуществления соответствующей деятельности. При разграничении обязательств следует также учитывать разветвленную структуру правовых связей, складывающихся в медицинском учреждении при взаимодействии пациента как с самой организацией, так и с непосредственным исполнителем услуг, наделенным собственным функционалом.

В доктрине под договором оказания медицинских услуг традиционно понимают соглашение, по которому «медицинская организация обязуется обеспечить гражданину квалифицированную медицинскую помощь, избрав для этого соответ-

ствующие методы врачевания и сохраняя медицинскую тайну, а гражданин имеет право требовать информацию о состоянии своего здоровья, лечении и последствиях, обязан следовать предписаниям медицинской организации и оплачивать медицинскую помощь» [1, с. 377].

Медицинской услуге свойствен целый ряд отличительных признаков, заключающихся в ее особой целевой направленности, уникальном объекте, профессиональных требованиях к субъектам оказания и индивидуальном характере совершаемых действий. Так, медицинский персонал осуществляет профессиональную деятельность, состоящую в положительном воздействии на здоровье гражданина, при этом методика, применяемый аппарат и последовательность действий врача во многом обусловлены состоянием пациента, длительностью заболевания, его отношением, содействием и желанием следовать рекомендациям специалиста [2, с. 113; 3, с. 109]. Спецификой обладают и результаты медицинской услуги, представляющие собой «постепенно проявляемые внешние признаки и симптомы» [4, с. 23].

Качество медицинской услуги определяется ст. 2 Закона об охране здоровья посредством нескольких показателей: своевременность действий, правильность выбора методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации при ее оказании и степень достижения запланированного результата. В литературе неоднократно подчеркивалось, что «услуги здравоохранения почти всегда имеют ярко выраженный персональный характер, и, как следствие, их качество во многом определяется исходным состоянием пациента, его особенностями, образом жизни, желанием выздороветь, что приводит к необходимости высокой степени индивидуализации процесса оказания медицинской помощи и сложности прогнозирования ожидаемого эффекта» [5, с. 55].

Таким образом, результат медицинской деятельности, направленной на восстановление, поддержание и укрепление здоровья пациента, формируется в процессе ее осуществления при непосредственном участии медицинского работника и, что не менее важно, самого пациента, от поведения которого во многом зависят изменения состояния его здоровья и исход лечения. В свете сказанного приобретает собственную ценность категория «обязанности пациента».

Согласно положениям базового закона в сфере здравоохранения, факт обращения за медицинской помощью или ее получение позволяют признать наличие у физического лица статуса пациента и наделять его соответствующими правомочиями. Совершенно справедливо утверждение о том, что ведущей составляющей правового статуса пациента являются его права [6]. Вместе с тем охарактеризовать правовое положение лица невозможно без обращения к его обязанностям. В перечень обязанностей пациентов входит необходимость принимать меры по сохранению своего здоровья, своевременно и в полном объеме проходить обследова-

ния, диагностику и осмотры, сообщать надлежащую для проведения лечения информацию, следовать указаниям медицинского персонала, соблюдать правила внутреннего распорядка в стационарах (ст. 27 Закона об охране здоровья). Пациент, контролируя ход и качество услуги, не должен вмешиваться в процесс исполнения. Большинство авторов дополняют названный в законе перечень обязанностей необходимостью со стороны пациента произвести оплату соответствующей услуги в случае ее возмездного оказания [7]. В целом согласны с обозначенной в доктрине позицией, что «пациент как сторона договора принимает на себя ряд обязанностей, которые он должен выполнить в процессе оказания медицинской услуги» [8, с. 56]. Вместе с тем возникает вопрос относительно того, каким из требуемых от пациента действий присуща гражданско-правовая природа и насколько гармонично они вписываются в привычную договорную конструкцию возмездного оказания услуг.

Особенности исполнения исследуемого договора во многом продиктованы формой и видом оказываемой медицинской помощи, состоянием здоровья пациента и другими обстоятельствами. Процесс исполнения может включать несколько этапов, носить системный характер и пр. Имея в виду названные факторы, по характеру совершаемых действий можно выявить среди ранее перечисленных организационные, информационные и обеспечительные обязанности пациента. По своей последовательности часть обязанностей предваряют договорные отношения, другие – имеют место при непосредственном оказании услуги как реакция на манипуляции врача.

В целях проведения типизации обязанностей можно воспользоваться также предлагаемым в теории видовым многообразием категории «правовой статус пациента»: общий (установленный для любого пациента), специальный (предусмотренный для отдельных категорий граждан) и индивидуальный [9, с. 99; 10, с. 233]. Последний вариант правового статуса «наиболее подвижен, поскольку на его проявление в полной мере влияют изменения как состояния здоровья конкретного человека, так и иные данные: его возраст, пол, профессия, окружающая среда» [11, с. 92]. В заданном ракурсе вполне уместна и созвучная систематизация обязанностей пациента. Кроме того, дифференциация, а следовательно, и специфика нормирования зависят от способа предоставления услуги. В частности, при использовании телемедицинских технологий должны быть учтены все особенности такого формата оказания помощи, что, безусловно, требует дополнительной регламентации прав и обязанностей всех участников процедуры, включая пациентов.

Системный анализ норм законодательства, закрепляющих правовое положение субъектов медицинской услуги, позволяет констатировать невысокую степень детализации прав и обязанностей пациентов, что очевидно требует пересмотра законодательного подхода к их регламентации. Как

показывает мировой опыт нормирования, права и обязанности пациентов могут быть включены в состав актов общего характера в области здравоохранения либо изложены посредством принятия автономного нормативного документа. Например, в Кодексе Республики Казахстан «О здоровье народа и системе здравоохранения» (7 июля 2020 года) положению пациента посвящены специальные охваченные им правила, а в Финляндии, напротив, принят отдельный Закон о статусе пациента и его правах (17 августа 1992 года) [12, с. 19]. В российском законодательстве права и обязанности пациентов составляют отдельный блок Закона об основах охраны здоровья и не обособлены в рамках самостоятельного нормативного акта. Считаем такой подход стратегически целесообразным, однако предлагаемое законодателем наполнение указанного нормативного материала требует структурной и содержательной доработки.

Фрагментарное регулирование обязательственной составляющей правового статуса пациента в науке связывают с его «восприятием как более уязвимой стороны складывающихся взаимоотношений, сама природа оказания медицинской помощи предполагает, что, с одной стороны, есть лицо, которое в силу своего состояния нуждается в ней, а с другой – профессионал, призванный облегчить страдания больного» [13, с. 68].

Обязанность традиционно понимается как мера должного поведения, состоящая в необходимости совершения каких-либо действий или воздержания от них, обеспеченная мерами государственного принуждения [14, с. 40]. В литературе обращалось внимание на «декларативный характер большей части обязанностей пациентов, вызванный невозможностью и нецелесообразностью понуждения человека заботиться о своем здоровье при отсутствии желания и соответствующего добровольного волеизъявления с его стороны. Закрепление же в законе любых обязывающих действий, напротив, должно предполагать их исполнение, подкрепляемое возможностью принуждения и применения мер ответственности» [15]. Подобных санкций законодательство о здравоохранении не содержит. В частности, обязанность соблюдать указания врача не может быть подкреплена санкциями, учитывая допустимые различия в рекомендациях нескольких специалистов и, как следствие, возможные сомнения и опасения пациента при принятии информированных решений, а также наличие у него права на отказ от медицинского вмешательства (ч. 3 ст. 20 Закона об охране здоровья).

Принимая во внимание комплексный характер медицинского законодательства, его тесную взаимосвязь и пересечение со смежными отраслями, последствия нарушений пациентом установленных требований можно выявить в контексте других отраслей права. Например, несоблюдение правил пребывания в стационаре может повлечь административную ответственность, но только в строго определенных в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях от

30.12.2001 № 195-ФЗ случаях при наличии указанных в нем конкретных составов правонарушений. Помимо этого, допустимо также досрочное прекращение пребывания в больнице, то есть выписка за нарушение правил внутреннего распорядка такого учреждения (обоснованность подобных решений подтверждена судебной практикой, например: Апелляционное определение Красноярского краевого суда № 33-3227/2015 от 06 апреля 2015 г.; Апелляционное определение Верховного Суда Республики Хакасия № 33-1812/2017 от 27 июля 2017 г. и др.).

Потребность проходить медицинские осмотры в обязательном порядке детерминирована условиями труда и спецификой отдельных видов деятельности, поэтому наряду со ст. 27 Закона об охране здоровья указанная обязанность, а также последствия ее несоблюдения установлены трудовым законодательством (ст. 69, 215 Трудового кодекса РФ). Если медицинское освидетельствование является обязательным, то отказ работника от прохождения проверки состояния его здоровья является нарушением трудовой дисциплины, за которое может накладываться наказание в виде замечания, выговора и т. д. При отказе работника от прохождения медицинского осмотра работодатель должен отстранить его от работы либо не допускать к работе. Данная обязанность работодателя закреплена в ст. 76 ТК РФ. Неоднократность отказов от медицинского освидетельствования, подтвержденных привлечением к дисциплинарной ответственности в течение года, может служить основанием для расторжения трудового договора по инициативе работодателя согласно п. 5 ч. 1 ст. 81 ТК РФ. Очерченный подход нашел свое отражение и в судебной практике (Определении Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 24 сентября 2020 г. № 88-6775/2020 и др.).

Вопросы несоблюдения больными установленного врачом режима лечения возникают в русле законодательства, сопровождающего социальное обеспечение населения. Согласно ст. 1.2–1.4 Федерального закона от 29.12.2006 № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством», в целях компенсации утраченного дохода заболевшему работнику выплачивается пособие по временной нетрудоспособности. Указанные нормы предусматривают возможность снижения размера такого пособия в случае нарушения застрахованным лицом в период временной нетрудоспособности режима, предписанного лечащим врачом (без уважительных причин). В частности, в качестве подобного основания может расцениваться продолжение работы во время болезни у другого работодателя по совместительству.

Гражданско-правовая ответственность (в форме возмещения убытков, неустойки и др.) наступает в результате невыполнения обязанности по внесению платы за медицинские услуги, оказываемые на возмездной основе.

Подводя итоги, к числу договорных обязанностей пациента можно отнести только необходимость оплаты оказанной ему медицинской услуги. Остальные требуемые от него в процессе оказания медицинской помощи действия имеют иную, отличную от гражданско-правовой природы сущность. Необходимость исполнения такого рода обязанностей закреплена, как правило, в обобщенном виде в отраслевом медицинском законодательстве либо локальных нормативных актах медицинского учреждения и не снабжена имущественными санкциями, свойственными гражданско-правовой ответственности и призванными восстановить нарушенный гражданский оборот. Вместе с тем исследуемые обязанности выступают значимыми для гражданско-правового обязательства обстоятельствами, влияющими на динамику складывающихся

отношений. В частности, правовым последствием их неисполнения могут стать снижение качества проводимых процедур, их приостановка, изменение характера и методики лечения либо освобождение (уменьшение размера) от ответственности за вред исполнителя услуги. Тем не менее персонификация медицинской деятельности в целом сориентирована на более широкое и действенное применение договорной конструкции, что не может затронуть только одну сторону возникающих отношений, принимая во внимание тесную взаимосвязь и взаимообусловленность результата услуги с поведением другой стороны. Следовательно, модернизация законодательства должна охватывать все составляющие процесса оказания медицинской помощи, не оставляя без внимания набор и содержание обязанностей пациента.

Библиографический список

1. Гражданское право: учебник: в 3 т. / отв. ред. В. П. Мозолин. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2016. 963 с.
2. Жилкина О. А. Правовая природа медицинской услуги как объекта гражданского права // Проблемы современного гражданского права: сб. науч. тр. / под ред. Е. Г. Бельковой. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2004. С. 113–116.
3. Шаяхметова А. Р. Специфика медицинской услуги как объекта гражданского права // Бизнес, менеджмент и право. 2011. № 1 (23). С. 109–112. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17067024>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ojmkztz>.
4. Салчак А. А. Возмездное оказание услуг // Фундаментальные исследования. 2006. № 8. С. 22–25. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=5228>.
5. Плесовский П. А. Медицинская услуга как социальное и экономическое благо // Корпоративное управление и инновационное развитие Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2007. № 4. С. 54–62. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15102190>. EDN: <https://www.elibrary.ru/msmner>.
6. Миронова Т. К. Правовое регулирование бесплатного оказания медицинской помощи: учебное пособие. Москва: Юстицинформ. 2018. 347 с. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/mironova_tk_pravovoe_regulirovanie_besplatnogo_okazaniya_medicinskoj_pomoshchi_uchebnoe_posobie.
7. Авдеев В. В. Медицинские услуги по договорам с организациями // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2010. № 18 (258). С. 11–17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskie-uslugi-po-dogovoram-s-organizatsiyami/viewer>.
8. Печникова О. Г., Печников А. П. К вопросу об условиях договора оказания платных медицинских услуг // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 2 (20). С. 54–58. URL: <http://naukatipk.ru/ct-menu-item-9.html?id=307>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17927782>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pcidwt>.
9. Кильметова Р. Р., Дзотцоева А. А. Права и обязанности пациентов в сфере охраны здоровья // Аграрное и земельное право. 2020. № 11 (191). С. 97–100. DOI: http://doi.org/10.47643/1815-1329_2020_11_97. EDN: <https://www.elibrary.ru/aqvkdc>.
10. Иванова Т. В., Цуглаева Н. В., Аштаева С. С. Права и обязанности пациента (гражданина) в сфере здоровья // Право и государство: теория и практика. 2023. № 6 (222). С. 232–235. DOI: http://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_6_232. EDN: <https://www.elibrary.ru/zoieka>.
11. Пищита А. Н. Правовое регулирование медицинской деятельности в современной России: теоретико-правовые аспекты. Москва: ЦКБ РАН, 2008. 196 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19762156>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qqlyvpf>.
12. Цыганова О. А. Система обеспечения и защиты прав граждан на получение доступной и качественной медицинской помощи: медико-социальный анализ. Архангельск: М-во образования и науки Российской Федерации, Северный гос. мед. ун-т, 2012. 310 с. URL: http://oa.lib.nsmu.ru/en/view_docs.php?id_doc=311.
13. Салыгина Е. С. Обязанности пациента в отношениях с медицинской организацией // Правовые вопросы в здравоохранении. 2016. № 3. С. 66–72.
14. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. I / под ред. В. П. Камышанского. Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 751 с.

15. Романовский Г. Б. Обязанности граждан в сфере охраны здоровья // Гражданин и право. 2012. № 12. С. 30–38. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18193575>. EDN: <https://www.elibrary.ru/nuigdy>.

References

1. *Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 3 t. Otv. red. V. P. Mozolin. 2-e izd., pererab. i dop.* [Mozolin V. P. (Ed.) Civil law: textbook: in 3 vols. 2nd edition, revised and enlarged]. Moscow: Prospekt, 2016, 963 p. [in Russian].
2. Zhilkina O. A. *Pravovaya priroda meditsinskoj usluzhi kak ob'ekta grazhdanskogo prava* [Legal nature of medical services as an object of civil law]. In: *Problemy sovremennogo grazhdanskogo prava: sb. nauch. tr. Pod red. E. G. Bel'kovo* [Bel'kova E. G. (Ed.) Problems of modern civil law: collection of scientific works]. Irkutsk: Izd-vo BGUEP, 2004, pp. 113–116 [in Russian].
3. Shayakhmetova A. R. *Spetsifika meditsinskoj usluzhi kak ob'ekta grazhdanskogo prava* [Specificity of medical services as an object of civil law]. *Biznes, menedzhment i pravo* [Business, Management and Law], 2011, no. 1, pp. 109–112. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17067024>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ojmktz> [in Russian].
4. Salchak A. A. *Vozmezdnoe okazanie uslug* [Paid services]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental Research], 2006, no. 8, pp. 22–25. Available at: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=5228> [in Russian].
5. Plesovskiy P. A. *Meditsinskaya ushuga kak sotsial'noe i ekonomicheskoe blago* [Medical service as a social and economic benefit]. *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitiye Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkar'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Corporate Governance and Innovative Economic Development of the North: Bulletin of Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University], 2007, no. 4, pp. 54–62. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15102190>. EDN: <https://www.elibrary.ru/msmnep> [in Russian].
6. Mironova T. K. *Pravovoe regulirovanie besplatnogo okazaniya meditsinskoj pomoshchi: uchebnoe posobie* [Legal regulation of free medical care: textbook]. Moscow: Yustitsinform, 2018, 347 p. Available at: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/mironova_tk_pravovoe_regulirovanie_besplatnogo_okazaniya_medicinskoj_pomoshchi_uchebnoe_posobie/ [in Russian].
7. Avdeev V. V. *Meditsinskie ushugi po dogovoram s organizatsiyami* [Medical services under contracts with organizations]. *Bukhgalterskii uchet v byudzhetnykh i nekommercheskikh organizatsiyakh*, 2010, no. 18 (258), pp. 11–17. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskie-uslugi-po-dogovoram-s-organizatsiyami/viewer> [in Russian].
8. Pechnikova O. G., Pechnikov A. P. *K voprosu ob usloviyakh dogovora okazaniya platnykh meditsinskikh uslug* [To the question of the conditions of the contract of paid medical services provision]. *Yuridicheskaya nauka i pravoprimeritel'naya praktika* [Legal Science and Law Enforcement Practice], 2012, no. 2 (20), pp. 54–58. Available at: <http://naukatipk.ru/ru/ct-menu-item-9.html?id=307>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17927782>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pcidwt> [in Russian].
9. Kilmetova R.R., Dzotsoeva A. A. *Prava i obyazannosti patsientov v sfere okhrany zdorov'ya* [Rights and obligations of patients in the field of health protection]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo* [Agrarian and land law], 2020, no. 11 (191), pp. 97–100. DOI: http://doi.org/10.47643/1815-1329_2020_11_97. EDN: <https://www.elibrary.ru/aqvkdc> [in Russian].
10. Ivanova T. V., Tsuglaeva N. V., Ashtaeva S. S. *Prava i obyazannosti patsienta (grazhdanina) v sfere zdorov'ya* [Rights and obligations of a patient (citizen) in the field of health]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and State: The Theory and Practice], 2023, no. 6 (222), pp. 232–235. DOI: http://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_6_232. EDN: <https://www.elibrary.ru/zoieka> [in Russian].
11. Pishhita A. N. *Pravovoe regulirovanie meditsinskoj deyatel'nosti v sovremennoi Rossii: teoretiko-pravovye aspekty* [Legal regulation of medical activities in modern Russia: theoretical and legal aspects]. Moscow: TsKB RAN, 2008, 196 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19762156>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qqlvpf> [in Russian].
12. Tsyganova O. A. *Sistema obespecheniya i zashchity prav grazhdan na poluchenie dostupnoi i kachestvennoi meditsinskoj pomoshchi: mediko-sotsial'nyi analiz* [System of ensuring and protecting the rights of citizens to receive affordable and high-quality medical care: medical and social analysis]. Arkhangelsk: M-vo obrazovaniya i nauki Rossijskoi Federatsii, Severnyi gos. med. un-t, 2012, 310 p. Available at: http://oa.lib.nsmu.ru/en/view_docs.php?id_doc=311 [in Russian].
13. Salygina E. S. *Obyazannosti patsienta v otnosheniyakh s meditsinskoj organizatsiei* [Responsibilities of the patient in relations with a medical organization]. *Pravovye voprosy v zdravookhranении*, 2016, no. 3, pp. 66–72 [in Russian].
14. *Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 2 t. T. I. Pod red. V. P. Kamyshanskogo* [Kamyshansky V. P. (Ed.) Civil law: textbook: in 2 vols. Vol. I]. Moscow: YuNITI-DANA. Zakon i pravo, 2024, 751 p. [in Russian].
15. Romanovskiy G. B. *Obyazannosti grazhdan v sfere okhrany zdorov'ya* [Responsibilities of citizens in the field of health protection]. *Grazhdanin i pravo*, 2012, no. 12, pp. 30–38. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18193575>. EDN: <https://www.elibrary.ru/nuigdy> [in Russian].

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ CRIMINAL LEGAL SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-2-33-41

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340:101

Дата поступления: 11.02.2024
рецензирования: 26.03.2024
принятия: 27.05.2024

О предписаниях уголовного законодательства как аксиомах

Е. В. Благов

Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова,
г. Ярославль, Российская Федерация
E-mail: blagov@uniyar.ac.ru

Аннотация: В статье сделана попытка рассмотреть последствия теоретического подхода к уголовно-правовым предписаниям как к аксиомам. Выводы сделаны неутешительные. Во-первых, к указанным предписаниям видно двойственное отношение законодателя. С одной стороны, последний принимает их и вводит в действие, видимо, считая доказанными. С другой стороны, он нередко одни предписания не согласовывает с другими. При этом создается странная ситуация, которая характеризуется тем, что имеются несколько предписаний, каждое из которых подлежит применению в том виде, в котором сформулировано, но, по существу, они противоречат друг другу. Причем такая ситуация имеется как внутри уголовного законодательства, так и в соотношении его с предписаниями уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства. Во-вторых, явно не считает уголовно-правовые предписания аксиомами судебная практика. Пленум Верховного Суда РФ зачастую разъясняет их якобы «по смыслу», но фактически изменяет содержание и меняет уголовное законодательство. И то и другое не соответствует принципу законности (ст. 3 УК РФ) и является следствием нарушения правил законодательной и интерпретационной техники.

Ключевые слова: уголовное законодательство; предписания; аксиомы; уголовно-процессуальное законодательство; уголовно-исполнительное законодательство; постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Цитирование. Благов Е. В. О предписаниях уголовного законодательства как аксиомах // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 2. С. 33–41. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-2-33-41>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Благов Е. В., 2024

Евгений Владимирович Благов – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова, 150003, Российская Федерация, г. Ярославль, ул. Советская, 14.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.02.2024
Revised: 26.03.2024
Accepted: 27.05.2024

On the prescriptions of criminal law as axioms

E. V. Blagov

P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation
E-mail: blagov@uniyar.ac.ru

Abstract: The article attempts to consider the consequences of a theoretical approach to criminal law prescriptions as axioms. The conclusions are disappointing. Firstly, the ambivalent attitude of the legislator towards these prescriptions is evident. On the one hand, the latter accepts them and puts them into effect, apparently considering them proven. On the other hand, he often does not coordinate some prescriptions with others. At the same time, a strange situation is created, which is characterized by the fact that there are several prescriptions, each of which is subject to application in the form in which it is formulated, but, in essence, contradict each other. Moreover, there is such a thing both within criminal legislation and in relation to its provisions of criminal procedure and penal enforcement legislation. Secondly,

judicial practice clearly does not consider criminal law prescriptions to be axioms. The Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation often clarifies them allegedly «in meaning», but actually changes the content and, in essence, changes the criminal law. Both do not comply with the principle of legality (Article 3 of the Criminal Code of the Russian Federation) and are the result of violations of the rules of legislative and interpretative techniques.

Key words: criminal law; regulations; axioms; criminal procedure legislation; penal enforcement legislation; resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Citation. Blagov E. V. *O predpisaniyakh uголовного zakonodatel'stva kak aksiomakh* [On the prescriptions of criminal law as axioms]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 2, pp. 33–41. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-2-33-41> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Blagov E. V., 2024

Evgeny V. Blagov – Doctor of Laws, professor, professor of the Department of Criminal Law and Criminology, P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14, Sovetskaya Street, Yaroslavl, 150003, Russian Federation.

Введение

Аксиома в уголовно-правовой науке рассматривается как средство законодательной техники [1, с. 51]. Однако дефиниций первой почти нет. Едва ли не исключением является утверждение, что под аксиомой в уголовном праве понимается «исходное положение, основанное на историческом опыте решения вопросов, относящихся к юрисдикции уголовного права, не требующее доказательств в силу своей ясности и очевидности, которое в большинстве случаев прямо или косвенно закреплено в нормах уголовного законодательства» [2, с. 79]. Станный подход.

Во-первых, «исходное положение» – это, по существу, общепринятая характеристика принципа уголовного права. Во-вторых, характеристику, «основанную на историческом опыте», наоборот, нельзя не отнести уже к любым уголовно-правовым предписаниям. Очевидно, что они складывались исторически. В-третьих, если речь идет об аксиоме в уголовном праве, то, естественно, она относится к уголовно-правовой юрисдикции и тем самым в большинстве случаев прямо или косвенно должна быть закреплена в нем.

В сухом остатке оказывается только признак положения, не требующего доказательств в силу своей ясности и очевидности, но он не может отличить аксиому в уголовном праве от иных аксиом. Ведь в русском языке любая аксиома – положение, принимаемое без доказательств [3, с. 37].

При отмеченных условиях, может быть, и нет никакой уголовно-правовой специфики аксиом, и справедливо мнение, согласно которому значение аксиом в праве «заключается в том, что они не требуют доказываемости и готовы к применению в ходе правотворческого процесса» [4, с. 13]. И тогда не надо «городить огород» путем выведения якобы особых для уголовного права аксиом.

Несмотря на отмеченное, идею аксиом в уголовном праве нельзя не признать плодотворной. По существу, ими следовало бы считать все уголовно-правовые предписания. Если они и требуют доказательств, то только в процессе разработки и принятия. Как только их приняли, это уже означает, что они доказаны и должны беспрекословно воплощаться в жизнь.

Ценность подхода к уголовно-правовым предписаниям через посредство аксиом заключается в

возможности увидеть уголовное законодательство под иным углом зрения. Если аксиомы являются средствами законодательной техники и не требуют доказательств, то отношение к закрепляющим первые уголовно-правовым предписаниям со стороны как законодателя, так и практики должно полностью этому соответствовать.

Юридическая наука, конечно, не может быть в списке тех, для которых нормативные предписания находятся вне критики. В противном случае ее просто не станет и ей на смену вынужденно придет теоретическое подхалимство.

Несогласованность уголовно-правовых предписаний

С изложенных позиций немало уголовно-правовых предписаний не выглядят безупречными, ибо законодатель в действительности далеко не всегда формулирует их по типу аксиом. Смежные предписания подчас не согласованы друг с другом, а потому не требующими доказывания нередко быть неспособны. Особенно это характерно для Общей части уголовного законодательства, устанавливающей:

– в ч. 2 ст. 1 УК РФ, что новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в Уголовный кодекс. Казалось бы, никакие другие законы попадать в него не должны, но вводятся законы, например, об освобождении от уголовной ответственности (ст. 76.1, 76.2 УК РФ и др.) или наказания (ст. 80.1, 82.1 и др.), об исключаяющих преступность деяния обстоятельствах (ст. 37), что выходит за пределы ч. 2 ст. 1;

– в ч. 1 ст. 2, что задачами Уголовного кодекса являются охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества. Казалось бы, ничего другого уголовное законодательство охранять не должно, но в его Особенной части отражены преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ), против интересов службы (главы 23, 30), правосудия (глава 31), порядка управления (глава 32), военной службы (глава 33) и др., что выходит за пределы ч. 1 ст. 2;

– в ч. 2 ст. 2, что для осуществления своих задач Уголовный кодекс устанавливает основание

и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений. Казалось бы, ничего другого в уголовное законодательство вводиться не должно, но в нем имеются исключаяющие преступность деяния обстоятельства (глава 8 УК РФ), освобождение от уголовной ответственности и наказания (главы 11 и 12), принудительные меры медицинского характера, назначаемые в отсутствие преступления (ст. 97) и т. п., что выходит за пределы ч. 2 ст. 2;

– в ч. 2 ст. 3, что применение уголовного закона по аналогии не допускается. Казалось бы, ничего противного уголовное законодательство предусматривать не должно, но в нем по правилам ч. 1–4 ст. 69 УК РФ о назначении наказания по совокупности преступлений требуется определять наказание, если после вынесения судом приговора по делу будет установлено, что осужденный виновен еще и в другом преступлении, совершенном им до вынесения приговора суда по первому делу (ч. 5), т. е. когда отсутствует совокупность преступлений, при которой лицо не может быть осуждено ни за одно из преступлений (ст. 17); а по правилам ч. 4 ст. 69 – о назначении дополнительных наказаний по совокупности преступлений – требуется определять такие же наказания по совокупности приговоров, предполагающей совершение нового преступления после осуждения за предыдущее (ч. 5 ст. 70), что выходит за пределы ч. 2 ст. 3;

– в ч. 1 ст. 5, что лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Казалось бы, именно общественно опасные действия (бездействие) должны осознаваться при умысле как форме вины. Отнюдь, в ст. 25 УК РФ предусмотрено осознание общественной опасности своих действий (бездействия), что выходит за пределы ч. 1 ст. 5;

– в ч. 1 ст. 6, что наказание, применяемое к лицу, совершившему преступление, должно быть справедливым, т. е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Казалось бы, именно это должно учитываться по общим началам назначения наказания, но в ч. 3 ст. 60 УК РФ нет указания на обстоятельства совершения преступления и есть – на смягчающие и отягчающие обстоятельства, а также на влияние назначенного наказания на исправление осужденного и условия жизни его семьи, что выходит за пределы ч. 1 ст. 6;

– в п. «в» ч. 4 ст. 18, что при признании рецидива преступлений не учитываются судимости за преступления, по которым предоставлялась отсрочка исполнения приговора, если она не отменялась и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы. Казалось бы, такая отсрочка должна быть урегулирована в

уголовном законодательстве, но этого не сделано, а в него введены отсрочки отбывания наказания (ст. 82 и 82.1 УК РФ), что выходит за пределы п. «в» ч. 4 ст. 18;

– в ст. 20, что уголовная ответственность наступает с четырнадцати или шестнадцати лет. Казалось бы, с другого возраста она наступать не должна, но предусмотренные, например, ст. 150 и 151 УК РФ преступления могут совершить лишь лица, достигшие восемнадцатилетнего возраста, что выходит за пределы ст. 20;

– в ч. 1 ст. 25, что преступлением, совершенным умышленно, признается деяние, совершенное с прямым или косвенным умыслом. Казалось бы, другим умысел быть не должен, но в соответствии со ст. 27 УК РФ совершенное с двумя формами вины преступление включает и неосторожность, а в целом признается совершенным умышленно, что выходит за пределы ч. 1 ст. 25;

– в ч. 3 ст. 29, что уголовная ответственность за неоконченное преступление наступает по статье Уголовного кодекса, предусматривающей ответственность за оконченное преступление, со ссылкой на ст. 30. Казалось бы, иное недопустимо, но в ч. 2 ст. 30 УК РФ сказано о наступлении уголовной ответственности за приготовление (которое в ч. 2 ст. 29 названо неоконченным преступлением) только к тяжкому и особо тяжкому преступлению. Получается, что приготовление к преступлениям небольшой и средней тяжести быть может, но уголовной ответственности за них быть не может, что противоречит ч. 3 ст. 29;

– в ч. 1 ст. 30, что приготовлением к преступлению признается умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам. Казалось бы, без последнего приготовления быть не может, но, во-первых, в ч. 1 ст. 31 УК РФ прекращение лицом приготовления к преступлению введено в добровольный отказ, происходящий при осознании возможности доведения преступления до конца, т. е. с очевидностью по не зависящим от лица обстоятельствам; во-вторых, в соответствии с ч. 6 ст. 35 создание организованной группы в случаях, не предусмотренных статьями Особой части настоящего Кодекса, влечет ответственность за приготовление к тем преступлениям, для совершения которых она создана, говоря иначе, независимо от того, почему эти преступления не были доведены до конца. И первое, и второе выходит за пределы ч. 1 ст. 30;

– в ч. 1 ст. 43, что наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда, и что наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления. Казалось бы, наказания в ином виде быть не должно, но предусмотрены его замены более строгим (ст. 46, 49, 50, 53, 53.1 УК РФ) и мягким (ст. 80, ч. 3 ст. 81 и 82, ч. 2 ст. 84 и 85), а также не для виновного (ч. 2 ст. 88), что выходит за пределы ч. 1 ст. 43;

– в ч. 1 ст. 56, что наказание в виде лишения свободы может быть назначено осужденному,

совершившему впервые преступление небольшой тяжести, только при наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 63, за исключением преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233, или только если соответствующей статьей Особенной части лишения свободы предусмотрено как единственный вид наказания. Казалось бы, в Особенной части уголовного законодательства регулирования неназначения лишения свободы быть не должно, но, по п. 2 примечаний к ст. 134 УК РФ, если разница в возрасте между потерпевшей (потерпевшим) и подсудимым (подсудимой) составляет менее четырех лет, к последнему не применяется наказание в виде лишения свободы за совершенное деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 134 или 135, что выходит за пределы ч. 1 ст. 56;

– в ч. 2 ст. 75, что лицо, совершившее преступление иной (т. е. не небольшой или средней тяжести) категории, освобождается от уголовной ответственности только в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части. Казалось бы, кроме указывающих на тяжкие и особо тяжкие преступления, других случаев быть не может, но они введены (например, примечания к ст. 122, 145.1, 195, 199.4, 200.1, 200.3, 200.7 УК РФ), что выходит за пределы ч. 2 ст. 75;

– в названии ст. 76.1, что освобождение от уголовной ответственности должно происходить в связи с возмещением ущерба. Казалось бы, без возмещения последнего освобождение по названной статье исключено, но в ее ч. 3 предусмотрено неприменение положений ч. 1 и 2 в части возмещения ущерба, что выходит за пределы наименования ст. 76.1 УК РФ;

– в ч. 4 ст. 78, что вопрос о применении сроков давности к лицу, совершившему преступление, наказуемое смертной казнью или пожизненным лишением свободы, решается судом. Казалось бы, иного быть не может, но на основании ч. 5 той же статьи к совершившим преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 205, ч. 1.1, 2, 4, ст. 205.1, ст. 205.3, ч. 1 ст. 205.4, ч. 1 ст. 205.5, ч. 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211, ст. 277, 357, 361 УК РФ, лицам сроки давности не применяются, хотя они описывают наказуемые пожизненным лишением свободы (или смертной казнью) деяния, что создает ухудшающее положение соответствующих лиц изъятие из ч. 4 ст. 78;

– в ч. 3 ст. 83, что вопрос о применении сроков давности к лицу, осужденному к смертной казни или пожизненному лишению свободы, решается судом. Казалось бы, иного быть не должно, но в соответствии с ч. 4 той же статьи к осужденным за совершение преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 205, ч. 1.1, 2, 4, ст. 205.1, ст. 205.3, ч. 1 ст. 205.4, ч. 1 ст. 205.5, ч. 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211, ст. 277, 357, 361 УК РФ лицам сроки давности не применяются, хотя данные деяния подлежат наказанию в виде пожизненного лишения свободы, что создает ухудшающее положение изъятие из ч. 3 ст. 83;

– в ч. 2 ст. 90, что несовершеннолетнему могут быть назначены следующие принудительные меры воспитательного воздействия: а) предупреждение; б) передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа; в) возложение обязанности загладить причиненный вред; г) ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего. Казалось бы, иные такие меры определению несовершеннолетним не подлежат, но в ч. 2 ст. 92 УК РФ помещение их в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа предусмотрено к применению именно как принудительная мера воспитательного воздействия, что выходит за пределы ч. 2 ст. 90.

В приведенных случаях одни уголовно-правовые предписания сформулированы в дополнение к другим или в изъятие из них. Значит, последние сами по себе аксиомами, по существу (но не форме), не являются. Тогда непонятно, зачем таковые нужны в уголовном законодательстве.

Исправить сложившееся положение, конечно, не так трудно. Достаточно соответствующим образом уточнить исходные или производные предписания уголовного законодательства.

Несогласованность уголовно-правовых и уголовно-процессуальных предписаний

Вместе с тем масло в огонь подливает уголовно-процессуальное законодательство. Оно не так уж редко изменяет или даже подменяет предписания Общей части уголовного законодательства, дискредитируя аксиоматичность его соответствующих предписаний. Так, предусмотрено:

– в ст. 25 УПК РФ – прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон. При этом в закон введена ссылка на ст. 76 УК РФ, устанавливающую освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, а согласно п. 45 ст. 5 УПК РФ, сторонами являются участники уголовного судопроизводства, выполняющие на основе состязательности функцию обвинения (уголовного преследования) или защиты от обвинения. Причем по п. 47 той же статьи потерпевший является лишь одним из тех, кто составляет сторону обвинения. Более того, по уголовному законодательству потерпевший примиряется только с лицом, совершившим преступление, который скрывается за обвиняемым, а не за всей стороной защиты в п. 46 ст. 5 УПК РФ;

– в ст. 25.1 – прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. При этом в закон включена ссылка на ст. 76.2 УК РФ, но в ней предусмотрено освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Хотя в главе 15.2 УК РФ последний признан мерой уголовно-правового характера, неясно, зачем указание на данное обстоятельство сделано в ст. 25.1 УПК РФ вопреки ст. 76.2 УК РФ;

– в ч. 2 ст. 27, что прекращение уголовного преследования по основаниям, указанным в п. 3 «части первой статьи 24, статьях 25, 25.1, 28 и 28.1 настоящего Кодекса, а также пунктах 3 и 6 части первой настоящей статьи, не допускается, если подозреваемый или обвиняемый против этого возражает». Речь идет о случаях прекращения преследования в связи с освобождением от уголовной ответственности, но при его отражении в уголовном законодательстве о возражениях как препятствии к этому ничего не сказано;

– в ч. 2 ст. 28.1, что «в целях настоящей статьи под возмещением ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации, понимается уплата в полном объеме недоимки, пеней и штрафов в порядке и размере, определяемых в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах и (или) законодательством Российской Федерации об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний с учетом представленного налоговым органом или территориальным органом страховщика расчета размера пеней и штрафов». «В целях настоящей статьи», но в ней предусмотрено прекращение уголовного преследования в связи с возмещением ущерба и сделана ссылка на ч. 1 ст. 76.1 УК РФ, именно в которой и указано на необходимость возмещения указанного ущерба для освобождения от уголовной ответственности и именно для которой прежде всего и важно соответствующее понимание данного ущерба;

– в ч. 8 ст. 303, что если основания прекращения уголовного преследования, указанные в п. 3 ч. 1 ст. 24 (истечение сроков давности) настоящего Кодекса, обнаруживаются в ходе судебного разбирательства, то суд продолжает рассмотрение уголовного дела в обычном порядке до его разрешения по существу и постановляет «обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания». При этом в уголовном законодательстве такого освобождения не предусмотрено;

– в п. 14 ст. 397, что в порядке исполнения приговора может быть решен вопрос «о снижении размера удержания из заработной платы осужденного к исправительным работам в соответствии со статьей 44 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в случае ухудшения материального положения осужденного», а в п. 19 ст. 397, что в том же порядке решается вопрос «о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания либо об освобождении от наказания в виде ограничения по военной службе военнослужащего, уволенного с военной службы, в порядке, установленном статьей 148 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации». При этом ничего подобного в ст. 50 и главе 12 УК РФ, регламентирующих соответственно исправительные работы и освобождение от наказания, не предусмотрено. Что же касается уголовно-исполнительного законодательства, то это несколько другая история, о которой разговор пойдет далее;

– в ст. 398, что при отсрочке отбывания наказания и отсрочке отбывания наказания больным наркоманией отсрочивается исполнение приговора. При этом в ч. 3 ст. 308 УПК РФ установлено, что в случае применения отсрочки отбывания наказания об этом указывается в резолютивной части приговора. Если приговор отсрочивается, то по логике то же самое должно происходить и с отсрочками отбывания наказания, но тогда никакие их последствия, установленные в ст. 82 и 82.1 УК РФ, не могут возникать, и соответственно, данные отсрочки не могут реализовываться.

Причем для уголовного законодательства отмеченная несогласованность не безболезненна. Во-первых, она получила преломление в уже упомянутом п. «в» ч. 4 ст. 18 УК РФ в виде судимостей, исключающих признание рецидива, за преступления, в связи с которыми предоставлялась отсрочка исполнения приговора. Получается, что речь идет не о том, что отражено в ст. 82 и 82.1 УК РФ, а о том, что описано в ст. 398 УПК РФ, т. е. и в связи с болезнью, препятствующей отбыванию наказания, соответствующими тяжкими последствиями или угрозой их возникновения, а также с невозможностью немедленной уплаты штрафа, хотя в последних случаях отмена отсрочки, которая названа в п. «в» ч. 4 ст. 18 УК РФ, не регламентируется.

Во-вторых, на основании ч. 2.1 ст. 83 УК РФ течение сроков давности приостанавливается, если осужденному предоставлена отсрочка отбывания наказания. При этом, похоже, с тем, что приговор не исполняется, никакой проблемы нет, но почему-то отсрочки отбывания наказания могут быть отменены в связи с соответствующим поведением осужденных (ч. 2 ст. 82, ч. 2, 4 и 5 ст. 82.1 УК РФ).

В ст. 398 УПК РФ названа также рассрочка уплаты штрафа при исполнении приговора (ч. 2). В то же время в ст. 46 УК РФ содержится возможность только назначения штрафа с рассрочкой выплаты определенными частями (ч. 3);

– в ч. 1 ст. 427, что «если в ходе предварительного расследования уголовного дела о преступлении небольшой или средней тяжести будет установлено, что исправление несовершеннолетнего обвиняемого может быть достигнуто без применения наказания, то следователь с согласия руководителя следственного органа, а также дознаватель с согласия прокурора вправе вынести постановление о прекращении уголовного преследования и возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия, предусмотренной частью второй статьи 90 Уголовного кодекса Российской Федерации...» Напротив, в ч. 1 ст. 90 УК РФ содержится указание, согласно которому несовершеннолетний может быть освобожден от уголовной ответственности, если будет признано, что его исправление может быть достигнуто «путем применения принудительных мер воспитательного воздействия». Существенная разница, ибо пути исправления несовершеннолетнего далеко неодинаковы;

– в ч. 1 ст. 443, что, «признав доказанным, что деяние, запрещенное уголовным законом, совершено данным лицом в состоянии невменяемости или что у этого лица после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение, суд выносит постановление в соответствии со статьями 21 и 81 Уголовного кодекса Российской Федерации об освобождении этого лица от уголовной ответственности или от наказания и о применении к нему принудительных мер медицинского характера». В статье 81 УК РФ, конечно, предусмотрено освобождение от наказания, но ст. 21 начинается словами, что «не подлежит уголовной ответственности лицо, которое при совершении общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости...», и, следовательно, как не совершавшее преступления не подлежит освобождению от уголовной ответственности, которое в уголовном законодательстве всегда обусловлено совершением именно преступления.

Вот так уголовно-процессуальное законодательство походя подменяет содержание уголовного. При этом предметом регулирования первого является лишь порядок уголовного судопроизводства (ч. 1 ст. 1 УПК РФ). Следовательно, вмешиваться в уголовно-правовое регулирование и корректировать последнее уголовно-процессуальное законодательство не должно.

Исправить сложившееся положение опять-таки нетрудно. Прежде всего нужно уголовно-процессуальное законодательство привести в соответствие с уголовным. Между тем в отдельных случаях, наоборот, точнее первое, и потому напрашивается противоположное действие. При этом к предписаниям уголовного законодательства отношение всегда должно быть именно как к аксиомам.

Несогласованность уголовно-правовых и уголовно-исполнительных предписаний

Двукратное упоминание уголовно-исполнительного законодательства, по существу, вмешивающегося в уголовно-правовое регулирование, заставляет остановиться и на таком вмешательстве. В соответствии с ч. 2 ст. 1 УИК РФ задачами названного законодательства, в частности, «являются регулирование порядка и условий исполнения и отбывания наказаний». Отсюда ничего другого в связи с наказаниями уголовно-исполнительное законодательство допускать не должно. Не тут-то было. Так, в нем, помимо оговоренного, предусматриваются:

– в ст. 26 УИК РФ – условия отбывания обязательных работ, в ст. 31 – порядок исполнения штрафа, в ст. 37 – обязанности осужденного к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, в ст. 40 условия отбывания исправительных работ, в ст. 50 – порядок отбывания ограничения свободы, в ст. 60.4 – порядок отбывания принудительных работ, в ст. 61 – исполнение лише-

ния специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, в ст. 69 – порядок исполнения ареста, в главе 16 – исполнение наказания в виде лишения свободы, в ст. 144 и 145 – исполнение ограничения по военной службе, в ст. 156 – режим в дисциплинарной воинской части. Во всех приведенных случаях указываются лишения или ограничения прав и свобод осужденных, которые на основании ч. 1 ст. 43 УК РФ должны быть отраженными «настоящим Кодексом», но отсутствуют в нем;

– в п. «е» ст. 172, что основанием освобождения от отбывания наказания является инвалидность. При этом уголовное законодательство такого вида освобождения не знает;

– в ч. 8 ст. 173, что «освобождение от отбывания наказания лица, призванного на военную службу по мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации либо заключившего в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, осуществляется досрочно по основаниям, предусмотренным федеральным законом, при поступлении в учреждение или орган, исполняющие наказание, соответствующего обращения командования воинской части (учреждения) либо личного обращения указанного лица». В очередной раз приходится отметить, что уголовное законодательство такого вида освобождения от наказания не знает. Более того, хотя в ч. 8 ст. 173 УИК РФ имеется в виду Федеральный закон от 24.06.2023 № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» [5], он вопреки положениям ч. 1 ст. 1 УК РФ не включался в «настоящий Кодекс» вплоть до принятия Федерального закона от 23.03.2024 № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [5];

– в ч. 9 ст. 175, что «в случае наступления беременности женщина, осужденная к обязательным работам, исправительным работам, принудительным работам, вправе обратиться в суд с ходатайством об отсрочке ей отбывания наказания со дня предоставления отпуска по беременности и родам», а в ч. 4 ст. 178, что «в случае смерти ребенка уголовно-исполнительная инспекция... направляет в суд представление об освобождении осужденного от отбывания наказания или оставшейся части наказания либо о замене оставшейся неотбытой части наказания более мягким видом наказания». При этом в ст. 82 УК РФ предусмотрена отсрочка отбывания наказания беременной женщине, а не той, которой предоставляется отпуск по беременности и родам. Более того, в названной статье не установлено какое-либо влияние смерти ребенка на особенности отсрочки наказания.

Отношение к приведенному такое же, как к соответствующему уголовно-процессуальному законодательству. Приоритет должен быть у уголов-

ного законодательства. Если оно что-то не оговаривает, сначала нужно изменить его, и лишь затем на основе этого регулировать обозначенные в ч. 1 ст. 1 УИК РФ порядок и условия исполнения и отбывания наказания. Исключительно так можно сохранить аксиоматичность уголовно-правовых предписаний.

Отношение к уголовно-правовым предписаниям судебной практики

Что касается практики, то она нередко следует в русле позиции законодателя, отходя от буквы соответствующих уголовно-правовых предписаний и тем самым не считая многие из них аксиомами. Так, разъяснено лишь в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, которые специально посвящены Общей части уголовного законодательства [5]:

– от 21.04.2009 № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания», что, «если осужденному в соответствии с частью 2 статьи 80 УК РФ неотбытая часть наказания в виде лишения свободы была заменена принудительными работами, то в дальнейшем при наличии оснований, предусмотренных частями 1 и 2 статьи 80 УК РФ, неотбытая часть наказания в виде принудительных работ может быть заменена еще более мягким видом наказания», что «уголовный закон не содержит запрета и на условно-досрочное освобождение от отбывания принудительных работ, если они были избраны осужденному в соответствии со статьей 80 УК РФ» (п. 4.1 в ред. от 28.10.2021 № 32). При этом в ч. 1 ст. 79 УК РФ обрисовано условно-досрочное освобождение от отбывания «назначенного судом наказания», но не замененного, а в ст. 80 не установлены сроки, по истечении которых допустима замена неотбытой части принудительных работ более мягким видом наказания, и тем самым она вообще не применима;

– от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», что «освобождение от наказания в виде лишения свободы, назначенного несовершеннолетнему за совершение преступления средней тяжести, а также тяжкого преступления, с помещением его в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа как принудительной мерой воспитательного воздействия может быть осуществлено судом... в порядке исполнения приговора (пункт 16 статьи 397 УПК РФ)» (п. 16 в ред. от 28.10.2021 № 32). Споры по поводу уголовно-процессуального законодательства нет, но оно противоречит уголовному, ибо в ч. 2 ст. 92 УК РФ предусмотрено лишь освобождение от наказания. В порядке же его исполнения возможно освобождение только от отбывания (дальнейшего отбывания) наказания. Разница особенно ярко подчеркнута в ст. 81 УК РФ. На основании ч. 1 лицо, у которого после совершения преступления наступило соответствующее психи-

ческое расстройство, «освобождается от наказания, а лицо, отбывающее наказание, освобождается от дальнейшего его отбывания»;

– от 07.04.2011 № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера», что последние «могут быть применены судом к лицу: совершившему предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, то есть когда это лицо во время совершения деяния не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики» (п. 3). При этом в ч. 2 ст. 97 УК РФ предписано, что «принудительные меры медицинского характера назначаются только в случаях, когда психические расстройства связаны с возможностью причинения» определенными «лицами иного существенного вреда либо с опасностью для себя или других лиц», но отсутствуют указания на слабоумие или иные болезненные состояния психики;

– от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», что «в тех случаях, когда обстановка давала основания полагать, что совершается реальное общественно опасное посягательство, и лицо, применившее меры защиты, не осознавало и не могло осознавать отсутствие такого посягательства, его действия следует рассматривать как совершенные в состоянии необходимой обороны» (п. 16). При этом в ч. 1 ст. 37 УК РФ предусмотрено только то, что необходимая оборона осуществляется «от общественно опасного посягательства» и ни от чего более.

Кроме того, в п. 24 постановления сказано, что, «если при задержании лицо добросовестно заблуждалось относительно характера совершенного задержанным лицом противоправного деяния, приняв за преступление административное правонарушение или деяние лица, не достигшего возраста уголовной ответственности, либо лица в состоянии невменяемости, в тех случаях, когда обстановка давала основания полагать, что совершалось преступление, и лицо, осуществлявшее задержание, не осознавало и не могло осознавать действительный характер совершаемого деяния, его действия следует оценивать по правилам статьи 38 УК РФ...»; «аналогичным образом следует оценивать и ситуации, когда при задержании лицо добросовестно заблуждалось относительно того, кто именно совершил преступление, а обстановка давала ему основание полагать, что преступление было совершено задержанным им лицом, и при этом лицо, осуществлявшее задержание, не осознавало и не могло осознавать ошибочность своего предположения». При этом в ч. 1 ст. 38 УК РФ предусмотрено причинение вреда лишь при задержании «лица, совершившего преступление», а не кого-либо другого;

– от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», что «по смыслу части 1 статьи 75 УК РФ, освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием возможно при условии выполнения всех перечисленных в ней действий или тех из них, которые с учетом конкретных обстоятельств лицо имело объективную возможность совершить (например, задержание на месте преступления объективно исключает возможность явиться в правоохранительные органы с сообщением о совершенном преступлении, однако последующее содействие лицом раскрытию и расследованию преступления, возмещение им ущерба и (или) заглаживание вреда иным образом могут свидетельствовать о его деятельном раскаянии)» (п. 4). При этом в законе для применения ч. 1 ст. 75 УК РФ второй части альтернативы не предусмотрено, а разделительный союз «или» относится исключительно к заглаживанию вреда. Один вариант обозначен в виде конкретного понятия (возмещение ущерба), а остальные – в виде собирательного понятия «иным образом заглавило вред»;

– от 29.05.2014 № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений», что, «если лицо, совершившее тяжкое или особо тяжкое преступление в несовершеннолетнем возрасте, на момент вынесения приговора достигло возраста восемнадцати лет, суду следует назначить ему отбывание наказания в исправительной колонии общего режима»; «при осуждении такого лица к лишению свободы за преступление, совершенное по неосторожности, либо за умышленное преступление небольшой или средней тяжести вид исправительной колонии назначается ему в соответствии с пунктом «а» части 1 статьи 58 УК РФ» (п. 10). При этом в ст. 58 УК РФ применительно к совершению тяжкого и особо тяжкого преступления ничего подобного не регулируется;

– от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», что «по смыслу закона, правила, изложенные в части 1 статьи 62 УК РФ, могут применяться судами при наличии хотя бы одного из перечисленных в пунктах “и” и (или) “к” части 1 статьи 61 УК РФ смягчающих обстоятельств, если при этом отсутствуют отягчающие наказание обстоятельства» (п. 36). При этом в законе сказано о применении правил ч. 1 ст. 61 УК РФ – «при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных в пунктах “и” и (или) “к”». Нельзя не видеть множественного числа указания на смягчающие обстоятельства, что при использовании соединительного союза «и» способно означать только необходимость наличия по одному из них, но из каждого указанного пункта, а при использовании разделительного союза «или» – не менее двух смягчающих обстоятельств из хотя бы одного пункта.

Кроме того, в п. 46 постановления установлено, что «по смыслу статьи 18 УК РФ, совершение

особо тяжкого преступления лицом, имеющим судимость за тяжкое преступление, за которое он отбывал лишение свободы, образует опасный рецидив преступлений (часть 2 статьи 18 УК РФ)». При этом в ч. 2 ст. 18 УК РФ такого варианта опасного рецидива не предусмотрено.

Наконец, в п. 60 постановления говорится, что, если «за различные преступления, входящие в совокупность, судом назначены разные виды дополнительного наказания, то они с приведением соответствующих размеров и сроков должны быть указаны в приговоре и при назначении окончательного наказания по совокупности преступлений». При этом в ст. 69 УК РФ предусмотрено и поглощение наказаний, а в ч. 4 исключения для дополнительных наказаний не установлено;

– от 15.05.2018 № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации», что «решение суда об изменении категории преступления с тяжкого на преступление средней тяжести позволяет суду при наличии оснований, предусмотренных статьями 75, 76, 78, 80.1, 84, 92, 94 УК РФ, освободить осужденного от отбывания назначенного наказания» (п. 10). При этом в первых четырех статьях предусмотрено освобождение лишь от уголовной ответственности;

– от 19.12.2023 № 47 «О практике применения судами законодательства об отсрочке отбывания наказания», что «по смыслу закона к лицам, которым может быть отсрочено отбывание наказания по основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 82 УК РФ, относятся и усыновители (удочерители) ребенка в возрасте до четырнадцати лет» (п. 3). При этом в ч. 1 ст. 82 УК РФ, если в отношении женщины еще есть некая неопределенность, то применительно к мужчине прямо отражено, что он должен являться родителем и никем более.

В п. 9 постановления разъяснено, что в случае «прерывания беременности по медицинским показаниям вопрос об освобождении от отбывания наказания или оставшейся части наказания со снятием судимости либо о замене оставшейся неотбытой части наказания более мягким видом наказания разрешается судом в соответствии с положениями части 4 статьи 178 УИК РФ». При этом ни из уголовно-исполнительного законодательства, ни из ст. 82 УК РФ не возникает необходимость даже постановки названного вопроса при прерывании беременности по медицинским показаниям.

Как следствие, Пленуму Верховного Суда РФ нельзя так вольно относиться к уголовно-правовым предписаниям. Ведь он на основании ст. 126 Конституции РФ правомочен только давать «разъяснения по вопросам судебной практики». Если же высший судебный орган обнаруживает проблемы в уголовно-правовом регулировании, то для их устранения есть право законодательной инициативы (ст. 104 Конституции), которым и следует пользоваться в соответствующих случаях, а не подменять компетентные органы, по существу, изменяя

закон «под себя». Как известно, «беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник».

Правда, исправить сложившееся положение подчас труднее, чем в предыдущих случаях. Не исключено, что в соответствующей части нужно менять действующее уголовно-правовое регулирование, и лишь тогда разъяснения Пленума будут адекватны уголовно-правовым предписаниям как аксиомам.

Заключение

Вывод из изложенного таков: если все уголовно-правовые предписания рассматривать как

аксиомы, то, во-первых, законодатель должен уголовно-правовое регулирование производить последовательно; во-вторых, относиться к нему как базовому при формировании обслуживающего законодательства; в-третьих, судебная практика своими решениями не вправе подменять закон. Реализация того и другого, несомненно, поднимет уровень законодательной и интерпретационной техники на надлежащую высоту и будет способствовать большей доступности предписаний уголовного законодательства для адресатов задачи предупреждения преступлений (ч. 1 ст. 2 УК РФ).

Библиографический список

1. Кругликов Л. Л., Спиридонова О. Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2005. 336 с. URL: <https://mybook.ru/author/olga-spiridonova/yuridicheskie-konstrukcii-i-simvoly-v-ugolovnom-pr/read/>.
2. Кабанов В. М. К вопросу о реализации уголовно-правовых аксиом в форме презумпций // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2022. № 1 (16). С. 78–81. DOI: <http://doi.org/10.46741/2713-2811.2022.16.1.007>. EDN: <https://www.elibrary.ru/invmsy>.
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. Москва: Аст; Мир и Образование, 2016. 1360 с.
4. Красильникова Е. В. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ): вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2007. 28 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01003351624.pdf.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми». СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_341379/?ysclid=lj2kyo5jms203769912 (дата обращения: 15.03.2024).

References

1. Kruglikov L. L., Spiridonova O. E. *Yuridicheskie konstruksii i simvoly v ugovolnom prave* [Juristic structures and symbols in criminal law]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr press, 2005, 336 p. Available at: <https://mybook.ru/author/olga-spiridonova/yuridicheskie-konstrukcii-i-simvoly-v-ugolovnom-pr/read/> [in Russian].
2. Kabanov V. M. *K voprosu o realizatsii ugovolno-pravovykh aksiom v forme prezumptsii* [On the issue of implementing criminal law axioms in the form of presumptions]. *Ius publicum et privatum: setevoi nauchno-prakticheskii zhurnal chastnogo i publichnogo prava* [Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law], 2022, no. 1 (16), pp. 78–81. DOI: <http://doi.org/10.46741/2713-2811.2022.16.1.007>. EDN: <https://www.elibrary.ru/invmsy> [in Russian].
3. Ozhegov S. I. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. Pod red. L. I. Skvortsova. 27-e izd., ispr.* [Explanatory dictionary of the Russian language. Skvortsov L. I. (Ed.). 27th edition, revised]. Moscow: Ast; Mir i Obrazovanie, 2016, 1360 p. [in Russian].
4. Krasil'nikova E. V. *Vospreyatstvovanie zakonnoi professional'noi deyatel'nosti zhurnalistov (st. 144 UK RF): voprosy zakonodatel'noi tekhniki i differentsiatsii otvetstvennosti: avtoref. dis... kand. yurid. nauk* [Obstruction of legitimate professional activity of journalists (Article 144 of the Criminal Code of the Russian Federation): issues of legislative technique and differentiation of responsibility: author's abstract of the Candidate's of Legal Sciences thesis]. Yaroslavl, 2007, 28 p. Available at: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01003351624.pdf [in Russian].
5. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 24.12.2019 № 58 «O sudebnoi praktike po delam o pokhishchenii cheloveka, nezakonnom lishenii svobody i trgovle lyud'mi»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 24, 2019 No. 58 «On judicial practice with regard to cases of kidnapping, unlawful imprisonment and human trafficking»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_341379/?ysclid=lj2kyo5jms203769912 (accessed 15.03.2024) [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-2-42-49

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.1

Дата поступления: 05.02.2024
рецензирования: 12.03.2024
принятия: 27.05.2024

Судебная нагрузка в российской системе правосудия и способы ее оптимизации

И. А. Гизатуллин

Институт права Уфимского университета науки и технологий,
г. Уфа, Российская Федерация
E-mail: gizatullin-irek@rambler.ru

Аннотация: Разрабатывая целостную систему оценки качества правосудия, мы не можем обойтись без внимания к такому критерию, как степень нагрузки на судью или суд. Высокие темпы ее роста в России и низкая эффективность предпринимаемых мер по ее стабилизации формируют условия, при которых возможность измерения большинства содержательных характеристик правосудия, отражающих качество судебной процедуры, в скором времени может свестись к нулю или к тому, что результаты такого измерения будут непредставительными. Являясь по своей сути непроцессуальной характеристикой судебной власти, нагрузка на судей в случае ее высокого уровня или неравномерного распределения способна деформировать установленные процедурами гарантии доступности и оперативности правосудия, а для самого судьи ограничивать временные рамки для проявления данных ему законом свойств независимости и справедливости. **Цель** работы заключается в оценке текущих показателей судебной нагрузки, поиске возможных корреляций между изменением ее динамики и изменениями уголовно-процессуального законодательства. Для этого автором применены сравнительно-правовой и аналитический **методы**. **В результате** проведенного исследования выявлен ряд обстоятельств, влияющих на динамику судебной нагрузки, и показаны последствия ее высокого уровня, оказывающие отрицательное воздействие на судебное производство. Предложены способы стимуляции органов предварительного расследования к применению института освобождения от уголовной ответственности, обоснована необходимость изменения правил о территориальной подсудности дел.

Ключевые слова: судебная нагрузка; судебное дело; срок рассмотрения дела; показатель стабильности; состав суда; правосудие.

Цитирование. Гизатуллин И. А. Судебная нагрузка в российской системе правосудия и способы ее оптимизации // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 2. С. 42–49. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-2-42-49>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Гизатуллин И. А., 2024

Ирек Альфредович Гизатуллин – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса, Институт права Уфимского университета науки и технологий, 450076, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Достоевского, 131.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 05.02.2024
Revised: 12.03.2024
Accepted: 27.05.2024

Judicial workload in the Russian justice system and ways to optimize it

I. A. Gizatullin

Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation
E-mail: gizatullin-irek@rambler.ru

Abstract: When developing a holistic system for assessing the quality of justice, one cannot do without paying attention to such a criterion as the degree of workload on a judge or court. The high rate of its growth in Russia and the low effectiveness of measures taken to stabilize it create conditions under which the ability to measure most of the substantive characteristics of justice, reflecting the quality of the judicial procedure, may soon be reduced to zero or the results of such measurement will be unrepresentative. Being an inherently non-procedural characteristic of the judiciary, the workload on judges, if it is high or unevenly distributed, can deform the procedural guarantees of accessibility and speed of justice, and for the judge himself limit the time frame for demonstrating the properties of independence and fairness endowed him by law. The purpose of the work is to assess the current indicators of the judicial workload, search for possible correlations between changes in its dynamics and changes in criminal procedure legislation. For this purpose, the author used comparative legal and analytical methods. As a result of the study, a number of circumstances were identified that influence the dynamics of the judicial workload, and the consequences of its high level, which have a negative impact on judicial proceedings, were shown. Methods are proposed to encourage preliminary investigation bodies to apply the institution of exemption from criminal liability, and the need to change the rules on the territorial jurisdiction of cases is substantiated.

Key words: judicial workload; court case; period of consideration of the case; stability indicator; composition of the court; justice.

Citation. Gizatullin I. A. *Sudebnaya nagruzka v rossiiskoi sisteme pravosudiya i sposoby ee optimizatsii* [Judicial workload in the Russian justice system and ways to optimize it]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 2, pp. 42–49. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-2-42-49> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Gizatullin I. A., 2024

Irek A. Gizatullin – Candidate of Legal Sciences, assistant professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, 131, Dostoevsky Street, Ufa, 450076, Russian Federation.

Введение

Вопросы распределения служебной нагрузки между судьями, управления кадровым составом судов и организации труда по своей природе имеют чисто организационно-административный характер и собственно к уголовному либо какому-то другому виду судопроизводства прямого отношения никогда не имели. С конца первого десятилетия XXI века, то есть с момента фактического завершения (по оценкам некоторых специалистов) российской судебной реформы, проблема увеличения судебной нагрузки начинает приобретать глобальный характер. Сегодня она называется едва ли не главным препятствием на пути обеспечения качества и оперативности отечественного правосудия. На масштабность проблемы указывает и то разнообразие предпринимаемых государством мер, которое не ограничивается только финансовой стимуляцией либо сугубо организационно-правовой трансформацией судебной власти, но и включает в себя изменение процедурных правил при производстве по уголовным делам.

Относительно недавно такие корректировки коснулись составов апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции, рассматривающих жалобы и представления на итоговые и промежуточные судебные решения. Сочетание единоличной и коллегиальной формы рассмотрения дела заменило собою чистую коллегиальность в кассационных судах, в то время как судьи апелляционных судов теперь получили возможность единолично рассматривать жалобы и представления на промежуточные решения судов областного звена¹. По задумке такая мера направлена не на снижение количества рассматриваемых дел, которые в расчете на одного судью потенциально должны только увеличиваться за счет возможности не организовывать каждый раз судебные коллегии, а на увеличение пропускной способности судов – явление, получившее в юридическом языке красноречивое описание, – ускорение «судебного конвейера». Такой же эффект, по всей видимости, ожидался от исключения в конце 2023 года из текста статьи 310 УПК РФ обязанности суда оглашать описательно-мотивировочную часть приговора, что позволяет не расходовать время на монотонное зачитывание судьей всех обстоя-

тельств преступления (по многоэпизодным делам для этого зачастую требуется проведение нескольких судебных заседаний), а переходить к рассмотрению других назначенных дел. Предложенная в изначальном тексте законопроекта [1] компенсация за упрощение процедуры оглашения приговора в виде обязанности вручать сторонам копию самого решения сразу после окончания судебного заседания в текст окончательной редакции закона так и не попала. Это вызвало опасения со стороны юридического сообщества в последующей формализации вынесения судом решений – распространения практики подстраивания текста описательно-мотивировочной части под оглашенную ранее резолютивную часть, взамен более логичному последовательному изложению позиции суда [2].

Измерение эффективности подобных преобразований, как и динамики судебной нагрузки в целом, наиболее наглядно проводить на основе сравнения статистических данных деятельности судов за определенные промежутки времени, ибо ничем иным, кроме числовых показателей, сама нагрузка не определяется. В связи с этим были изучены некоторые статистические данные о деятельности судов Республики Башкортостан за последние несколько лет. Автор преследовал цель поиска возможных корреляций между проводимыми законодательными изменениями и изменениями самих показателей – индикаторов различных проблем качества правосудия, или же для потенциального обнаружения каких-либо тенденций.

Статистические показатели судебной деятельности как отражение текущего состояния судебной нагрузки

Для начала заметим, что акцент делался на изучении статистики районных (городских) судов – самого массового звена российской судебной системы – на уровне Республики Башкортостан. Эти суды к тому же стабильно входят в число лидеров по показателю загруженности по стране за последние несколько лет. В период с 2018 по 2021 год виден существенный рост количества поступивших в суд и фактически рассмотренных судьями за каждый год судебных дел и материалов (таблица 1). В 2022 году происходит незначительный фактический спад нагрузки на судью, который объясняется снижением в сравнении с предыдущим годом числа поступивших дел более чем на 31 тысячу, что не свидетельствует об отступлении самой проблемы: стабильные значения в районе 90–100 дел в ме-

¹ Федеральный закон от 21.12.2021 № 426-ФЗ «О внесении изменений в статью 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2021. 27 декабря.

сяц – крайне некомфортные условия для качественного отправления правосудия.

Обратим внимание на значительные колебания между количеством поступивших и рассмотренных дел в анализируемые годы, что объясняется главным образом ротацией судебных кадров. Например, в 2018 г. фактическая численность судей районного звена составляла 334 судьи, а в 2019 г. – уже 350, что вызвало снижение средней нагрузки на судью (с 74,2 до 59,7 дела) при отсутствии существенной разницы поступивших дел между указанными годами. Далее в 2020, 2021 и 2022 годах количество кадров постепенно снижается до 337, 328 и 320 судей соответственно, а количество поступающих дел в последующие два года возрастает со снижением в 2022 году, которое, однако, не меняет существенно показатель среднего количества рассмотренных дел. Это, по всей видимости, означает, что районные и городские суды работают с предельно возможными нагрузками при имеющейся численности судей и ее дальнейшее снижение при неизменности потока дел скорее приведет лишь к разрыву между показателями планируемой и фактической нагрузки ввиду физической неспособности рассмотрения судьями всех дел за отчетный период. В настоящее время эта разница между показателями является свидетельством неполной укомплектованности кадрового состава: например, в 2022 году при занятости всех штатных мест нагрузка на одного судью составила бы 77,6 вместо имеющихся 101,4 дела.

Приведенные данные указывают на зависимость динамики судебной нагрузки от изменений кадрового потенциала в его количественном смысле и подтверждают известные научные суждения о том, что меры по ее оптимизации лежат прежде всего в организационно-правовой плоскости и связаны с ресурсами государства [3, с. 80].

Теперь попробуем оценить то, как повлияли законодательные новшества на сам уголовный процесс и изменились ли данные за последние 5 лет в тех показателях, которые можно считать чисто процессуальными. Для этого возьмем два индикатора – стабильность судебных решений и сроки судебного разбирательства, которые больше всего зависят от степени судебной нагрузки. Если исключить человеческий либо иной производственный фактор, то в теории так: чем меньше нагрузки и больше судебных кадров, тем выше стабильность и скорость рассмотрения дел.

На уровне мировых и районных (городских) судов показатель стабильности судебных решений за анализируемый период характеризуется постоянством, находясь в районе 98–99 %. На уровне Верховного Суда Республики Башкортостан числа непостоянны из года в год: от максимального значения в 90,2 % за 2019 год и резкого его падения в следующем году до 70 %. Примечательно, что значение данного показателя серьезно понизилось в первом полугодии 2023 года, то есть в период с начала действия правила об упрощенном оглашении приговора: с 88,1 (2022 год) до 64,71 %. Не станем

Таблица 1 – Статистические данные служебной нагрузки судей районного (городского) звена Республики Башкортостан²

Table 1 – Statistical data on the workload of judges at the district (city) level of the Republic of Bashkortostan²

Годы	Количество судебных дел и материалов, рассмотренных в первой и апелляционной инстанциях		Среднее количество дел в месяц на одного судью	
	Поступило дел и материалов	Фактически рассмотрено	По поступившим	Фактически рассмотрено
2018	274 840	260 352	68,5	74,2
2019	285 453	219 572	71,2	59,7
2020	318 313	309 493	79,4	87,5
2021	349 812	350 583	87,2	101,8
2022	311 404	310 106	77,6	101,4

Таблица 2 – Сроки рассмотрения уголовных дел районными (городскими) судами Республики Башкортостан по первой инстанции

Table 2 – Time limits for consideration of criminal cases by district (city) courts of the Republic of Bashkortostan at first instance

Год (всего дел) \ Срок	Свыше 1,5 мес. до 3 мес.	Свыше 3 мес. до 1 года	Свыше 1 года до 2 лет
2018 (11 336)	1 859	895	14
2019 (14 372)	2 793	1 147	7
2020 (14 025)	3 622	2 658	40
2021 (14 451)	3 747	2 472	43
2022 (14 723)	3 860	2 648	32

² Здесь и далее приводятся данные, полученные автором в ходе сбора эмпирического материала в отделе статистики и обобщения судебной практики Верховного Суда Республики Башкортостан.

утверждать о наличии корреляции между этими событиями, так же как и полностью ее отрицать, поскольку в целом по России за последние два года имеется сильный разброс значений стабильности. В статистике можно найти как аргументы «за», так и «против» эффективности тех или иных преобразований, в зависимости от авторских предпочтений. Например, аналогичную Верховному Суду Республики Башкортостан динамику по стабильности имеют суды областного звена Центрального федерального округа (понижение с 93,58 до 76,39 % при сравнении первых полугодий 2022 и 2023 годов), хотя в целом по стране среднее значение стабильности судебных решений постоянно, а во многих субъектах имеет существенный прирост.

Совсем иначе обстоят дела с показателем длительности рассмотрения дел судом, поскольку он имеет конкретное внешнее выражение в виде определяемого срока и не подвергается субъективной оценке кого бы то ни было. Вместе с тем эффективность преобразований за последние пять лет в этом аспекте сводится к нулю, ибо длительность рассмотрения дел неуклонно растет (таблица 2). В масштабах всей страны этот рост заметен еще сильнее (рисунок 1).

Будет не совсем корректно связывать такую динамику с одним лишь увеличением количества поступающих в районные суды уголовных дел. В этом отношении значения из года в год характеризуются относительной стабильностью или планомерным ростом. Однако количество дел, рассматриваемых в рамках иных видов судопроизводства, катастрофически растет³, что вызывает проблему соблюдения разумных сроков судебного разбирательства по уголовным делам. Общеизвестно, что в районных судах, как правило, отсутствует дифференциация кадрового корпуса на судебные коллегии или составы, подобно тому, как это принято в вышестоящих судах, и судьи рассматривают все дела и материалы вне привязки к их виду либо собственным предпочтениям. Потому увеличение, скажем, количества гражданских дел потенциально увеличивает сроки и снижает качество рассмотрения дел в рамках уголовного судопроизводства.

Это, к слову, объясняет и то, почему уровень нагрузки областных судов необходимо рассчитывать для каждой коллегии отдельно: ее повышение либо снижение является неким внутренним фактором, не влияющим на судей вне этой коллегии. Исходя из соотношения количества разных видов дел, традиционно принято считать гражданскую коллессию перегруженной, уголовную – со сред-

ней нагрузкой, административную (учитывая только КАС РФ) – менее загруженной (таблица 3). Сказанное характерно для всех судов областного звена России.

Намеренно оставим за рамками настоящей статьи вопрос о корректности сопоставления лишь числовых значений нагрузки по разным судебным делам без учета их сложности и специфики правового конфликта. Весьма обоснованно можно заметить, что рассмотрение, предположим, одного уголовного дела по моральным и физическим тяготам для самого судьи может стоить разрешения нескольких клишированных гражданских исков⁴. Автор не исключает возможность применения некой дифференциации при распределении дел, исходя из их вида и сложности, но она должна иметь место только в горизонтальном разрезе, то есть на уровне суда одного звена.

Фильтрация потока уголовных дел на досудебном производстве

Как было отмечено, на уровне районных судов отсутствуют коллегии и создать их невозможно зачастую из-за небольшого штата, а нагрузка распределяется на всех судей примерно одинаково. И именно в этом звене отечественной судебной системы наиболее сильная взаимозависимость динамики количества рассматриваемых уголовных, гражданских, административных дел и материалов. Неслучайно, что в уголовно-процессуальной литературе по вопросам об оптимизации судебной нагрузки нередко встречаются законодательные предложения, которые к уголовному процессу вовсе не относятся. К примеру, высказываются позиции о необходимости повышения государственных пошлин, уплачиваемых истцом – юридическими лицами и госорганами – при обращении с иском заявлением в суд в целях отсеивания мелких споров, распространения практики использования медиационных процедур [4, с. 51–54] и т. п.

В рамках уголовного процесса эти меры нереализуемы в силу императивного характера инициации уголовного преследования по подавляющему большинству дел и другим, связанным с особым статусом участников процесса причинам. Существующая тенденция развития уголовно-процессуального законодательства, которая характеризуется выходом на стабильное плато и неготовностью принятия концептуальных изменений, подсказывает нам, что в ближайшей перспективе

³ К примеру, с 2020 по 2021 год количество поступивших для рассмотрения первой инстанцией уголовных дел в районные суды Республики Башкортостан практически не изменилось, в то время как количество гражданских дел увеличилось на более чем 6 тысяч, дел, рассматриваемых по КАС РФ, – на 3 тысячи, а дел об административных правонарушениях – на 11 тысяч. По всей России за тот же период – более чем на 325 тысяч, 83 тысячи и 592 тысячи соответственно.

⁴ По этой же причине автор осознанно не приводит в сравнение показатели нагрузки мировых судей, которые являются еще более впечатляющими и за последние пять лет колеблются от 326 (2018 г.) до 477 дел (2022 год) в месяц на одного судью. Вместе с тем любому профессиональному юристу известно, что подавляющее большинство из них рассматривается в упрощенном порядке и завершается вынесением судебного приказа. См.: Статистические данные о судебной нагрузке мировых судей Республики Башкортостан по количеству оконченных дел в период с 2018 по 2022 год // Архив Верховного Суда Республики Башкортостан.

Таблица 3 – Количество дел, поступивших для рассмотрения в судебные коллегии Верховного Суда Республики Башкортостан

Table 3 – Number of cases received for consideration by the judicial collegiums of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan

Год \ Тип пр-ва	Уголовное судопроизводство	Гражданское судопроизводство	Административное производство (КАС РФ)
2018	7 566	22 143	2 703
2019	7 762	22 380	2 696
2020	6 969	18 374	2 248
2021	7 245	19 349	2 746
2022	7 358	18 664	3 524

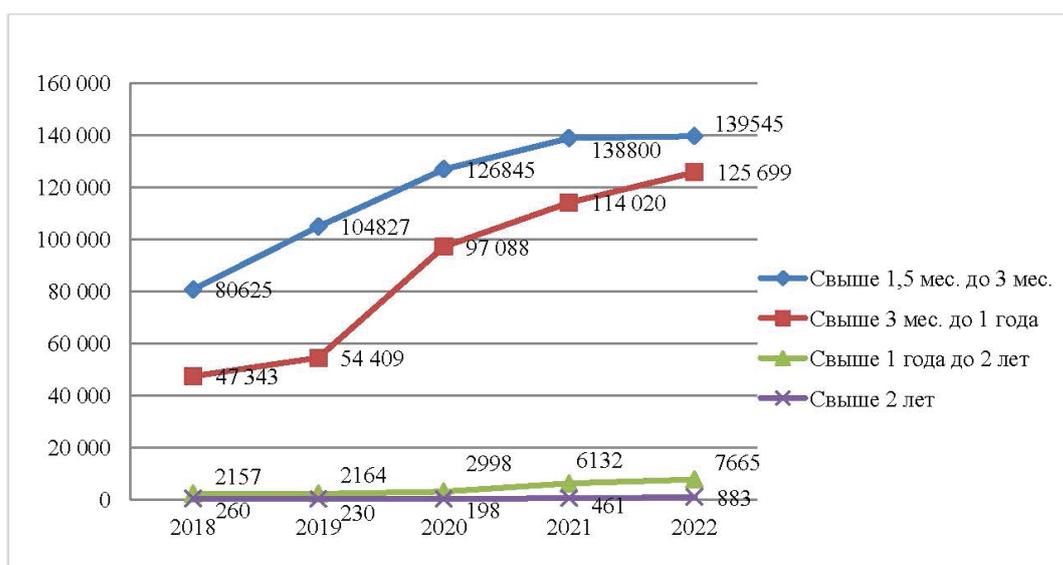

Рисунок – Сроки рассмотрения уголовных дел районными (городскими) судами Российской Федерации
Figure – Time frames for consideration of criminal cases by district (city) courts of the Russian Federation

«крутые повороты» от законодателя – это скорее миф, чем реальность⁵.

Ключевая проблема внутрипроцессуальных способов снижения нагрузки, по нашему мнению, никогда не таилась в отсутствии самих средств, а заключалась в инертности властвующих субъектов по их применению.

Прежде всего речь идет о неэффективности института прекращения уголовного дела на досудебном производстве. Существующие механизмы разрешения уголовного конфликта до суда не пользуются популярностью у органов предварительного расследования, что влечет постоянный поток дел, потенциальная возможность прекращения которых имеется в досудебном производстве. Виной тому

⁵ Пожалуй, к числу таких, ставших в некотором роде «вечными», относится предложение специалистов о включении процедуры медиации в уголовный процесс. Обсуждение этой темы идет не одно десятилетие, а пик ее популярности пришелся на период появления медиации в российском гражданском судопроизводстве. Интерес вновь оживился после разработки и внесения Минюстом РФ законопроекта о создании медиационных процедур для несовершеннолетних лиц, совершивших преступление. Однако законопроект до сих пор не одобрен и находится в стадии заморозки.

является отсутствие профессиональной мотивации следователя (дознателя) к совершению подобных действий и ориентированность на направление как можно большего количества дел в суд, что является одним из главных показателей эффективности его работы. Об этом свидетельствуют полученные данные о количестве прекращения дел судами первой инстанции: в районных судах это число находится в пределах от 10 до 15 % (таблица 4), в то время как в практике мировых судей достигает в среднем 36 % (таблица 5). Заметим, что для большей точности данных в приведенной статистике не учитывались дела, прекращение которых по закону допустимо только по решению суда, например, в связи с назначением судебного штрафа или применением принудительных мер медицинского характера.

Цель выполнения статистических установок, принятых правоохранительными ведомствами⁶, корректирует правоприменительное поведение: статистически выгоднее оставить принятие

⁶ См., например: Приказ МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Таблица 4 – Соотношение количества рассмотренных и прекращенных дел районными судами Республики Башкортостан в период с 2018 по 2022 год

Table 4 – Ratio of the number of cases considered and dismissed by district courts of the Republic of Bashkortostan in the period from 2018 to 2022

Годы	Всего дел рассмотрено	Прекращено	%
2018	11 139	1 743	15,6
2019	14 104	1 780	12,6
2020	13 788	1 890	13,7
2021	14 174	1 474	10,4
2022	14 337	1 446	10,0

Таблица 5 – Соотношение количества рассмотренных и прекращенных дел мировыми судьями Республики Башкортостан в период с 2018 по 2022 год

Table 5 – Ratio of the number of cases considered and dismissed by magistrates of the Republic of Bashkortostan in the period from 2018 to 2022

Годы	Всего дел рассмотрено	Прекращено	%
2018	13 818	3 521	25,5
2019	8 645	3 313	38,3
2020	7 422	3 040	41,0
2021	6 778	2 668	39,4
2022	6 071	2 340	38,5

решения о прекращении уголовного дела на усмотрение суда. Очевидно, что введение каких-либо новых альтернативных процедур существующую тенденцию не изменит, а потому необходимо менять сами статистические показатели: либо путем отказа от доминирующей роли количества направленных в суд дел, либо путем введения показателей, стимулирующих прекращение дела на ранних этапах производства. И первый, и второй способы, к слову, были реализованы в практике некоторых постсоветских стран, хоть и не в контексте достижения цели снижения судебной нагрузки.

В конце 2012 года в системе отчетности следственных органов Республики Казахстан был произведен отказ от такого основного показателя работы следователя, как количество дел, направленных в суд, что позволило довольно скоро переместиться «из тройки стран с самым высоким числом заключенных на душу населения на 36-е место, ниже Беларуси, Литвы и России» [5, с. 20].

Интересным примером стимуляции к прекращению уголовного дела следователем является используемая в Республике Беларусь методика оценки эффективности его работы путем определения соотношения суммы возмещенного ущерба к сумме ущерба, причиненного преступлениями⁷. Чем выше сумма, которую возместил обвиняемый государству либо физическому лицу – потерпевшему, тем эффективнее работал следователь за отчетный период, что так или иначе формирует позитивное отношение органов предварительного

расследования к применению компромиссных процедур на практике. В условиях наличия в российском уголовном процессе альтернатив уголовному преследованию, предусматривающих выполнение обвиняемым данного требования (ст. 25 УПК РФ, ст. 28.1 УПК РФ), введение такой меры позволило бы перенести значительный объем прекращенных дел с судебного на досудебный этап производства.

Внедрение экстерриториальной подсудности как способ обеспечения равномерного распределения судебной нагрузки

В отличие от случаев, когда в населенном пункте либо муниципальном районе располагается один-единственный суд районного звена, несколько судов, представленных в одном территориальном образовании, нередко испытывают на себе неравномерный характер распределения судебной нагрузки. Предусмотренные в процессуальных кодексах общие правила определения территориальной подсудности дел основаны на территориальной принадлежности участников судебного разбирательства (например, место проживания ответчика) или места совершения правонарушения (например, место совершения преступления) к конкретному административному району, в котором располагается суд. Зачастую в крупных населенных пунктах реалии таковы, что районные суды в них имеют разную степень загруженности либо неодинаковую загруженность разными видами дел, что связано с отличиями в заселенности административных районов, концентрации места нахождения органов государственной власти и в уровне жизни граждан. Для понимания можно представить себе некий мегаполис, имеющий три административные единицы, в каждой из которых располагается свой суд. Первый район, предположим, является спальным, с большим количеством жителей, вто-

⁷ Приказ председателя Следственного комитета Республики Беларусь от 08.04.2016 г. № 56 «О Методике оценки эффективности следственной работы подразделений Следственного комитета Республики Беларусь по статистическим показателям». Документ опубликован не был. Доступ из Национального правового интернет-портала Республики Беларусь pravo.by.

рой заселен меньше всего и характеризуется как неблагоприятный, с высоким уровнем криминальной опасности, а третий – центр города, в котором располагается значительное количество государственных и муниципальных органов власти. Используя такую формулу, теоретически несложно предположить разную концентрацию каждого из видов дел, рассматриваемых тремя судами.

Обоснованность таких подозрений подтверждается результатами сопоставительного анализа статистических данных о нагрузке 7 районных судов г. Уфы за 2020–2022 годы. Получив среднее значение по количеству уголовных, гражданских дел и дел, рассматриваемых в порядке КАС РФ, которые поступили в каждый из судов за три года, можно увидеть разброс данных по видам дел, объяснить который можно только следствием влияния вышеуказанных факторов.

Так, Кировский районный суд г. Уфы, юрисдикция которого распространяется на одноименный густозаселенный административный район города с большой концентрацией на его территории государственных органов, является наиболее загруженным по количеству гражданских дел (7207,9⁸) и вторым по загруженности по делам, рассматриваемым в порядке КАС РФ (1798,7). При этом по показателю количества поступивших уголовных дел он уступает Калининскому и Октябрьскому районным судам г. Уфы (631,8 и 735,7 соответственно), у которых, в свою очередь, ниже количество поступивших гражданских дел (4295,9 и 4 621,4 соответственно). Орджоникидзевский суд города, территориально обслуживающий периферийную промышленную часть города, рассматривает меньше исков в рамках административного судопроизводства (833). Малочисленность населения в Демском районе, по всей видимости, отражается на количестве дел, рассматриваемых в рамках гражданского (2 174,6) и административного судопроизводства (456,8), которое много лет остается самым низким в г. Уфе. Но при сравнении данных по этим показателям с судом, отнесенным к Ленинскому району, который имеет приблизительно равную площадь и население, можно увидеть существенный разрыв значений: 3922,1 гражданского дела и 886,9 дела, рассматриваемых в порядке КАС РФ. Объяснение тому видится снова в географических особенностях районов: в первом случае мы имеем дело, по сути, со спальным пригородом, а во втором – с районом, охватывающим значительную часть центра города.

Поиск подобных корреляций можно продолжить и далее, и думается, что такая неравномерность распределения судебной нагрузки знакома многим судам крупных городов России, а текущее разрастание агломераций населенных пунктов только усугубляет эту неравномерность. Выравнивать ее необходимо двумя способами. Первый, и самый

очевидный, – формировать количество штатных мест в районных судах, исходя из их загруженности, а также перераспределять фактическую численность в случае изменения данного показателя. Подобный способ применялся всегда, однако при этом учитывается лишь общая нагрузка суда, что не решает проблему внутреннего неравномерного распределения разных видов дел. То есть этим не исключается, что дела по одному виду судопроизводства будут рассматриваться своевременно, а по другим – застаиваться. Во избежание подобных проблем целесообразным видится применение второго способа – внедрение правила об экстерриториальной подсудности уголовных и иных судебных дел. Оно предполагает допустимость рассмотрения наименее загруженным судом районного звена дела, которое территориально подсудно другому суду этого же населенного пункта. Разумеется, должен быть ряд условий его реализации.

Во-первых, изменение территориальной подсудности должно основываться на достижении цели по оптимизации судебной нагрузки, а потому дело должно изыматься из ведения перегруженного суда и передаваться в наименее загруженный в конкретный период времени. Во-вторых, необходимость применения правила должна носить объективный характер, то есть подтверждаться статистическими данными текущей судебной нагрузки (общей либо по конкретному виду дел). В-третьих, для прозрачности процедуры следует исключить любые субъективные факторы: порядок выбора суда, в который передается дело, должен быть автоматизирован путем использования компьютерных технологий. В-четвертых, применение судом правила не должно нарушать права участников на судебную защиту своих прав, то есть возможность изменения подсудности допустима только с согласия сторон. В-пятых, для экономии времени и средств, а также в целях востребованности процедуры на практике правило должно иметь разумные географические рамки, ограничивающиеся одним населенным пунктом или несколькими административными районами, отнесенными к юрисдикции одного межрайонного суда. Для гражданского и административного судопроизводства последний пункт потенциально может иметь исключение в виде расширения географии экстерриториальной подсудности в условиях действующего электронного правосудия и развития онлайн-судов. В некоторых странах бывшего Советского Союза практика организации судебных заседаний по видео-конференц-связи при рассмотрении гражданских дел очень популярна [6, с. 152]. Это позволило успешно апробировать альтернативный механизм изменения территориальной подсудности в контексте оптимизации судебной нагрузки.

Выводы

Проведенные оценка и сопоставление статистических данных деятельности судов общей юрисдикции позволяют заключить следующее. Во-первых, подтверждены распространенные в юридической науке суждения о зависимости уровня

⁷ Здесь и далее в этом разделе приводятся средние значения количества судебных дел, поступивших для рассмотрения в районные суды г. Уфы в период с 2020 по 2022 г.

судебной нагрузки от кадрового потенциала суда в количественном его смысле. Во-вторых, установлено существенное влияние степени загруженности судьи на скорость рассмотрения им дел. В-третьих, научные опасения по поводу возможного снижения показателя стабильности судебных актов в связи с недавней трансформацией состава судов разного уровня не находят явного подтверждения в судебной статистике рассмотренного региона.

Стимуляция органов предварительного расследования к прекращению уголовного дела путем изменения статистических показателей их

эффективности является наиболее продуктивным средством фильтрации мелких, фактически разрешенных уголовных дел, поступающих в суд. Необходимость внедрения правила об экстерриториальной подсудности обусловлена неравномерным распределением нагрузки между судами одного территориального образования. Потенциальная эффективность предлагаемой меры подтверждена успешной практикой ее применения в некоторых странах ближнего зарубежья, что не исключает необходимости научной критики и детальной проработки возможных рисков.

Библиографический список

1. Нагорная М. Верховный Суд уточнил свои поправки в УПК об оптимизации судебного процесса // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/verkhovnyy-sud-utochnil-svoi-popravki-v-upk-ob-optimizatsii-sudebnogo-protssesa/> (дата обращения: 03.02.2024).
2. Константинов В. В., Константинова В. А. Тенденция упрощения процессуальной формы судебных решений в уголовном судопроизводстве // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2023. Т. 20, № 2. С. 107–114. DOI: [http://doi.org/10.24147/1990-5173.2023.20\(2\).107-114](http://doi.org/10.24147/1990-5173.2023.20(2).107-114).
3. Бурдина Е. В. Финансирование судов: новые подходы в России и зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16, № 2. С. 70–91. DOI: <http://doi.org/10.17323/2072-8166.2023.2.70.91>.
4. Бочаров Т. Ю., Волков В. В., Воскобитова Л. А., Дмитриева А. В., Смола А. А., Титаев К. Д., Цветков И. В. Предложения по совершенствованию судебной системы в Российской Федерации и изменения нормативных актов в целях их реализации. Москва, 2018. 113 с.
5. Трошев А. М. Обвинение, примирение и оправдание в Казахстане // Обвинение и оправдание в постсоветской уголовной юстиции: сб. ст. / под ред. В. В. Волкова. Москва: Норма, 2015. С. 18–47. URL: https://enforce.spb.ru/images/Обвинение_и_оправдание_в_постсоветской_уголовной_юстиции.pdf?ysclid=lxsz59ps8y55817341.
6. Баймолдина З. Х. Гражданское судопроизводство в Республике Казахстан: новеллы и тенденции // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 3 (73). С. 149–155. DOI: <https://doi.org/10.33184/pravgos-2023.3.16>. EDN: <https://elibrary.ru/cyjfod>.

References

1. Nagornaja M. *Verkhovnyi Sud utochnil svoi popravki v UPK ob optimizatsii sudebnogo protssesa* [Supreme Court clarified its amendments to the Code of Criminal Procedure on optimization of the judicial process]. Retrieved from the official website of *Advokatskaya gazeta*. Available at: <https://www.advgazeta.ru/novosti/verkhovnyy-sud-utochnil-svoi-popravki-v-upk-ob-optimizatsii-sudebnogo-protssesa> (accessed 03.02.2024) [in Russian].
2. Konstantinov V. V., Konstantinova V. A. *Tendentsiya uproshcheniya protsessual'noi formy sudebnykh reshenii v ugovnom sudoproizvodstve* [Trend to Simplify the Procedural Form Judgements in Criminal Proceedings]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo»* [Herald of Omsk University. Series «Law»], 2023, vol. 20, no. 2, pp. 107–114. DOI: [http://doi.org/10.24147/1990-5173.2023.20\(2\).107-114](http://doi.org/10.24147/1990-5173.2023.20(2).107-114) [in Russian].
3. Burdina E. V. *Finansirovanie sudov: novye podkhody v Rossii i zarubezhnykh stranakh* [Court Funding: New Approaches in Russia and Foreign Countries]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics], 2023, vol. 16, no. 2, pp. 70–91. DOI: <http://doi.org/10.17323/2072-8166.2023.2.70.91> [in Russian].
4. Bocharov T. Yu., Volkov V. V., Voskobitova L. A., Dmitrieva A. V., Smola A. A., Titaev K. D., Tsvetkov I. V. *Predlozheniya po sovershenstvovaniyu sudebnoi sistemy v Rossiiskoi Federatsii i izmeneniya normativnykh aktov v tselyakh ikh realizatsii* [Proposals for improving the judicial system in the Russian Federation and changes in regulations for the purpose of their implementation]. Moscow, 2018, 113 p. [in Russian].
5. Troshch A. M. *Obvinenie, primirenje i opravdanie v Kazakhstane* [Accusation, reconciliation and acquittal in Kazakhstan]. In: *Obvinenie i opravdanie v postsovetskoj ugovnoy yustitsii: sb. st. Pod red. V. V. Volkova* [Volkov V. V. (Ed.) Accusation and acquittal in post-Soviet criminal justice: collection of articles]. Moscow: Norma, 2015, pp. 18–47. Available at: https://enforce.spb.ru/images/Обвинение_и_оправдание_в_постсоветской_уголовной_юстиции.pdf?ysclid=lxsz59ps8y55817341 [in Russian].
6. Baimoldina Z. Kh. *Grazhdanskoe sudoproizvodstvo v Respublike Kazakhstan: novelly i tendentsii* [Civil proceedings in the Republic of Kazakhstan: innovations and trends]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* [The Rule-of-Law State: Theory and Practice], 2023, no. 3 (73), pp. 149–155. DOI: <https://doi.org/10.33184/pravgos-2023.3.16>. EDN: <https://elibrary.ru/cyjfod> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-2-50-55

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.57

Дата поступления: 12.03.2024
рецензирования: 20.04.2024
принятия: 27.05.2024

Спорные вопросы квалификации контрабанды наркотических средств, совершенной с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль

Ю. С. Норвартян

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: norvartyan.yus@ssau.ru

Аннотация: В статье анализируются некоторые вопросы квалификации контрабанды наркотических средств, совершенной с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль. Автор заключает, что для целей ст. 229¹ УК РФ насилие охватывает весь объем физического вреда здоровью. Действия лица, умышленно причинившего в процессе контрабанды предметов, предусмотренных статьей 229¹ УК РФ, тяжкий вред здоровью потерпевшего лица, повлекший по неосторожности его смерть, следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных пунктом «в» части четвертой статьи 229¹ УК РФ и части четвертой статьи 111 УК РФ. В случаях, когда контрабанда предметов, предусмотренных ст. 229¹ УК РФ, совершается с угрозой применения насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль, требуется дополнительная квалификация по ст. 318 УК РФ. Если произошло убийство лица, осуществляющего таможенный или пограничный контроль, содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 4 ст. 229¹ УК РФ и ст. 317 УК РФ.

Ключевые слова: контрабанда; наркотические средства; специальные свойства потерпевшего; применение насилия; физическое насилие; причинение вреда здоровью; убийство.

Цитирование. Норвартян Ю. С. Спорные вопросы квалификации контрабанды наркотических средств, совершенной с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 2. С. 50–55. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-2-50-55>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Норвартян Ю. С., 2024

Юрий Сергеевич Норвартян – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии, юридический институт, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 12.03.2024
Revised: 20.04.2024
Accepted: 27.05.2024

Controversial issues of qualification of drug smuggling committed with the use of violence against a person carrying out customs or border control

Yu. S. Norvartyan

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: norvartyan.yus@ssau.ru

Abstract: The article analyzes some issues of qualification of drug smuggling committed with the use of violence against a person carrying out customs or border control. The author concludes that for the purposes of article 229¹ of the Criminal Code of Russian Federation violence covers the entire scope of physical harm to health. The actions of a person who intentionally caused serious harm to the health of the injured person in the process of smuggling items provided for in Article 229¹ of the Criminal Code of Russian Federation, which caused his death by negligence, should be qualified according to the totality of crimes provided for in paragraph «b» of part four of Article 229¹ of the Criminal Code and part four of Article 111 of the Criminal Code of Russian Federation. In cases where the smuggling of items provided for in Article 229¹ of the Criminal Code of Russian Federation is committed with the threat of violence against a person carrying out customs or border control, additional qualifications are required under Article 318 of the Criminal Code of Russian Federation. If there was a murder of a person carrying out customs or border control, the deed should be qualified

according to the totality of crimes provided for in paragraph «b» of Part 4 of Article 229¹ of the Criminal Code of Russian Federation and Article 317 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: smuggling; narcotic drugs; special properties of the victim; use of violence; physical violence; harm to health; murder.

Citation. Norvartyan Yu. S. *Spornye voprosy kvalifikatsii kontrabandy narkoticheskikh sredstv, sovershennoi s primeneniem nasiliya k litsu, osushchestvlyayushchemu tamozhennyi ili pogranichnyi kontrol'* [Controversial issues of qualification of drug smuggling committed with the use of violence against a person carrying out customs or border control]. *Juridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 2, pp. 50–55. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-2-50-55> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Norvartyan Yu. S., 2024

Yuriy S. Norvartyan – Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Law Institute, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Один из особо квалифицирующих признаков, характеризующих способ незаконного перемещения через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо через Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС наркотических средств¹ (ст. 229¹ УК РФ), – применение насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль (п. «в» ч. 4).

В уголовно-правовом смысле насилие в рамках анализируемого преступления следует трактовать ограничительно, а именно как «противоправное умышленное применение физической силы». Это обусловлено позицией УК РФ и буквальным толкованием его положений [1, с. 525]. Если законодатель пожелал бы дифференцировать ответственность за угрозу применения насилия и применение определенного вида насилия (в качестве обязательного признака состава преступления либо в качестве квалифицирующего/особо квалифицирующего признака), то он прямо указал бы на это в тексте закона. Напомним, что в п. «в» ч. 4 ст. 229¹ УК РФ не конкретизирован вид насилия и не говорится об угрозе насилия, а это значит, что в случае угрозы применения насилия в отношении лица, осуществляющего таможенный или пограничный контроль, требуется самостоятельная юридическая оценка. Как справедливо отмечает М. А. Любавина, в подобных случаях действия виновного лица следует квалифицировать по ч. 1 ст. 229¹ УК РФ (при отсутствии других квалифицирующих/особо квалифицирующих признаков) и по ст. 318 УК РФ [2, с. 105], т. к. в анализируемом пункте ч. 4 ст. 229¹ УК РФ указаны специальные признаки потерпевшего, характеризующие правовое положение потерпевшего (что будет более подробно описано ниже).

Также следует отметить, что в ст. 229¹ УК РФ нет градации видов физического насилия. Хотя обычно законодатель различает: а) насилие, не опасное для жизни или здоровья; б) насилие, опасное для жизни или здоровья. В действующем УК РФ

содержание этих понятий не раскрывается. Более того, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 апреля 2017 г. № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде» нет ответа на данный вопрос. Для правоприменителей названные понятия раскрываются, например, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»², согласно которому, под насилием, не опасным для жизни или здоровья, следует понимать побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.). Под насилием, опасным для жизни или здоровья, понимается насилие, которое повлекло причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, а также причинение легкого вреда здоровью, вызвавшее кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности. Аналогичное определение содержится в п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации».

К сожалению, Верховный Суд в названном выше Постановлении от 27 апреля 2017 г. № 12 для целей квалификации контрабанды не разъяснил, в каких случаях физическое насилие охватывается соответствующим признаком конкретного состава преступления, а когда требуется дополнительная квалификация по статьям о преступлениях против жизни, здоровья, свободы и порядка управления.

В литературе также не решен вопрос об определении объема физического насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль, при незаконном перемещении наркотических средств через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо через Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС.

¹ В настоящей статье в целях преодоления многозначности предмета наркопреступлений применяется понятие «наркотические средства», которое является привычным и официально используемым.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2. С. 5.

Так, одни ученые-юристы считают, что под насилием в рамках анализируемого квалифицированного состава следует понимать только насилие, опасное для жизни или здоровья [3, с. 41]. Другие исследователи отмечают, что применение насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль (п. «в» ч. 4 ст. 229¹ УК РФ), охватывает побои и причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью [4, с. 313]. Третьи утверждают, что применение насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль, охватывает побои и, возможно, причинение вреда здоровью любой тяжести [5, с. 534; 6, с. 1058; 7, с. 54; 2, с. 106; 8]. Наконец, четвертая группа ученых считает, что применение насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль, охватывает такие действия и последствия, как связывание, побои и причинение вреда здоровью любой тяжести [9, с. 13].

С последним утверждением в целом можно согласиться, т. к. «для правильной квалификации посягательств, совершаемых с применением физического насилия, большое значение имеет вопрос о случаях идеальной совокупности и конкуренции норм. Речь идет о том, какой объем физического насилия охватывается соответствующим признаком конкретного состава преступления без дополнительной квалификации, а когда требуется дополнительная квалификация по статьям о преступлениях против жизни, здоровья и физической свободы. На практике основным способом решения указанной проблемы является сопоставление строгости конкретных санкций, поскольку характер общественной опасности преступления, степень важности того или иного объекта уголовно-правовой охраны, в том числе и опасность причиненного ему вреда, формально отражены в санкции. Квалификация сложного насильственного преступления производится по одной статье (или части) в тех случаях, когда санкция за такое преступление является более строгой по сравнению с санкциями за применение физического насилия в соответствующих статьях главы 16 УК РФ»³.

Чтобы понять, какого вида насилия касается п. «в» ч. 4 ст. 229¹ УК РФ, необходимо сравнить санкцию за данное преступление с санкциями статей 111, 112, 115, 116, 116¹ и 117 УК РФ, с учетом квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков.

За незаконное перемещение наркотических средств через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо через Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС, совершенное с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль (п. «в» ч. 4 ст. 229¹ УК РФ),

³ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 26 января 2005 г. «Обзор качества рассмотрения окружными (флотскими) военными судами уголовных дел по первой инстанции» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.12.2023).

закон угрожает санкцией, которая предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 15 до 20 лет со штрафом в размере до 1 000 000 рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 5 лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до 2 лет или без такового или пожизненным лишением свободы. Уместно напомнить, что Федеральным законом от 01.03.2012 № 18-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» санкция ч. 4 ст. 229¹ УК РФ была дополнена альтернативным наказанием – пожизненным лишением свободы⁴.

Для сравнения. За умышленное причинение тяжкого вреда здоровью предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до 15 лет с ограничением свободы на срок до 2 лет либо без такового (ст. 111 УК РФ). Максимальное наказание за умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ) составляет лишение свободы на срок до 5 лет. Максимальное наказание за причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ) – лишение свободы на срок до 2 лет. За побои (ст. 116 УК РФ) предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до 2 лет, а за нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость (ст. 116¹ УК РФ), – арест на срок до 6 месяцев. Таким образом, преступления из приведенного перечня являются менее опасными, чем насильственная наркоконтрабанда (п. «в» ч. 4 ст. 229¹ УК РФ).

Представляется не совсем понятным вопрос о том, почему при анализе насильственной наркоконтрабанды авторы исключают из предмета обсуждения такой вид насилия, как истязания. Санкция ст. 117 УК РФ (с учетом квалифицирующих признаков предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы на срок от 3 до 7 лет) является менее строгой, чем санкция ч. 4 ст. 229¹ УК РФ. Напомним, что уголовная ответственность за истязание путем причинения физических или психических страданий посредством иных насильственных действий наступает и в случае их единичного совершения. Например, если контрабандист однократно причинил физическую боль лицу, осуществляющему таможенный/пограничный контроль, путем таскания потерпевшего за волосы.

Итак, санкция за преступление, предусмотренное п. «в» ч. 4 ст. 229¹ УК РФ, является более строгой, чем санкции за преступления, предусмотренные статьями 111, 112, 115, 116, 116¹, 117 УК РФ. Соответственно, считается, что норма, устанавливающая ответственность за исследуемое преступление, обнаруживает конкуренцию с нормами статей 111, 112, 115, 116, 116¹, 117 УК РФ в виде нормы-целого и нормы-части. Однако при сравнении нижних пределов санкций за анализируемое преступление с нижними пределами санкций

⁴ Собрание законодательства РФ. 2012. № 10. С. 1166.

статей 116, 116¹, 117 УК РФ тезис о конкуренции норм может быть поставлен под сомнение, т. к. здесь градация ответственности за физическое насилие отсутствует. Вместе с тем правила квалификации преступлений в основном определяются с учетом верхних пределов санкций действующего законодательства. Таким образом, пункт «в» ч. 4 ст. 229¹ УК РФ закрепляет норму-целое, а ст. 111, 112, 115, 116, 116¹, 117 УК РФ – нормы-части. С учетом верхнего предела санкции п. «в» ч. 4 ст. 229¹ УК РФ охватывает весь объем физического вреда.

В этой связи возникает вопрос: как квалифицировать насильственную наркоконтрабанду в тех случаях, когда умышленно причиненный тяжкий вред здоровью лица, осуществляющего таможенный или пограничный контроль, повлек за собой смерть по неосторожности? Конституционный Суд РФ⁵ и Верховный Суд РФ⁶ придерживаются следующей позиции: если при совершении того или иного преступления причиняется тяжкий вред здоровью потерпевшего, повлекший по неосторожности его смерть, содеянное следует расценивать как совокупность преступлений. Думается, что данная позиция верна, поскольку, исходя из системного толкования УК РФ, в случае применения насилия лицо не посягает на такой объект уголовно-правовой охраны, как жизнь другого человека. В противном случае законодатель указал бы в тексте закона (или в качестве квалифицирующего, или в качестве особо квалифицирующего признака) на такое последствие применяемого насилия, как причинение смерти по неосторожности (примером этого служат статьи 127¹, 211, 230, 230¹, 302 УК РФ и др.).

⁵ См., например, Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2019 № 1895-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шишина Павла Александровича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 111, пунктами «а», «в» части третьей статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.12.2023); Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2012 № 1668-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рашева Романа Измаиловича на нарушение его конституционных прав положениями статей 1, 6, 111 и 162 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.12.2023).

⁶ См., например, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 2; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.

В свете вышесказанного возникает и другой вопрос: как следует квалифицировать случаи, когда лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль, умышленно причиняется смерть?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо определиться с адресатом насилия в рассматриваемом преступлении. Согласно п. «в» ч. 4 ст. 229¹ УК РФ, им является лицо, осуществляющее таможенный или пограничный контроль.

В абз. 2 п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» сказано, что к правоохранительным органам относятся в том числе таможенные органы Российской Федерации⁷.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации»⁸, служба в таможенных органах является особым видом государственной службы граждан Российской Федерации, осуществляющих профессиональную деятельность по реализации функций, прав и обязанностей таможенных органов, входящих в систему правоохранительных органов Российской Федерации.

В соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 351 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, таможенный орган осуществляет предупреждение, выявление и пресечение преступлений и административных правонарушений. Более того, в п. 5 ч. 2 ст. 254 Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» закреплено положение о том, что таможенные органы в пределах своей компетенции обеспечивают на территории Российской Федерации выполнение следующих функций: выявление, предупреждение, пресечение преступлений и административных правонарушений, отнесенных законодательством Российской Федерации к компетенции таможенных органов, а также иных связанных с ними преступлений и правонарушений, проведение неотложных следственных действий и осуществление предварительного расследования в форме дознания по уголовным делам об указанных преступлениях, осуществление производства по делам об административных правонарушениях.

Согласно ст. 30 Закона РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации»⁹, пограничные органы охраняют Государственную границу на суше, море, реках, озерах и иных водных объектах,

⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 8. С. 5.

⁸ Собрание законодательства РФ. 1997. № 30. С. 3586.

⁹ Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 17. С. 594.

в пунктах пропуска через Государственную границу, а также осуществляют пропуск через Государственную границу. В этих целях они выполняют следующие обязанности: обеспечивают всеми имеющимися мерами недопущение противоправного изменения прохождения Государственной границы на местности; осуществляют контроль за соблюдением имеющих разрешительный или уведомительный характер правил режима Государственной границы, пограничного режима и режима в пунктах пропуска через Государственную границу; проводят войсковую, разведывательную, контрразведывательную, оперативно-розыскную, режимно-пропускную и военно-техническую деятельность; осуществляют производство по делам об административных правонарушениях, отнесенным к их ведению законодательством Российской Федерации, в пределах своей компетенции рассматривают эти дела и исполняют постановления по ним; ведут дознание по делам, отнесенным законодательством Российской Федерации к их ведению; осуществляют профилактику правонарушений, борьба с которыми входит в компетенцию пограничных органов; участвуют в деятельности пограничных представителей Российской Федерации и т. д.

Кроме того, одни из основных прав пограничных органов в пределах пограничной территории – осуществлять задержание лиц, совершивших административные правонарушения или преступления в области защиты Государственной границы, в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях или уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации; задерживать иностранных граждан и лиц без гражданства, совершивших незаконное пересечение Государственной границы, в отношении которых на основаниях, предусмотренных частью четвертой ст. 14 настоящего Закона, приняты решения о передаче их властям сопредельных государств или выдворении за пределы Российской Федерации либо приняты постановления об административном выдворении за пределы Российской Федерации, и содержать указанных лиц по постановлению суда в специально отведенных для этого помещениях пограничных органов на время, необходимое для исполнения постановления. Пограничные органы также имеют право при выполнении возложенных на них задач по защите Государственной границы передавать таможенным органам, а в отсутствие таможенных органов задерживать обнаруженную в пределах приграничной территории перемещаемую через Государственную границу контрабанду и другие незаконно перемещаемые товары, грузы, транспортные средства и др.

Отсюда следует, что лица, осуществляющие таможенный или пограничный контроль, от-

носятся к сотрудникам правоохранительных органов и выполняют функции охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности.

Представляется, что насилие в виде убийства сотрудника правоохранительного органа не «укладывается» в рамки насилия как особо квалифицирующего признака ст. 229¹ УК РФ, исходя из строгости санкции ст. 317 УК РФ (максимальное наказание за данное преступление – предусмотрено в виде смертной казни). В случае умышленного причинения смерти лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль, содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 4 ст. 229¹ УК РФ и ст. 317 УК РФ.

В целях оптимизации правоприменительной практики считаем целесообразным Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 апреля 2017 г. № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде» дополнить пунктом 15.1 следующего содержания: *«Под насилием в пункте «в» части четвертой статьи 229¹ УК РФ следует понимать как опасное, так и неопасное для жизни или здоровья насилие, включая побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль, физической боли, либо с ограничением его свободы».*

Применение насилия при контрабанде предметов, предусмотренного в пункте «в» части четвертой статьи 229¹ УК РФ, в результате которого лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль, умышленно причинен тяжкий, легкий или средней тяжести вред здоровью, охватывается пунктом «в» части четвертой статьи 229¹ и дополнительной квалификации по статьям 111, 112 или 115 УК РФ не требует.

Действия лица, умышленно причинившего в процессе контрабанды предметов, предусмотренных статьей 229¹ УК РФ, тяжкий вред здоровью потерпевшего лица, что повлекло по неосторожности его смерть, следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных пунктом «в» части четвертой статьи 229¹ УК РФ и части четвертой статьи 111 УК РФ.

В случаях, когда контрабанда предметов, предусмотренных ст. 229¹ УК РФ, совершается с угрозой применения насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль, требуется дополнительная квалификация по ст. 318 УК РФ.

Если насилие выразилось в убийстве лица, осуществлявшего таможенный или пограничный контроль, содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 4 ст. 229¹ УК РФ и ст. 317 УК РФ».

Библиографический список

1. Безверхов А. Г., Норвартян Ю. С. Соотношение категорий «насилие» и «угроза» в современном уголовном праве России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. Т. 9, № 4. С. 522–534. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2018.405>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yqddqd>.
2. Любавина М. А. Наркоконтрабанда: вопросы квалификации: учебное пособие. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. 148 с. URL: https://www.procuror.spb.ru/izdaniya/2018_01_05.pdf?ysclid=lxlk5ljc1x763656348.
3. Коробеев А. И., Ролик А. И. Борьба с наркоконтрабандой: проблемы законотворчества и правоприменения // Уголовное право. 2014. № 6. С. 36–41. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22938348>. EDN: <https://www.elibrary.ru/thyurn>.
4. Уголовное право. Особенная часть: учебник для бакалавров / под ред. А. И. Чучаева. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2018. 592 с. Available at: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/306416467.pdf>.
5. Российское уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ В. П. Коняхина и д-ра юрид. наук, проф. М. Л. Прохоровой. Москва: Контракт, 2015. 928 с.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А. И. Чучаева. Москва: Проспект, 2019. 1536 с. URL: <https://books.google.ru/books?id=b-16DwAAQBAJ&hl=ru>.
7. Мурашов Н. Ф. Спорные вопросы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 229, 229¹ и 230 УК РФ, совершаемых с применением насилия: теоретико-правовое исследование // Наркоконтроль. 2014. № 2. С. 15–25. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21446546>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sbiepn>.
8. Кромова А. Я. Уголовно-правовая характеристика контрабанды, предусмотренной ст. 229¹ УК РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А. Я. Кромова; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)». Москва, 2013. 28 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01006714568.pdf?ysclid=lxll9w1klu23562744.

References

1. Bezverhov A. G., Norvartyan Yu. S. *Sootnoshenie kategorii «nasilie» i «ugroza» v sovremennom ugovolnom prave Rossii* [The ratio of the categories «violence» and «threat» in modern criminal law of Russia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo* [Vestnik of Saint Petersburg University. Law], 2018, vol. 9, no. 4, pp. 522–534. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2018.405>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yqddqd> [in Russian].
2. Lyubavina M. A. *Narkokontrabanda: voprosy kvalifikatsii: uchebnoe posobie* [Drug trafficking: qualification issues: textbook]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskii yuridicheskii institut (filial) Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii, 2018, 148 p. Available at: https://www.procuror.spb.ru/izdaniya/2018_01_05.pdf?ysclid=lxlk5ljc1x763656348 [in Russian].
3. Korobeyev A. I., Rolik A. I. *Bor'ba s narkokontrabandoi: problemy zakonotvorchestva i pravoprimeniya* [Combating drug smuggling: problems of law-making and law enforcement]. *Ugovolnoe pravo*, 2014, no. 6, pp. 36–41. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22938348>. EDN: <https://www.elibrary.ru/thyurn> [in Russian].
4. *Ugovolnoe pravo. Osobennaya chast': uchebnik dlya bakalavrov. Pod red. A. I. Chuchaeva. 3-e izd., pererab. i dop.* [Chuchaev A. I. (Ed.) Criminal law. Special part: textbook for bachelors. 3rd edition, revised and enlarged]. Moscow: Prospekt, 2018, 592 p. Available at: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/306416467.pdf> [in Russian].
5. *Rossiiskoe ugovolnoe pravo. Osobennaya chast': uchebnik dlya vuzov. Pod red. d-ra yurid. nauk, prof., zasluzhennogo yurista RF V. P. Konyakhina i d-ra yurid. nauk, prof. M. L. Prokhorovoi* [Konyakhin V. P., Prokhorova M. L. (Eds.) Russian criminal law. Special part: textbook for universities]. Moscow: Kontrakt, 2015, 928 p. [in Russian].
6. *Kommentarii k Ugovolnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (nauchno-prakticheskii). Pod red. A. I. Chuchaeva* [Chuchaev A. I. (Ed.) Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (scientific practical commentary)]. Moscow: Prospekt, 2019, 1536 p. Available at: <https://books.google.ru/books?id=b-16DwAAQBAJ&hl=ru> [in Russian].
7. Murashov N. F. *Spornye voprosy kvalifikatsii prestuplenii, predusmotrennykh st. 229, 229¹ i 230 UK RF, sovershaemykh s primeneniem nasiliya: teoretiko-pravovoe issledovanie* [Controversial issues of qualification of crimes provided for by articles 229, 229¹ and 230 of the Criminal Code of the RF committed with the application of violence: theoretical-law study]. *Narkokontrol'* [Narkokontrol], 2014, no. 2, pp. 15–25. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21446546>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sbiepn> [in Russian].
8. Kromova A. Ya. *Ugovolno-pravovaya kharakteristika kontrabandy, predusmotrennoi st. 229¹ UK RF: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08* [Criminal and legal characteristics of contraband provided for in Article 229¹ of the Criminal Code of the Russian Federation: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis: 12.00.08]. Moscow, 2013, 28 p. Available at: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01006714568.pdf?ysclid=lxll9w1klu23562744 [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-2-56-63

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.2

Дата поступления: 17.01.2024
рецензирования: 12.04.2024
принятия: 27.05.2024

Проблема форм реализации уголовной ответственности

И. В. Пантюхина

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, г. Рязань, Российская Федерация
E-mail: i.pantuyuhina@365.rsu.edu.ru

В. Е. Южанин

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, г. Рязань, Российская Федерация
E-mail: yuzhanin1950@mail.ru

Аннотация: В статье отмечается, что формы реализации уголовной ответственности занимали многих ученых, но единого мнения о них так и не выработано. Заостряется внимание на том, что эти формы во многом зависят от понимания сущности уголовной ответственности, а также от определения моментов начала и завершения ее реализации. Обосновывается признание уголовной ответственности как обязанности преступника нести ответ за содеянное, что не равнозначно ее реализации, которая происходит после вступления приговора суда в законную силу при отбывании осужденным наказания или иной меры уголовно-правового характера. Реализуется она в правоограничениях, заложенных в наказании (иной мере). В связи с этим аргументируется, что уголовная ответственность не может реализовываться без назначения наказания, при условно-досрочном освобождении, амнистии и помиловании. Также не существует уголовная ответственность при судимости, ограничения при которой не выражают уголовную ответственность, а являются ее последствием. В заключение авторами обосновывается, что уголовная ответственность реализуется в следующих формах: наказании (основная форма), условном осуждении, отсрочке отбывания наказания, принудительных мерах воспитательного воздействия, принудительных мерах медицинского характера (применительно к вменяемым лицам), конфискации имущества, судебном штрафе.

Ключевые слова: уголовная ответственность; формы реализации уголовной ответственности; уголовное наказание; иные меры уголовно-правового характера; судимость, осуждение без назначения наказания; условно-досрочное освобождение от наказания; амнистия; помилование.

Цитирование. Пантюхина И. В., Южанин В. Е. Проблема форм реализации уголовной ответственности // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 2. С. 56–63. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-2-56-63>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Пантюхина И. В., Южанин В. Е., 2024

Инга Владимировна Пантюхина – доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, 390000, Российская Федерация, г. Рязань, ул. Свободы, 46.

Вячеслав Ефимович Южанин – профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, 390000, Российская Федерация, г. Рязань, ул. Свободы, 46.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.01.2024
Revised: 12.04.2024
Accepted: 27.05.2024

Problem of forms of implementation of criminal liability

I. V. Pantuyukhina

Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan, Russian Federation
E-mail: i.pantuyuhina@365.rsu.edu.ru

V. E. Yuzhanin

Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan, Russian Federation
E-mail: yuzhanin1950@mail.ru

Annotation: The article notes that the forms of criminal liability have occupied many scientists, but no consensus has been developed on them. Attention is focused on the fact that these forms largely depend on the definition of the essence of criminal liability and the moment when it begins to be implemented. The article substantiates the recognition of criminal responsibility as the obligation of a criminal to bear responsibility for what he has done, which does not mean its implementation, which occurs after the court verdict enters into force when the convicted person is serving a sentence or other measure of a criminal nature. It is implemented in the legal restrictions laid down in punishment (another measure of coercion). In this regard, it is argued that criminal liability cannot be realized without the imposition of punishment; with parole, amnesty and pardon. There is also no criminal liability with a criminal record, the limitations of which do

not express it, but are its consequence. In conclusion, the authors substantiate that criminal liability is implemented in the following forms: punishment (the main form), suspended sentence, postponement of punishment, compulsory measures of educational influence, compulsory measures of a medical nature (in relation to sane persons), confiscation of property, court fine.

Key words: criminal liability; forms of implementation; punishment; other measures of criminal legal nature; criminal record; without sentencing; release from punishment on parole; amnesty; pardon.

Citation. Pantyukhina I. V., Yuzhanin V. E. *Problema form realizatsii ugovolnoi otvetstvennosti* [Problem of forms of implementation of criminal liability]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 2, pp. 56–63. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-2-56-53> [in Russian].

Information on the conflict of interest: authors declare that there is no conflict of interest.

© Pantyukhina I. V., Yuzhanin V. E., 2024

Inga V. Pantyukhina – associate professor, head of the Department of Criminal Law and Criminology, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, 46, Freedom Street, Ryazan, 390000, Russian Federation.

Vyacheslav E. Yuzhanin – professor, professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, 46, Freedom Street, Ryazan, 390000, Russian Federation.

Прежде чем обратиться к формам реализации уголовной ответственности, следует определить-ся с самим понятием уголовной ответственности. Как известно, в научной литературе нет единства мнений в этом вопросе, тогда как от него зависит определение форм ее реализации. Мы не будем приводить все позиции ученых о сущности уголовной ответственности. Отметим лишь две основные, которых придерживается большинство правоведов. Первая позиция указывает на обязанность лица понести ответ за содеянное. Вторая связана с применением принуждения со стороны государства – как реакции на совершенное преступление.

Обе позиции имеют право на существование, но если бы мы их объединили в одно целое при рассмотрении реализации уголовной ответственности, то у нас получилось бы правоотношение, в котором субъектами выступают, с одной стороны, лицо, совершившее преступление, а с другой – государство в лице соответствующих органов. Однако определение сущности уголовной ответственности должно предшествовать ее реализации, и она должна заключаться в чем-то одном, главном, что ее определяет: исходить или от преступника, или от государства.

Сама ответственность, если рассматривать ее сущность, относится прежде всего к лицу, совершившему преступление. Именно с ним она связывается. Если бы не было преступления, совершенного им, то об ответственности бы речь вообще не шла. Статья 8 УК РФ прямо определяет, что основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления. Основание уголовной ответственности – это деяние, совершенное преступником. В ст. 5 УК РФ законодатель указывает, что лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. В этой норме ответственность определяется через преступника. Такие же примеры можно привести применительно к освобождению от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным в ст. 75–77 УК РФ. Они относятся к преступнику при установлении его вины

за преступления небольшой или средней тяжести. Второй субъект, государство, во всех указанных случаях подключается лишь после того, как лицом совершено преступление.

Таким образом, уголовная ответственность – это обязанность преступника понести ответ за содеянное. А вот когда эта обязанность начинает реализовываться, тоже не совсем ясно. Все это также можно отнести к научной проблеме. Ее разрешение может помочь в определении форм реализации уголовной ответственности.

Существует два основных подхода к решению данной проблемы. Первый объединяет обязанность нести ответственность за содеянное с реализацией этой ответственности. Они, по мнению авторов, возникают одновременно, с момента совершения преступления (Н. А. Огурцов, И. Я. Козаченко, А. А. Чистяков и др.). Второй подход представляет реализацию уголовной ответственности с момента вступления приговора суда в законную силу и не связывает его начало с обязанностью понести ответ за содеянное (М. П. Журавлев, Н. В. Генрих, Г. Г. Криволапов и др.).

Мы придерживаемся второго подхода, так как считаем, что обязанность понести ответ за содеянное не может быть этим ответом: она является лишь его необходимой предпосылкой. Только с установлением вины в приговоре суда лицо подлежит уголовной ответственности. Вина и уголовная ответственность – это парные категории. Об этом нам говорят нормы Конституции РФ (ст. 49) и уголовного закона (ст. 5, 60 УК РФ). Если не установлена вина и в соответствии с ней не определена обязанность нести ответ за содеянное, ни о какой реализации уголовной ответственности речь идти не может. Если не состоялось осуждение и не возникла уголовная ответственность, то как она может реализоваться?

На наш взгляд, необходимо различать обязанность понести ответ за содеянное и реализацию этой обязанности, которая не совпадает по времени с первой. Ее реализации предшествует длительная процедура, связанная с применением норм уголовно-процессуального права.

Впервые в законодательной практике уголовную ответственность определил законодатель

Республики Беларусь в ч. 1 ст. 44 УК: «Уголовная ответственность выражается в осуждении от имени Республики Беларусь по приговору суда лица, совершившего преступление, и применении на основе осуждения наказания либо иных мер уголовной ответственности в соответствии с настоящим Кодексом» [1]. В этом определении законодатель Республики Беларусь совершенно справедливо, на наш взгляд, связал уголовную ответственность с осуждением (значит признанием виновности лица), а также с приговором суда и наказанием (иными мерами уголовной ответственности). Заметим, что уголовная ответственность реализуется не только в наказании (как основной форме), но и в иных мерах уголовной ответственности (по российскому законодательству – иные меры уголовно-правового характера).

Теперь мы подходим к тому, как соотносятся уголовная ответственность и наказание. На наш взгляд, уголовная ответственность – это общее (даже абстрактное) понятие по отношению к наказанию и другим мерам уголовно-правового характера. Если наказания конкретизированы законодателем в ст. 46–59 УК РФ, то содержание уголовной ответственности вообще не определяется и не конкретизируется.

Уголовная ответственность посредством применения уголовно-процессуальных норм поэтапно конкретизируется в наказание (иную меру): на первом этапе при возбуждении уголовного дела начинается процесс привлечения к уголовной ответственности (по признакам совершенного преступления), на втором этапе устанавливается состав преступления (по его признакам, определенным в Особенной части УК РФ), на третьем этапе судом подтверждается состав преступления и иные его обстоятельства (назначается наказание или иная мера), и на четвертом этапе наказание (иная мера) исполняется (отбывается).

Уголовная ответственность, как не конкретизированная мера уголовно-правового реагирования на преступление, как абстрактный правовой феномен, на стадии назначения наказания превращается в конкретное наказание (иную меру) с его принудительно-карательными возможностями.

На этапах до назначения наказания (иной меры) норма уголовного закона не применяется, просто осуществляются операционные действия для целей использования этой нормы, а на самом деле реализуются нормы уголовно-процессуального права. Наиболее убедительно в этом отношении высказался Н. В. Генрих, подчеркнув, что именно в рамках уголовного процесса в определенных формах идет «приладка» нормативной модели уголовно-правового отношения к фактическому общественному отношению, возникшему с момента совершения преступления. Когда такое фактическое отношение в рамках уголовного процесса приобрело надлежащую правовую форму, то есть с момента вступления приговора суда в законную силу, возникают уголовно-исполнительные правоотношения. В рамках последних как раз и проис-

ходит реализация прав и обязанностей участников уголовно-правового отношения [2, с. 33].

Поддерживая это высказывание уважаемого ученого, определимся, что уголовная ответственность в форме наказания (иной меры) реализуется не только в уголовно-исполнительных правоотношениях, а вообще при исполнении (отбывании) наказания (иных мер). Дело в том, что уголовно-исполнительные правоотношения охватывают только исполнение (отбывание) уголовных наказаний и контроль за условно осужденными (гл. 24 УИК РФ), исполнение (отбывание) иных мер уголовно-правового характера остается за пределами правового регулирования нормами уголовно-исполнительного права. Реализация их находится за рамками уголовно-исполнительных правоотношений.

Со вступлением приговора суда в законную силу уголовная ответственность окончательно конкретизируется в наказании и иных мерах уголовно-правового характера, и в процессе их отбывания осужденным они начинают существовать как единое целое. Именно при отбывании наказания, а не при исполнении, так как уголовную ответственность обязаны нести осужденные, они ее претерпевают.

Уголовная ответственность превращается в наказание (иную меру) только при назначении его в приговоре суда за совершенное преступление. Поэтому реализация уголовной ответственности может иметь место только с вынесением приговора суда при отбывании наказания (иной меры) после его назначения. Наказание и иные меры уголовно-правового характера назначаются и реализуются только в тех правоограничениях, которые были заложены уголовным и уголовно-исполнительным законами для осужденных. Если наказание (иная мера) не отбывается, то не может быть и его реализации (уголовной ответственности). Такого не может быть, например, при освобождении от наказания, амнистии, помиловании и т. п.

Подведем предварительные итоги, от которых будет зависеть определение форм реализации уголовной ответственности:

- а) уголовная ответственность – это обязанность преступника понести ответ за содеянное;
- б) обязанность нести ответ за содеянное (ответственность) не означает ее реализацию;
- в) уголовная ответственность – это не конкретизированная мера уголовно-правового реагирования на преступление; только на стадии назначения наказания в приговоре суда она превращается (конкретизируется) в наказание или иную меру уголовно-правового характера;
- г) уголовная ответственность в форме наказания (иной меры) реализуется при его отбывании осужденным;

д) уголовная ответственность реализуется в правоограничениях, заложенных в наказании (иной мере), сопряжена с приговором суда и не может существовать без претерпевания осужденным принудительно-карательного содержания.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что формы реализации уголовной ответственности связаны с осуждением лица и отбыванием им наказания (иной меры). Само наказание (иная мера) всегда сопровождается ограничением прав и свобод лица, как это вытекает из его определения в ч. 1 ст. 43 УК РФ.

Вопреки данному утверждению, некоторые авторы считают, что уголовная ответственность может реализоваться не только в форме назначения наказания (иной меры) и при его отбывании, но и при осуждении без назначения наказания. При этом, как считает И. Л. Марогулова, содержание уголовной ответственности составляет только осуждение лица на основании оценки содеянного им как преступления, без реального или условного его отбывания [3, с. 108].

Р. Р. Галиакбаров придерживается мнения о том, что с признанием лица виновным в совершении преступления уголовная ответственность может реализовываться в формах: а) назначения ему наказания; б) без назначения уголовного наказания; в) назначения наказания без реального его отбывания или с рассрочкой отбывания; г) иной меры уголовно-правового характера [4, с. 30–32]. Так же, как и в предыдущем случае, автор допускает реализацию уголовной ответственности без назначения наказания (иной меры).

Оригинальной позиции придерживается А. И. Рарог, утверждая, что к формам реализации уголовной ответственности относятся: а) обязанность сознаться в содеянном и подвергнуться осуждению и принуждению; б) осуждение и порицание; в) мера государственного принуждения в форме наказания; г) судимость [5, с. 66]. Две первые указанные А. И. Рарогом формы реализации уголовной ответственности беспредметны, ибо не влекут за собой никаких конкретных правоограничений. Первая форма означает реализацию уголовной ответственности без вины на досудебных стадиях, а вторая – только осуждение к принуждению, но не его отбывание. При этом напоминаем наши выводы о том, что уголовно-процессуальные правоотношения – это форма установления уголовно-правовых отношений, лишь уголовно-исполнительные правоотношения могут выражать реализацию уголовной ответственности.

Примерно так же, как и А. И. Рарог, высказались М. Т. Тащилин и Н. Н. Годило. Они смешали, на наш взгляд, формы установления ответственности на процессуальных стадиях с формами реализации уголовной ответственности [6, с. 54].

Еще раз подчеркнем, что уголовная ответственность реализуется в отбывании наказания или иной меры уголовно-правового характера на основе вступившего в силу приговора суда после признания его вины [7, с. 29]. При этом мы должны подчеркнуть, что для осуществления задач, перечисленных в ч. 1 ст. 2 УК РФ, законодатель указывает на способы их решения – через наказание и иные меры уголовно-правового характера. Иные способы он не предусматривает.

М. Журавлев и Е. Журавлева верно замечают, что уголовная ответственность реализуется только с признанием вины лица и вступлением приговора суда в законную силу. Однако мы не разделяем их мнение о том, что она может реализовываться без наказания (иной меры), например, при освобождении от уголовной ответственности (ст. 75–76 УК РФ), а также при амнистии (ст. 84 УК РФ), помиловании (ст. 85 УК РФ), досрочном освобождении от наказания [7, с. 20–30]. Ранее об этом писал Р. И. Михеев [8, с. 24], сегодня мнения указанных авторов поддерживает Н. А. Долгов [9, с. 38–40].

Мнение о реализации уголовной ответственности без назначения наказания обычно аргументируется примером ст. 80¹ УК РФ (освобождение от наказания в связи с болезнью), ст. 83 УК РФ (освобождение от наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда) [7, с. 30]. Этот подход вызывает серьезное возражение. Во-первых, уголовная ответственность как обязанность преступника понести ответ за содеянное возникает и реализуется в правоограничениях при отбывании наказания (иной меры). Во-вторых, согласно указанной статье УК РФ, осужденный освобождается от наказания, а значит и от обязанности понести ответ за содеянное. В-третьих, уголовная ответственность, оформившись в наказание при его назначении, не отбывается осужденным, она просто отменена судом. В таком случае, если ее нет, то как она может реализовываться?

Уголовная ответственность не может реализовываться при освобождении от нее по нереабилитирующим основаниям (ст. 75, 76, 76¹, 76² УК РФ). Если лицо освобождено от ответственности, когда ее самой нет, то как такая ответственность может реализовываться, тем более она даже не оформилась в наказание.

То же самое можно сказать и про амнистию, и про помилование, когда лицо полностью освобождается от отбывания назначенного судом наказания. В данных случаях реализация уголовной ответственности прекращается по воле Государственной думы РФ и Президента РФ. Здесь, видимо, авторы имели в виду, что уголовная ответственность реализуется в самом освобождении, но в данном случае она прекращается без реализации, она отменяется.

Вызывает вопросы утверждение о том, что уголовная ответственность реализуется при условно-досрочном освобождении. Конечно, при условно-досрочном освобождении осужденный переходит в стадию новых отношений с государством при реализации обязанностей и правоограничений, наложенных на него судом. Однако, хотя от отбывания наказания он освобожден судом, находится в сопряжении с ним неотбытым сроком. Только после его окончания бывший осужденный становится свободным. При условно-досрочном освобождении идет вторичное прерывание наказания, в которое была первоначально оформлена уголовная ответственность. О новой форме уголовной ответственности здесь речь не идет, осужденный

находится в сопричастности с прежним преступлением и наказанием за него. В. Ф. Лапшин и С. А. Корнеев объясняют это иначе: условно-досрочное освобождение относится к видам освобождения от назначенного наказания, существенно снижающим интенсивность реализации правоограничительных мер уголовно-правового характера [10, с. 71–72]. На наш взгляд, снижение интенсивности правоограничительных мер не объясняет отсутствие формы реализации уголовной ответственности при условно-досрочном освобождении.

Российский УК не определил, в каких конкретно формах реализуется уголовная ответственность, но это сделал белорусский законодатель: он дал определение не только самой уголовной ответственности, но и форм ее реализации. Согласно ст. 46 УК Республики Беларусь, уголовная ответственность реализуется:

- а) с применением назначенного наказания;
- б) с отсрочкой исполнения назначенного наказания;
- в) с условным неприменением назначенного наказания;
- г) без назначения наказания;
- д) с применением в отношении несовершеннолетних принудительных мер воспитательного характера [1].

Здесь не названы иные меры уголовной ответственности (по УК РФ – иные меры уголовно-правового характера), хотя при определении понятия уголовной ответственности они упоминались. Смущает положение о том, что уголовная ответственность может реализовываться без назначения наказания. Мы объясняли, что в данном случае она отменяется, а не реализуется. Реализация уголовной ответственности возможна тогда, когда она установлена решением суда, выражается в правоограничениях, заключенных в наказании или иных мерах уголовно-правового характера и только при их отбывании, когда лицо претерпевает принуждение. В связи с этим выделяем следующие формы реализации уголовной ответственности:

- уголовное наказание (основная форма);
- условное осуждение;
- отсрочка отбывания наказания;
- принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним;
- принудительные меры медицинского характера, применяемые к лицам, признанным вменяемыми;
- конфискация имущества;
- судебный штраф.

Иными словами, реализация уголовной ответственности возможна при отбывании осужденным наказания или иных мер уголовно-правового характера. Проведем краткий разбор этих мер.

При условном осуждении осужденный находится в стадии сопряжения с назначенным ему наказанием, при этом испытывает ряд ограничений и исполняет обязанности, наложенные на него судом (ч. 5 ст. 73 УК РФ). По сравнению с условно-досрочным освобождением, он не связан с неотбытым сроком наказания, а имеет испытательный

срок. Условное осуждение определяется как самостоятельная мера уголовно-правового характера. Оно назначается судом взамен наказания.

Отсрочки отбывания наказания, предусмотренные ст. 82 УК РФ (беременной женщине, женщине, имеющей ребенка в возрасте до 14 лет, мужчине, имеющему ребенка в возрасте до 14 лет, являющемуся единственным родителем) и ст. 82.1 УК РФ (больным наркоманией), определяются судом на стадии назначения наказания и связаны с исполнением определенных обязанностей. Осужденный находится в стадии их исполнения, претерпевания. Это самостоятельные меры уголовно-правового характера, они являют собой формы реализации уголовной ответственности.

Принудительные меры воспитательного воздействия – еще один самостоятельный вид мер уголовно-правового характера. Применяются к несовершеннолетнему за совершение преступлений небольшой, средней тяжести и тяжкое преступление, когда им назначено наказание, которое затем судом заменяется на принудительные меры (ст. 92 УК РФ). Эти меры сопряжены с исполнением обязанностей и соблюдением несовершеннолетними правоограничений или помещением их в специальное воспитательное учреждение закрытого типа, когда они находятся в полуизоляции от общества. Претерпевание ими правоограничений, заключенных в этих мерах, означает реализацию уголовной ответственности.

Не все принудительные меры медицинского характера можно отнести к формам реализации уголовной ответственности, а лишь те, которые сопряжены с отбыванием наказания (иной меры): в отношении лиц, совершивших преступление и страдающих психическим расстройством, не исключающим вменяемости (п. «в» ч. 1 ст. 97 УК РФ), совершивших в возрасте старше 18 лет преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста, и страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости (п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ).

В данных случаях уголовная ответственность реализуется посредством отбывания осужденным наказания (иной меры) и исполнением обязанностей по лечению от психических заболеваний. Принудительные меры, применяемые в отношении невменяемых согласно п. «а» и «б» ст. 97 УК РФ, не образуют форму реализации уголовной ответственности, так как эти категории лиц вообще не подлежат уголовной ответственности.

Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера, предусмотренная в гл. 15¹ УК РФ, представляет собой самостоятельное юридическое явление, может применяться судом на основаниях, указанных в ч. 2 ст. 104¹ УК РФ. Для нее характерно принудительное безвозмездное изъятие имущества и обращение его в доход государства (ч. 1 ст. 104¹ УК РФ). Назначается она по приговору суда и ограничивает осужденного в пользовании теми благами, которые он имел

до конфискации. Хотя эти блага и были приобретены преступным путем, но они перешли в его собственность, и лишаясь их, осужденный испытывает определенный дискомфорт.

Судебный штраф – одна из новых мер уголовно-правового характера (гл. 15² УК РФ) – назначается судом в виде денежного взыскания. В нем есть все ранее названные нами признаки формы реализации уголовной ответственности. Смущает, правда, то, что он назначается при освобождении лица от уголовной ответственности (ч. 1 ст. 104⁴ УК РФ). На самом деле получается, что от уголовной ответственности это лицо не освобождается, если оно наделяется обязанностью выплатить штраф в установленный судом срок, – скорее всего, оно освобождается от наказания с заменой его на иную меру уголовно-правового характера.

Некоторые авторы причисляют к формам реализации уголовной ответственности судимость лица за совершенное преступление [11, с. 6; 12, с. 92; 13, с. 34; 14, с. 13; 15, с. 183]. В. Ф. Лапшин и С. А. Корнеев вообще считают, что уголовная ответственность имеет две самостоятельные формы реализации: наказание и судимость. Однако ранее они указывали и иные формы: судебный штраф, конфискацию имущества, условное осуждение и иные меры уголовно-правового характера [10, с. 73]. Таким образом, имеется противоречие взглядов ученых на формы реализации уголовной ответственности. Как известно, судимость следует за наказанием, а с иной мерой уголовно-правового характера законодатель ее не связывает (ст. 86 УК РФ). На наш взгляд, судимость не может выражать уголовную ответственность, так как она является ее правовым последствием. Если уголовная ответственность превратилась в наказание, то с момента отбытия его осужденным она прекращается вместе с наказанием. Правоограничения, испытываемые судимым лицом, имеют не уголовно-правовой, а иной отраслевой характер [7, с. 31; 16, с. 71; 17, с. 23–25].

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь. URL: https://kodeksy-bel.com/ugolovnyj_kodeks_rb/44.htm (дата обращения: 27.01.2024).
2. Генрих Н. В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2011. 59 с. URL: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01005085393.pdf
3. Уголовное право Российской Федерации: учебник / А. А. Гравина, В. П. Кашепов, Т. О. Кошаева, И. Л. Марогулова, В. И. Руднев / отв. ред. В. П. Кашепов. Москва: Былина, 1999. 559 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29740810>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zavgvb>.
4. Галиакбаров Р. Р. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Конспекты лекций и иные материалы. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. аграрн. ун-та, 1999. 279 с.
5. Рапог А. И. Уголовное право России. Общая часть. Москва, 2009. 496 с. URL: <https://polyglotlife.ru/wp-content/uploads/2023/10/ROSSIJSKOIe-Svietlanka.pdf>.
6. Тащилин М., Годилов Н. Уголовная ответственность и формы ее реализации // Уголовное право. 2004. № 4. С. 53–54.
7. Журавлев М., Журавлева Е. Понятие уголовной ответственности и форм ее реализации // Уголовное право. 2005. № 3. С. 28–31.
8. Михеев Р. И. Проблема вменяемости, вины и уголовной ответственности (теория и практика): дис. ... д-ра юрид. наук в форме научного доклада. Москва, 1995. 70 с.

Уголовная ответственность завершается, когда исчерпываются карательные правоограничения при отбывании наказания. Постпенальные правоограничения не могут быть карательными и выражать уголовную ответственность, они имеют прямое профилактическое предназначение. Судимость является только основанием для профилактического контроля [18, с. 4], она не может являться разновидностью уголовно-правового отношения в правоограничительном состоянии [19, с. 19–20]. На наш взгляд, в уголовно-правовом смысле состояние судимости предполагает лишь угрозу возможного усиления уголовной ответственности, но не включает ее в себя. Она является правовой оболочкой уголовной ответственности [20, с. 120–121].

Подведем итоги:

1. Уголовная ответственность, имея принудительно-карательное содержание, реализуется только в наказании или иной мере уголовно-правового характера при их отбывании лицом, совершившим преступление.

2. Без назначения наказания (иной меры), а также при освобождении от него уголовная ответственность не может быть реализована, так как теряет свое предметное принудительно-карательное содержание.

3. Только на стадии назначения наказания со вступлением в законную силу приговора суда уголовная ответственность трансформируется и затем реализуется в наказании или иной мере уголовно-правового характера. Все последующие уголовно-правовые изменения не могут являться формами реализации уголовной ответственности.

4. Постпенальные правоограничения в период судимости не являются принудительно-карательными и не могут быть формой реализации уголовной ответственности. Уголовная ответственность, трансформировавшись в наказание, заканчивается одновременно с ним после его отбытия осужденным.

9. Долгов Н. А. О формах реализации уголовной ответственности // Вестник молодого ученого Кузбасского института: сборник научных статей. Новокузнецк, 2017. С. 36–42. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29292737>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yrainh>.
10. Лапшин В. Ф., Корнеев С. А. Формы реализации уголовной ответственности // Вестник Кузбасского института. 2019. № 4 (41). С. 68–76. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41507846>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xuaewj>.
11. Ведмидь С. Э. Проблемы реализации уголовной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. 17 с. URL: https://newdisser.ru/_avtoreferats/01002622941.pdf.
12. Дворецкий М. Ю. Уголовная ответственность: эффективная реализация форм и ее видов // Вестник экономической безопасности. 2016. № 2. С. 90–95. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-effektivnaya-realizatsiya-form-i-ih-vidov/viewer>.
13. Кругликов Л. Л., Васильевский А. В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2002. 300 с. URL: <https://reallib.org/reader?file=1478332>.
14. Маликов Б. З. Преступление, наказание, судимость – основные правовые факторы уголовной ответственности // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27 (1–4). № 1. С. 10–17. DOI: [http://doi.org/10.33463/1999-9917.2019.27\(1-4\).1.010-017](http://doi.org/10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.010-017). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37375590>. EDN: <https://www.elibrary.ru/cftjre>.
15. Фильченко А. П. Возникновение, смягчение и прекращение уголовной ответственности (проблема отраслевого и межотраслевого рассогласования): монография. Москва, 2014. 296 с.
16. Криволапов Г. Г. Уголовная ответственность как правовое последствие совершения преступления // Совершенствование деятельности советской милиции по охране общественного порядка и профилактике преступлений. Труды Московской высшей школы милиции МВД СССР. Москва: Изд-во МВШМ МВД СССР, 1978. Вып. 2. С. 70–76.
17. Мицкевич А. Ф. Уголовное наказание: понятие, цели, механизм действия: монография. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2005. 327 с.
18. Ульянов А. В. Судимость и правовые последствия ее реализации: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006. 159 с.
19. Понятовская Т. Г., Шаутаева Г. Х. Правовое значение судимости: монография. Ижевск: Детектив-Информ, 2003. 241 с. URL: <https://eanbur.unatlib.ru/items/94c1cb5a-a5f3-423b-b4df-227d164a28e5?ysclid=lstbfc2i463358068>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19999756>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qvrajv>.
20. Южанин В. Е., Пантюхина И. В. Судимость и рецидив преступлений // Вестник Томского государственного университета. Право. № 37. С. 117–130. DOI: <http://doi.org/10.17223/22253513/37/10>. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44236259>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sxcxib>.

References

1. *Ugolovnyi kodeks Respubliki Belarus'* [Criminal Code of the Republic of Belarus]. Available at: https://kodeksy-bel.com/ugolovnyj_kodeks_rb/44.htm (accessed 27.01.2024) [in Russian].
2. Genrikh N. V. *Predmet i metod ugolovno-pravovogo regulirovaniya: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Subject and method of criminal law regulation: author's abstract of Doctoral of Legal Sciences thesis]. Ryazan, 2011, 59 p. Available at: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01005085393.pdf [in Russian].
3. *Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii: uchebnik. A. A. Gravina, V. P. Kashepov, T. O. Koshaeva, I. L. Marogulova, V. I. Rudnev / otv. red. V. P. Kashepov* [A. A. Gravina, V. P. Kashepov, T. O. Koshaeva, I. L. Marogulova, V. I. Rudnev Criminal law of the Russian Federation: textbook; V. P. Kashepov (Ed.)]. Moscow: Bylina, 1999, 559 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29740810>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zavgvb> [in Russian].
4. Galiakbarov R. R. *Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Obshchaya chast': Konspekty lektsii i inye materialy* [Criminal law of the Russian Federation. General part: Lecture notes and other materials]. Krasnodar: Izd-vo Kuban. gos. agrarn. un-ta, 1999, 280 p. [in Russian].
5. Rarog A. I. *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast'* [Criminal law of Russia. General part]. Moscow, 2009, 496 p. Available at: <https://polyglotlife.ru/wp-content/uploads/2023/10/ROSSIISKOIe-Svietlanka.pdf> [in Russian].
6. Tashchilin M., Godilo N. *Ugolovnaya otvetstvennost' i formy ee realizatsii* [Criminal liability and forms of its implementation]. *Ugolovnoe pravo*, 2004, no. 4, pp. 53–54 [in Russian].
7. Zhuravlev M., Zhuravleva E. *Ponyatie ugolovnoi otvetstvennosti i form ee realizatsii* [The concept of criminal liability and the forms of its implementation]. *Ugolovnoe pravo*, 2005, no. 3, pp. 28–31 [in Russian].
8. Miheev R. I. *Problema vmenyaemosti, viny i ugolovnoi otvetstvennosti (teoriya i praktika): dis. ... d-ra yurid. nauk v forme nauchnogo doklada* [Problem of sanity, guilt and criminal responsibility (theory and practice): Doctor's of Law thesis in the form of a scientific report]. Moscow, 1995, 70 p. [in Russian].
9. Dolgov N. A. *O formakh realizatsii ugolovnoi otvetstvennosti* [On the forms of implementation of criminal liability]. In: *Bulletin of a young scientist of the Kuzbass Institute: collection of scientific articles*. Novokuznetsk, 2017, pp. 36–42. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29292737>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yrainh> [in Russian].

10. Lapshin V. F., Korneev S. A. *Formy realizatsii ugolovnoi otvetstvennosti* [Forms of implementation of criminal liability]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*, 2019, no. 4, pp. 68–76. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41507846>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xuaewj> [in Russian].
11. Vedmid' S. E. *Problemy realizatsii ugolovnoi otvetstvennosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Problems of the implementation of criminal liability: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Krasnoyarsk, 2004, 17 p. Available at: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01002622941.pdf [in Russian].
12. Dvoretzkiy M. Yu. *Ugolovnaya otvetstvennost': effektivnaya realizatsiya form i ee vidov* [Criminal liability: the effective implementation of the forms and their species]. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti* [Vestnik of economic security], 2016, no. 2, pp. 90–95. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-effektivnaya-realizatsiya-form-i-ih-vidov/viewer> [in Russian].
13. Kruglikov L. L., Vasilevskiy A. V. *Differentsiatsiya otvetstvennosti v ugolovnom prave* [Differentiation of responsibility in criminal law]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2002, 300 p. Available at: <https://reallib.org/reader?file=1478332> [in Russian].
14. Malikov B. Z. *Prestuplenie, nakazanie, sudimost' – osnovnye pravovye faktory ugolovnoi otvetstvennosti* [Crime, punishment, criminal record as the main legal factors of criminal liability]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie* [Man: crime and punishment], 2019, vol. 27 (1–4), no. 1, pp. 10–17. DOI: [http://doi.org/10.33463/1999-9917.2019.27\(1-4\).1.010-017](http://doi.org/10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.010-017). Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37375590>. EDN: <https://www.elibrary.ru/cfrjre> [in Russian].
15. Filchenko A. P. *Vozniknovenie, smyagchenie i prekrashchenie ugolovnoi otvetstvennosti (problema otraslevogo i mezhotraslevogo rassoglasovaniya): monografiya* [Emergence, mitigation and termination of criminal liability (the problem of sectoral and intersectoral misalignment): monograph]. Moscow, 2014, 296 p. [in Russian].
16. Krivolapov G. G. *Ugolovnaya otvetstvennost' kak pravovoe posledstvie soversheniya prestupleniya* [Criminal liability as a legal consequence of the commission of a crime]. In: *Sovershenstvovanie deyatel'nosti sovetskoi militsii po okhrane obshchestvennogo poriyadka i profilaktike prestuplenii. Trudy Moskovskoi vysshei shkoly militsii MVD SSSR* [Improving the activities of the Soviet police for the protection of public order and crime prevention: proceedings of the Moscow Higher School of Militia of the Ministry of Internal Affairs of the USSR]. Moscow: Izd-vo MVShM MVD SSSR, 1978, issue 2, pp. 70–76 [in Russian].
17. Mitskevich A. F. *Ugolovnoe nakazanie: ponyatie, tseli, mekhanizm deistviya: monografiya* [Criminal punishment: concept, purpose, and mechanism of operation: monograph]. Saint Petersburg: Yurid. tsentr Press, 2005, 329 p. [in Russian].
18. Ul'yanov A. V. *Sudimost' i pravovye posledstviya ee realizatsii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal record and legal consequences of its implementation: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2006, 159 p. [in Russian].
19. Ponyatovskaya T. G., Shautaeva G. Kh. *Pravovoe znachenie sudimosti: monografiya* [Criminal legal consequences of a criminal record: monograph]. Izhevsk: Detektiv-Inform, 2003, 241 p. Available at: <https://eandur.unatlib.ru/items/94c1cb5a-a5f3-423b-b4df-227d164a28e5?ysclid=lstbf6c2i463358068>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19999756>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qvrajv> [in Russian].
20. Yuzhanin V. E., Pantyukhina I. V. *Sudimost' i retsidiv prestuplenii* [Criminal record and recidivism of crimes]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo* [Tomsk State University Journal of Law], no. 37, pp. 117–130. DOI: <http://doi.org/10.17223/22253513/37/10>. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44236259>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sxcxib> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-2-64-71

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.1

Дата поступления: 02.04.2024
рецензирования: 10.05.2024
принятия: 27.05.2024

Российский уголовный процесс: и инквизиционность, и состязательность

А. А. Тарасов

Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Российская Федерация; Самарский национальный исследовательский университет имени
академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: aatar@mail.ru

Аннотация: Вопрос о состязательности современного российского уголовного процесса является одним из наиболее дискуссионных в науке. Автор придерживается позиции, согласно которой в современном российском уголовном процессе, сохраняющем приверженность его континентально-европейской, то есть смешанной модели, инквизиционное (розыскное) досудебное производство сочетается с состязательным судебным производством по уголовным делам. Досудебное производство – это деятельность государства по формированию и обоснованию обвинения для предъявления его в суде при наличии к тому оснований, либо по отказу от дальнейшей уголовно-процессуальной деятельности при отсутствии таких оснований. Состязательность судебного разбирательства позволяет суду с активным участием сторон обвинения и защиты установить обоснованность либо необоснованность переданного на рассмотрение суда государственного обвинения и разрешить уголовное дело. Возможность для стороны защиты на равных состязаться со стороной обвинения в процедурах судебного разбирательства позволяет считать состязательность уголовного судопроизводства универсальным его принципом.

Ключевые слова: уголовный процесс; уголовное судопроизводство; досудебное производство по уголовным делам; судебное производство по уголовным делам; доказывание по уголовным делам; публичность; состязательность; инквизиционное (розыскное) начало.

Цитирование. Тарасов А. А. Российский уголовный процесс: и инквизиционность, и состязательность // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 2. С. 64–71. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-2-64-71>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Тарасов А. А., 2024

Александр Алексеевич Тарасов – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, Институт права, Уфимский университет науки и технологий, 450076, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32; профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юридический институт, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 02.04.2024
Revised: 10.05.2024
Accepted: 27.05.2024

Russian criminal procedure: both inquisition and adversary

A. A. Tarasov

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation; Samara
National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: aatar@mail.ru

Abstract: The question of the adversarial nature of modern Russian criminal proceedings is one of the most controversial in science. The author adheres to the position that in modern Russian criminal proceedings, which remain committed to its continental European, that is, mixed model, inquisitorial (search) pre-trial proceedings are combined with adversarial judicial proceedings in criminal cases. Pre-trial proceedings are the activities of the state to form and substantiate charges for bringing them in court if there are grounds for this, or to refuse further criminal procedural activities in the absence of such grounds. The adversarial nature of the trial allows the court, with the active participation of the prosecution and defense, to establish the validity or unfoundedness of the state charge submitted to the court and resolve the criminal case. The opportunity for the defense to compete on an equal footing with the prosecution in court proceedings allows us to consider adversarial criminal proceedings to be its universal principle.

Key words: criminal process; criminal proceedings; pre-trial proceedings in criminal cases; judicial proceedings in criminal cases; evidence in criminal cases; publicity; adversarial process; inquisitorial (search) principle.

Citation. Tarasov A. A. *Rossiiskii ugolovnyi protsess: i inkvizitsionnost', i sostyazatel'nost'* [Russian criminal procedure: both inquisition and adversary]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 2, pp. 64–71. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-2-64-71> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Tarasov A. A., 2024

Alexander A. Tarasov – Doctor of Laws, professor, head of the Department of Criminal Law and Procedure, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, 32, Zaki Validi, Ufa, 450076, Russian Federation; professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Law Institute, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Закрепление в ст. 15 УПК РФ 2001 года принципа состязательности сторон в российском уголовном судопроизводстве создало некую почву для представления о его универсальном характере для всех стадий уголовного процесса, который мы еще с советских времен привыкли понимать как синоним уголовного судопроизводства. В последние годы правомерность такого отождествления не без оснований поставлена под сомнение [1], но в литературе начала 2000-х годов это законодательное решение вызвало очень разные, но неизменно бурные реакции: и крайнее неприятие, и искреннее удивление, и нескрываемый восторг. Однако если в отношении судебного производства по уголовным делам всегда была относительная ясность, ибо стороны обвинения и защиты имели как минимум процедурно обеспеченную возможность на равных состязаться перед судом, выступающим в процессе единственным носителем властных полномочий, то в отношении досудебного производства с самого начала вопросов было гораздо больше, чем ответов. *Во-первых*, в ч. 4 ст. 15 УПК РФ прямо сказано о равноправии сторон защиты и обвинения только перед судом, то есть только в тех процедурах, в которых участвует суд. *Во-вторых*, необходимое для состязательности сторон процессуальное равенство между стороной обвинения, представленной государственными органами, обладающими властью, и стороной защиты, не имеющей властных полномочий нигде в мире, изначально не выглядело сколько-нибудь реальным. *В-третьих*, российский уголовный процесс, оставаясь в континентально-европейской правовой семье, сохраняет уголовно-процессуальную форму досудебного производства, которая без участия властвующих субъектов не существует и не может существовать.

Рассмотрим несколько подробнее и сами законодательные решения, и доктринальные поиски, которыми сопровождалось и продолжает сопровождаться обозначение «состязательности сторон» принципом уголовного судопроизводства в ст. 15 УПК РФ.

В уголовно-процессуальном законе сразу же появились декларативные, если не сказать «декоративные», положения, которые были призваны подчеркнуть распространение принципа состязательности и на досудебное производство по уголовным делам тоже.

Только так, как полагаем, можно было оценить предоставленное защитнику в ч. 3 ст. 86 УПК РФ право «собирать доказательства», притом что в

ч. 1 этой же статьи собирание доказательств обозначалось как властная правоприменительная деятельность прямо названных здесь субъектов, а в ч. 2 ст. 74 УПК РФ в исчерпывающем перечне обозначены виды доказательств, собрать которые в уголовно-процессуальном виде мог только властвующий субъект, имеющий полномочия по данному уголовному делу. Некоторый намек на состязательность доказывания можно было усмотреть в собирании защитником такого доказательства, как «иные документы», а отчасти и в «вещественных доказательствах», однако и здесь все было не так просто. Любой документ в досудебном производстве приобретает доказательственную силу только в случае приобщения его к уголовному делу должностным лицом, в производстве которого оно находится. Что касается «вещественных доказательств», то об их приобщении к делу и вообще требуется отдельное, прямо предусмотренное в УПК РФ постановление следователя (ч. 2 ст. 81 УПК РФ). С учетом этого защитник собирал вовсе не сами доказательства, а лишь предметы и документы, которые только потенциально могли стать доказательствами по уголовному делу, если должностное лицо сочтет возможным их к этому делу приобщить.

Закрепление в УПК РФ заведомо эфемерного права защитника собирать доказательства в досудебном производстве, по сути, было почти закономерным следствием того иллюзорного представления, будто бы равноправное состязание сторон вне судебных процедур вообще возможно. Сегодня, анализируя опыт обсуждения на разных научных форумах этой законодательной новеллы в первые годы действия УПК РФ, приходим к выводу, что юристы, поддержавшие тогда идею собирания доказательств защитником, слишком уж охотно увлеклись этой иллюзией, так что не захотели по-настоящему вникнуть в содержание текста даже самих этих законоположений. На самом деле, согласно ч. 3 ст. 86 УПК РФ защитнику разрешалось разговаривать с людьми, если они против этого не возражали, и вести переписку с теми организациями, с которыми сам адвокат и его доверитель хотели переписываться. Ничего другого в ч. 3 ст. 86 УПК РФ не предусмотрено, и никаких новых прав защитнику в сравнении с УПК РСФСР 1960 года предоставлено не было, помимо разве что более раннего вступления в процесс по всем уголовным делам, что само по себе действительно значило для правозащитной практики очень много.

Сторонников собирания доказательств защитником не смутила двусмысленность формулировки п. 3 ч. 3 ст. 86 УПК РФ: «истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставить запрашиваемые документы или их копии». Из приведенного положения УПК РФ не ясно, адресаты обращения защитника, то есть адвокатского запроса, обязаны предоставить документы, истребуемые защитником, в силу процитированного законоположения, либо защитник вправе обратиться с требованием предоставить эти документы только к тем организациям, которые имеют такую обязанность в силу каких-то иных нормативно-правовых требований. Обязан ли, например, банк предоставить документы, содержащие банковскую тайну, по адвокатскому запросу? Нет. Обязана ли медицинская организация по такому же запросу предоставить сведения, составляющие врачебную тайну? Тоже нет. Думается, этот перечень можно продолжить почти до бесконечности – нотариальная, коммерческая, патентная, личная и семейная и практически все другие виды охраняемой законом тайны защитнику недоступны. Разумеется, не исключено, что какие-то организации по доброй воле или по недосмотру своих сотрудников, а то и просто вследствие их служебных злоупотреблений что-то предоставят адвокату-защитнику, но уголовно-процессуальный закон здесь вообще ни при чем.

Проблема официального введения в уголовный процесс сведений, предметов и документов, полученных защитником, действительно заслуживает детального научного анализа и все время действия УПК РФ привлекает к себе внимание исследователей [2, с. 98–108; 3, с. 217–224]. Однако повторимся: это вовсе не вопрос о собирании уголовно-процессуальных доказательств защитником и не вопрос реализации принципа состязательности в досудебном производстве по уголовным делам. Это вопрос взаимоотношений участников процесса, не наделенных властными полномочиями, с представителями государства, этими полномочиями обладающими. И нельзя не заметить, что в любом солидном научном исследовании подчеркивается принципиальная разница в характере этих взаимоотношений с властвующими субъектами вне судебных процедур и в судебном разбирательстве, на каких бы позициях ни стоял автор в отношении самого «собирания доказательств защитником» [2, с. 104; 3, с. 221].

Немногие исследователи решались на заявление, что «принцип состязательности распространяется на все уголовное судопроизводство, а потому стороны на разных стадиях уголовного процесса должны обладать равными процессуальными правами [4, с. 86]». Следующий вопрос, на который авторам такого подхода придется отвечать, – как это возможно, чтобы должностное лицо, обладающее властью, имеющее право применять принуждение и в получении доказательств, и для обеспе-

чения собственной беспрепятственной работы по уголовному делу, имело бы равные процессуальные права со стороны защиты, которая властью не обладает. В этой связи справедливо замечание Л. М. Володиной: «В ходе осуществления предварительного расследования следователь, дознаватель используют инструментарий, который дает им право на применение властных полномочий, не всегда или вовсе не отвечающих интересам стороны защиты» [5]. Понятно, что у «равноправной» с обвинителем стороны защиты такого инструментария в отношении властвующего субъекта нет и быть не может.

По признанию большинства авторов, речь в досудебном производстве может идти только об «элементах состязательности» [6, с. 145; 7, с. 114], которые традиционно связывают с наличием **сторон обвинения и защиты** в предварительном расследовании и с **судебным контролем**. Перспективы же расширения реализации принципа состязательности столь же традиционно связывают с введением в российское досудебное производство новой процессуальной фигуры – **следственного судьи** [7, с. 115].

Начнем с последнего из перечисленного. Идея **следственного судьи** с самого начала современной российской судебной реформы, то есть с начала 1990-х годов, многим казалась некой панацеей, способной обеспечить состязательность в досудебном производстве. Как видим, подобное представление сохраняется и сейчас. Единственное, в отношении чего у авторов нет разногласий, – это то, что введение в российский уголовный процесс нового участника – представителя судебной власти со столь же принципиально новым процедурным обеспечением его деятельности – это проект, требующий тщательной научной проработки, кадрового обеспечения и немалых финансовых вложений на разных этапах его подготовки и реализации. Что касается конкретных авторских предложений по законодательному и организационному воплощению этой идеи, то здесь обнаруживается такое разнообразие авторских суждений, что останавливаться на нем специально в объеме одной статьи не считаем возможным. Покажем лишь, насколько легко идея следственного судьи, кажущаяся универсальным средством решения многих проблем российского досудебного производства по уголовным делам, доводится до крайности, если не сказать – до абсурда.

К. А. Наумов в кандидатской диссертации «Сущность и построение досудебного производства в уголовном процессе России», то есть, судя по названию, претендующей на некий концептуальный уровень обобщения, в числе положений, выносимых на защиту, называет следующее: «Предварительное следствие должно осуществляться следователями, входящими в систему федеральных судов России. Руководитель органа предварительного следствия на уровне Российской Федерации должен занимать должность заместителя председателя Верховного Суда и суда субъекта Российской Федерации соот-

ветственно [8, с. 9]». Идея следственного судьи наложилась здесь на глубоко укоренившийся стереотип российского профессионального юридического мышления, связанный со стремлением решать проблемы отечественного правосудия ведомственным распределением чиновников, занятых в разных его сферах. Предложение К. А. Наумова основано на игнорировании главного принципа существования судебной власти – независимости судей. Не только судебной власти в целом как одной из трех ее ветвей, а именно – самих судей, по определению не имеющих над собой никакой вертикали власти и подчинения. Судебные следователи в Российской империи были действительными членами окружных судов и не меняли этого статуса на время производства предварительного следствия, а лишь не имели права рассматривать по существу уголовные дела, по которым они сами его вели. Иерархическое организационное построение следственного ведомства, характерное для сегодняшнего следственного аппарата России, Л. В. Головки метко назвал одним из признаков «полицизации» предварительного следствия [9, с. 265]. К. А. Наумов, по сути, предлагает подвергнуть «полицизации» и судебную власть, хотя сам, похоже, этого и не осознает.

Относительно **судебного контроля** в контексте анализа «элементов состязательности» в досудебном производстве позволим себе утверждать следующее. Наличие судебного контроля, то есть судебного порядка разрешения отдельных правовых вопросов, затрагивающих правовые интересы носителей разных процессуальных функций, – это вовсе не внедрение состязательных начал в само досудебное производство. Это – самостоятельные судебные разбирательства, совпадающие во времени с досудебным производством по уголовному делу в связи с тем, что предметом рассмотрения в суде становится социальный конфликт, возникший в связи с применением власти ее носителями в отношении лиц, властью не наделенных. Таким образом, состязательность имеет место вовсе не в самом досудебном производстве по уголовному делу, а в специальных судебных процедурах, созданных законодателем для разрешения подобных социальных конфликтов. Аналоги таких судебных процедур можно найти и в отношении других видов государственной деятельности, в которых предусмотрено обращение в суд самих государственных органов в защиту публичного интереса и обжалование в суд действий государственных органов гражданами и их объединениями. Таковы, например, признание судом по искам прокуратуры недействительными сделок с недвижимостью в пользу должностных лиц, их супругов и родственников в соответствии с антикоррупционным законодательством. Таково же обжалование гражданами в суд действий избирательных комиссий в связи с участием в избирательных кампаниях разных уровней. Состязательные судебные процедуры в подобных случаях вовсе не являются частью самой государственной деятельности (по

выявлению фактов коррупции, или по организации выборов, или каких-то других) и не делают состязательной саму эту деятельность. То же и с досудебным производством по уголовным делам. Полагаем, что не случайно в п.п. 51–52 ст. 5 УПК РФ «судебным разбирательством» названо любое судебное заседание суда любой инстанции, в том числе и судебное заседание по рассмотрению ходатайств и жалоб в досудебном производстве. Состязательным является само судебное разбирательство, независимо от предмета рассматриваемого и разрешаемого спора.

Полагаем, что в этой части можно согласиться с мнением Н. В. Азаренка о том, что судебный контроль закреплен в Конституции РФ не для реализации принципа состязательности в досудебном производстве, а для охраны конституционных прав и законных интересов личности и для обжалования действий правоохранительных органов [10, с. 345].

Ни одна из идей, связанных с обеспечением состязательности в российском уголовном процессе, не существует сама по себе, изолированно от ментальных установок ее автора. Не существуют эти идеи и в отрыве от той правовой реальности, которая формируется не в одночасье, не в кабинетах теоретиков и не одними лишь волевыми решениями законодателей, даже если эти идеи будут воплощены в текстах законов.

Так, например, профессор Н. Г. Муратова, много лет успешно работающая адвокатом, в контексте анализа состязательности досудебного производства предлагает: «*Развенчать очередной миф* – об обязанности стороны обвинения опровергнуть доводы защиты – значит найти и предложить процессуальную модель поведения правоприменителя, где такой его стандарт поведения будет обязателен» [11, с. 33]. Что именно здесь названо мифом, если такая обязанность прямо возложена на обвинителя в ч. 2 ст. 14 УПК РФ, которую Н. Г. Муратова почти дословно цитирует, понять довольно непросто. Сторона обвинения в досудебном производстве и является правоприменителем, о модели поведения которого пишет автор. Далее по тексту нет объяснений, что именно необходимо развенчать, но показано, что следователи игнорируют те процессуальные заявления защитников, которые сами защитники считают обоснованными. Так вот для этого, как полагаем, и существуют состязательные процедуры судебного разбирательства по уголовному делу в целом и судебные же процедуры судебного контроля, предполагающие процессуальную активность сторон. А то, что современную практику рассмотрения и разрешения ходатайств стороны защиты есть основания оценивать критически, причем не только в досудебном, но и в судебном производстве [12, с. 14], в обосновании специальном не нуждается. Куда полезнее, на наш взгляд, развенчать миф о действии принципа состязательности в досудебном производстве по уголовным делам. Признание розыскного характера досудебного производства

само по себе диктует необходимость не воспитательных мер в отношении следователей и дознавателей, не идеологических деклараций в тексте закона, а создание и обеспечение надежных процедурных механизмов защиты прав и законных интересов участников процесса. Классический пример такого механизма – обязательность удовлетворения судом ходатайства о допросе в качестве эксперта или специалиста лица, явившегося в суд по инициативе стороны (ч. 4 ст. 271 УПК РФ), сделавшая для следователей и дознавателей практически нецелесообразным и невыгодным отказ стороне защиты в допросе этих лиц в досудебном производстве. Этот совсем не яркий и немногословный законодательный «штрих» дал стороне защиты гораздо больше, нежели прямо предусмотренное в ч. 3 ст. 86 УПК РФ эфемерное право защитника собирать доказательства.

Именно поэтому более продуктивным, нежели отстаивание состязательных начал досудебного производства в уголовном процессе России, видится развитие комплекса процессуальных механизмов, объединенных в науке под общим названием «благоприятствование защите» (*favor defensionis*) именно в контексте непризнания за состязательностью «сквозного характера» для всех стадий процесса [13, с. 107]. Как это ни странно, но именно признание отсутствия состязательности в досудебном производстве любого континентально-европейского, и российского в том числе, уголовного процесса, именно констатация неизбежного фактического неравенства носителей властных полномочий и тех участников процесса, у которых таковых нет, позволяет обеспечивать права стороны защиты максимально эффективно. Во-первых, признавая это неравенство и прямое несовпадение процессуальных интересов, законодатель, защищая конституционные права всех людей, вынужден возлагать на следователя дополнительные обязанности компенсационного свойства – такова, например, обязанность следователя не только разъяснить права, обязанности и ответственность участникам процессуальных действий, но и обеспечить их реализацию (ч. 1 ст. 11 УПК РФ). Это правило, заметим, появилось в УПК РФ в 2001 году впервые. Во-вторых, официальное признание несостязательного, то есть розыскного, или инквизиционного (считаем эти термины синонимами), характера досудебного производства стимулирует законодателя к созданию компенсаторных механизмов в состязательном судебном разбирательстве, позволяющих ликвидировать последствия фактического неравенства до суда. В-третьих, суды в связи с законодательной констатацией обвинительного характера деятельности всех властвующих субъектов в досудебном производстве не будут принимать на веру доказательства, собранные обвинителем, каким бы объективным в своем расследовании он ни был, а будут заново исследовать доказательства, представленные обеими

сторонами, при активном их участии, формируя собственное убеждение по поводу доказанности предмета и оснований публичного уголовного иска. И наконец, в-четвертых, если суд будет занимать именно такую, нейтральную в отношении сторон позицию, то постепенно и в досудебном производстве органы уголовного преследования привыкнут к максимально объективному исследованию обстоятельств дела, к несомненному доказыванию виновности с опровержением всех доводов защиты, причем не только реально выдвинутых ею, но даже и потенциально возможных, которые неожиданно могут быть впоследствии выдвинуты в суде.

Признание розыскного (инквизиционного) характера досудебного производства по уголовным делам, на наш взгляд, позволяет гораздо полнее использовать правозащитный потенциал уголовно-процессуального регулирования, нежели попытки расширения иллюзорных состязательных начал предварительного расследования. Эта проблема нуждается в детальной научной разработке, поскольку поиск ее практического решения сопряжен с выявлением многих теоретических неясностей. Так, С. А. Шейфер, безоговорочно признавая розыскной характер досудебного производства в России [6, с. 132], считает возможным настаивать на необходимости «укрепления его состязательных начал» и посвящает путем такого укрепления специальный раздел монографии о досудебном производстве [6, с. 136–148]. Трудно не видеть в этом противоречия.

Н. В. Азаренок, обосновывая розыскной характер досудебного производства в России, утверждает, что в досудебном производстве романо-германской формы защитник не является стороной правового спора, а выступает лицом, оказывающим квалифицированную юридическую помощь подозреваемому, обвиняемому в его противодействии уголовному преследованию. Этот вывод в диссертации звучит несколько раз, где-то с дополнением «равной со следователем» (стороной), где-то без этого дополнения, но очень настойчиво и однозначно [10, с. 335, 347]. Между тем термин «противодействие» как раз свидетельствует о наличии правового спора между обвиняемым или подозреваемым, с одной стороны, и лицами, осуществляющими уголовное преследование, с другой стороны. Возможно ли, что профессионал, оказывающий квалифицированную юридическую помощь стороне в правовом споре, сам от этого спора настолько абстрагировался, что и во все в нем не участвует? Факт неравноправия того, кто не обладает властью, будь то уголовно преследуемое лицо или адвокат-защитник, в споре с тем, кто обладает властью, вовсе не означает отсутствие этого спора. В докторской диссертации Н. В. Азаренка, как полагаем, обоснование розыскного начала российского досудебного производства сопряжено с подведением теоретической базы под некое идеальное представление о правоохранительной деятельности. В таком идеальном

представлении предварительное расследование всегда осуществляется высокопрофессиональными людьми «в белых одеждах», руководствующимися исключительно публичными интересами, не помышляющими о собственных материальных, карьерных и иных личных устремлениях, названных в теории уголовного права «ложно понятыми интересами службы». Однако реальность, увы, не всегда такова, и эффективные правозащитные механизмы как раз и существуют для того, чтобы вовремя предотвратить негативные последствия, в том числе и непрофессионализма, и избыточного служебного рвения вопреки законности, и злоупотреблений властью самого разного свойства.

Наиболее обоснованной представляется позиция по вопросу о состязательности российского уголовного процесса, сформулированная Л. В. Головкин: «Государство не только не может, но и не должно состязаться со своими гражданами. Оно обязано сделать другое: во-первых, обеспечить подозреваемому и обвиняемому в ходе несостязательного предварительного расследования право на защиту; во-вторых, так организовать судебное разбирательство, разделив функции своих представителей (суда и прокурора) и наделив одного из них функцией стороны обвинения (без процессуальной власти), а другой функцией правосудия (с полной процессуальной властью), чтобы судебное разбирательство было максимально состязательным. Никакой другой состязательности в уголовном процессе не бывает» [14, с. 13].

С этих позиций, как полагаем, и надлежит отвечать на любые вопросы, связанные с характером досудебного и судебного производства. Все досудебное производство по уголовным делам – с момента поступления сообщения о совершенном или готовящемся преступлении до принятия по нему итогового документа предварительного расследования, каким бы он ни был, – это инквизиционная (розыскная) деятельность органов уголовного преследования, нацеленная на формулирование и обоснование публичного уголовного иска, направляемого затем на разрешение суда, либо – при отсутствии оснований для выдвижения публичного уголовного иска перед судом – на отказ от уголовного преследования конкретных лиц или кого бы то ни было по данному факту (ввиду отсутствия события или состава преступления в исследуемом событии) и прекращение по нему дальнейшей уголовно-процессуальной деятельности. В состязательном судебном разбирательстве рассматриваемый публичный уголовный иск проходит «испытание на прочность», и в процедурах судебного разбирательства обвинитель уже не имеет власти – единственным носителем таковой выступает суд, перед которым на равных состязаются стороны обвинения и защиты. Если эта схема взаимоотношений работает правильно, то едва ли найдутся желающие высказать по ее поводу сколько-нибудь значимые претензии – неравноправие до суда компенсируется равенством прав в состязательных судебных процедурах. Оптимальное решение про-

блем распределения розыскных и состязательных начал в российском уголовном процессе в науке предложено: «Отдельным кардинальным вариантом устранения обвинительного законодательного уклона из уголовного процесса является выделение двух отдельных нормативных правовых актов, посвященных расследованию и судебному производству [15, с. 295]».

Сформулируем итоговые выводы:

1. Закрепление в действующем УПК РФ 2001 года принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве не повлекло за собой утраты российским уголовным процессом его принадлежности к континентально-европейскому (смешанному) типу, для которого характерно сочетание инквизиционного (розыскного) досудебного производства и состязательного судебного разбирательства. Факт состязательности судебного разбирательства по уголовным делам во всех судебных инстанциях – достаточное основание для указания в законе состязательности уголовного судопроизводства как его принципа, и нет объективной необходимости в поисках элементов состязательности и в досудебном производстве тоже.

2. Российское предварительное расследование – плод как минимум двухвековой эволюции, в результате которой органы предварительного следствия сформировались как органы, осуществляющие расследование преступлений, уголовное преследование от имени государства и подготовку под надзором прокуратуры государственного обвинения (публичного уголовного иска) для рассмотрения его в суде, а при выявлении в ходе расследования отсутствия оснований для направления уголовного дела в суд – прекращение уголовного преследования. Фигура следственного судьи в настоящее время относится скорее к области благих намерений отдельных авторов, в суждениях которых больше противоречий, чем согласующихся между собою идей.

3. Досудебное производство по уголовным делам – это инквизиционная (розыскная) деятельность по формулированию и обоснованию публичного уголовного иска в условиях взаимодействия нескольких органов уголовного преследования, по закону обязанных предоставлять потенциальному ответчику максимальные возможности для опровержения исковых требований еще до того, как иск попадет в суд для рассмотрения и разрешения в состязательной процедуре с угрозой отказа государству в иске, то есть постановления оправдательного приговора. Стремление к обоснованности публичного уголовного иска обязывает следователя и прокурора быть объективными в исследовании обстоятельств уголовного дела и принятии решений о направлении уголовного дела в суд.

4. Судебный контроль в досудебном производстве по уголовным делам – это вовсе не проявление состязательного начала в самом досудебном производстве и не часть его самого. Судебный контроль – это использование состязательных процедур судебного разбирательства для предотвращения нарушений конституционных и иных

прав лиц, чьи правовые интересы затрагиваются инквизиционной деятельностью органов уголовного преследования, и для защиты нарушенных прав этих лиц. Наличие состязательных процедур судебного контроля в досудебном производстве – это дополнительный аргумент в пользу *несостязательного*, то есть инквизиционного характера самого досудебного производства.

Библиографический список

1. Лазарева В. А. Уголовный процесс ≠ уголовное судопроизводство // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 3. С. 11–17. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-3-11-17>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vvpeob>.
2. Закотянский А. С. Проблемы использования непроцессуальной информации в доказывании по уголовным делам: монография. Москва: Юрлитинформ, 2015. 192 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008036294/?ysclid=lxn0bqi1j6341600745.
3. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учебник для бакалавриата и магистратуры. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт. 2016. 359 с. URL: <https://urait.ru/book/dokazyvanie-v-ugolovnom-processe-388679>.
4. Кругликов А. П., Дикарев И. С., Бирюкова И. А. Принципы уголовного процесса Российской Федерации: учеб. пособие / ВолГУ; под ред. проф. А. П. Кругликова. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. 194 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20079381>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qxkigv>.
5. Володина Л. М. Назначение уголовного судопроизводства и проблемы его реализации: монография. Москва: Юрлитинформ, 2018. 296 с.
6. Шейфер С. А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти: монография. Москва: Норма: Инфра-М, 2013. 192 с. URL: https://infra-m.ru/catalog/pravo_yuridicheskie_nauki/dosudebnoe_proizvodstvo_v_rossii_etapy_razvitiya_sledstvennoy_sudebnoy_i_prokurorskoy_vlasti_1/.
7. Принципы уголовного процесса: монография / под общ. ред. Г. С. Русман, С. М. Даровских. Москва: Проспект, 2022. 336 с. URL: <https://book.ru/book/948460>.
8. Наумов К. А. Сущность и построение досудебного производства в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук (12.00.09). Омск, 2021. 22 с. URL: <https://crimescience.ru/wp-content/uploads/2016/07/Автореф-Сущность-и-построение-досудебного-производства-в-уголовном-процессе-России.pdf>.
9. Головкин Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство: монография. Москва: Издательский Дом «Городец», 2022. 464 с. URL: <https://www.iuaj.net/node/3133?ysclid=lxn20x9zgp565531066>.
10. Азаренок Н. В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы: дис. ... д-ра юрид. наук (12.00.09). Екатеринбург, 2021. 547 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50482775>. EDN: <https://www.elibrary.ru/dqszae>.
11. Теория уголовного процесса: состязательность: монография / под ред. д-ра юрид. наук Н. А. Колоколова. Ч. 1. Москва: Юрлитинформ, 2013. 368 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23155903>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tmssyn>.
12. Григорьев В. Н., Зайцев О. А., Максимов О. А. Ходатайства и жалобы как «градообразующий» элемент сущности уголовного процесса // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 1 (71). С. 10–16. DOI: <https://doi.org/10.33184/pravgos-2023.1.2>. EDN: <https://www.elibrary.ru/dxkxaa>.
13. Соловьев С. А. Благоприятствование защите (*favor defensionis*): монография / под ред. Л. Н. Масленниковой. Москва: Норма, 2021. 296 с. URL: <https://www.iuaj.net/node/2917>.
14. Головкин Л. В. Идеи М. С. Строговича и современность: переосмысливая принцип состязательности // Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 150-летию со дня рождения М. С. Строговича: материалы конференции 24–25 октября 2019 г. Москва: Юрлитинформ, 2020. С. 5–13. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42217671>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uhgfaw>.
15. Шарипова А. Р. Концептуальные основы межотраслевой конвергенции в судебном производстве по уголовным делам: монография. Москва: Проспект, 2023. 320 с. URL: <https://book.ru/book/954085>.

References

1. Lazareva V. A. *Ugolovnyi protsess ≠ ugovnoe sudoproizvodstvo* [Criminal procedure ≠ criminal justice]. *Juridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2023, vol. 9, no. 3, pp. 11–17. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-3-11-17>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vvpeob> [in Russian].
2. Zakotyanskiy A. S. *Problemy ispol'zovaniya neprotsessual'noi informatsii v dokazyvanii po ugovnym delam: monografiya* [Problems of using non-procedural information in proving in criminal cases: monograph]. Moscow: Yurlitinform, 2015, 192 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008036294/?ysclid=lxn0bqi1j6341600745 [in Russian].
3. Lazareva V. A. *Dokazyvanie v ugovnom protsesse: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury. 5-e izd., pererab. i dop.* [Evidence in criminal proceedings: textbook for undergraduate studies and Master's programme. 5th edition, revised and enlarged]. Moscow: Yurait, 2016, 359 p. Available at: <https://urait.ru/book/dokazyvanie-v-ugolovnom-processe-388679> [in Russian].

4. Kruglikov A.P., Dikarev I. S., Biryukova I. A. *Printsipy ugovnogo protsessa Rossiiskoi Federatsii: ucheb. posobie. VolGU; pod red. prof. A. P. Kruglikova* [Principles of the criminal process of the Russian Federation: textbook; Kruglikov A. P. (Ed.)]. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2007, 194 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20079381>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qxkigv> [in Russian].
5. Volodina L. M. *Naznachenie ugovnogo sudoproizvodstva i problemy ego realizatsii: monografiya* [Purpose of criminal proceedings and problems of its implementation: monograph]. Moscow: Yurlitinform, 2018, 296 p. [in Russian].
6. Sheifer S. A. *Dosudebnoe proizvodstvo v Rossii: etapy razvitiya sledstvennoi, sudebnoi i prokurorskoj vlasti: monografiya* [Pre-trial proceedings in Russia: stages of development of investigative, judicial and prosecutorial powers: monograph]. Moscow: Norma: Infra-M, 2013, 192 p. Available at: https://infra-m.ru/catalog/pravo_yuridicheskie_nauki/dosudebnoe_proizvodstvo_v_rossii_etapy_razvitiya_sledstvennoy_sudebnoy_i_prokurorskoy_vlasti_1 [in Russian].
7. *Printsipy ugovnogo protsessa: monografiya. Pod obshch. red. G. S. Rusman, S. M. Darovskikh* [Rusman G. S., Darovskikh S. M. (Eds.) Principles of criminal procedure: monograph]. Moscow: Prospekt, 2022, 336 p. [in Russian].
8. Naumov K. A. *Sushchnost' i postroyeniye dosudebnogo proizvodstva v ugovnom protsesse Rossii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk (12.00.09)* [Essence and structure of pre-trial proceedings in the criminal process of Russia: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis (12.00.09)]. Omsk, 2021, 22 p. Available at: <https://crimescience.ru/wp-content/uploads/2016/07/Автореф-Сущность-и-построение-досудебного-производства-в-уголовном-процессе-России.pdf> [in Russian].
9. Golovko L. V. *Gosudarstvo i ego ugovnoe sudoproizvodstvo: monografiya* [The state and its criminal proceedings: monograph]. Moscow: Izdatel'skii Dom «Gorodets», 2022, 464 p. Available at: <https://www.iuaj.net/node/3133?ysclid=lxn20x9zgp565531066> [in Russian].
10. Azarenok N. V. *Kontseptsiya sovershenstvovaniya rossiiskogo ugovnogo protsessa v ramkakh ego istoricheskoi formy: dis. ... d-ra yurid. nauk (12.00.09)* [Concept of improving the Russian criminal process within the framework of its historical form: Doctoral of Laws thesis (12.00.09)]. Yekaterinburg, 2021, 547 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50482775>. EDN: <https://www.elibrary.ru/dqsaze> [in Russian].
11. *Teoriya ugovnogo protsessa: sostyazatel'nost': monografiya. Pod red. dokt. yurid. nauk N. A. Kolokolova. Ch. 1* [Kolokolov N. A. (Ed.) Theory of criminal process: adversarialism: monograph. Part 1]. Moscow: Yurlitinform, 2013, 368 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23155903>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tmssyn> [in Russian].
12. Grigoryev V. N., Zaitsev O. A., Maksimov O. A. *Khodataistva i zhaloby kak «gradoobrazuyushchii» element sushchnosti ugovnogo protsessa* [Petitions and complaints as a fundamental element of the essence of criminal procedure]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* [The Rule-of-Law State: Theory and Practice], 2023, no. 1 (71), pp. 10–16. DOI: <https://doi.org/10.33184/pravgos-2023.1.2>. EDN: <https://www.elibrary.ru/dxkxaa> [in Russian].
13. Solovyev S. A. *Blagopriyatstvovanie zashchite (favor defensionis): monografiya. S. A. Solov'ev; pod red. L. N. Maslennikovoi* [Favor for defense (favor defensionis): monograph; Maslennikova L. N. (Ed.)]. Moscow: Norma, 2021, 296 p. Available at: <https://www.iuaj.net/node/2917> [in Russian].
14. Golovko L.V. *Idei M. S. Strogovicha i sovremennost': pereosmyslivaya printsip sostyazatel'nosti* [The ideas of M.S. Strogovich and modernity: rethinking the adversarial principle]. In: *Priroda rossiiskogo ugovnogo protsessa i printsip sostyazatel'nosti: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya M. S. Strogovicha: materialy konferentsii 24–25 oktyabrya 2019 g.* [Nature of the Russian criminal process and the adversarial principle: on the 150th anniversary of the birth of M. S. Strogovich: conference materials dated October 24–25, 2019]. Moscow: Yurlitinform, 2020, pp. 5–13. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42217671>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uhgfaw> [in Russian].
15. Sharipova A. R. *Kontseptual'nye osnovy mezhotraslevoi konvergentsii v sudebnom proizvodstve po ugovnym delam: monografiya* [Conceptual foundations of intersectoral convergence in judicial proceedings in criminal cases: monograph]. Moscow: Prospekt, 2023, 320 p. Available at: <https://book.ru/book/954085> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-2-72-78

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.13

Дата поступления: 17.11.2023
рецензирования: 20.01.2024
принятия: 27.05.2024**Перспективы развития российской уголовно-процессуальной формы****Д. О. Чистилина**Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация
E-mail: darya-chistilina@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию различных подходов к определению понятия уголовно-процессуальной формы, а также различным факторам, влияющим на ее развитие. На теоретическом уровне существует несколько вариантов определения данного понятия, отличающихся превалированием теоретического либо практического подхода. В первом случае уголовно-процессуальная форма представляется как основная гарантия прав граждан, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность. Второй же подход ориентирует на исключительно процедурные аспекты, рассматривая уголовно-процессуальную форму как порядок производства процессуальных действий, принятия и оформления промежуточных и итоговых решений по уголовному делу. Также стоит отметить дифференцированный подход к развитию уголовно-процессуальной формы. Современное состояние российского уголовного процесса не позволяет четко определить вектор ее дальнейшего развития, так как отсутствует единый подход законодателя в данном вопросе. Таким образом, целью исследования стали анализ и оценка перспектив развития российской уголовно-процессуальной формы с учетом различных факторов, влияющих на ее эффективность. Методами исследования в представленной статье являются диалектический метод научного познания, сравнительно-правовой метод, формально-логический метод, структурно-функциональный метод, метод юридуко-технического исследования и др. Выводы и результаты настоящей научной статьи определяются достижением ее целей.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная форма; правосудие; цифровизация; досудебное производство; судебное разбирательство; упрощенные и усложненные процедуры; обвинение; права участников уголовного процесса; дифференциация уголовно-процессуальной формы.

Цитирование. Чистилина Д. О. Перспективы развития российской уголовно-процессуальной формы // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 2. С. 72–78. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-2-72-78>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Чистилина Д. О., 2024

Дарья Олеговна Чистилина – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юго-Западный государственный университет, 305040, Российская Федерация, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94.

Scientific articleSubmitted: 17.11.2023
Revised: 20.01.2024
Accepted: 27.05.2024**Prospects for the development of Russian criminal procedure form****D. O. Chistilina**Southwest State University, Kursk, Russian Federation
E-mail: darya-chistilina@yandex.ru

Annotation: The article is devoted to the study of various approaches to defining the definition of the criminal procedure form, as well as various factors influencing its development. At the theoretical level, there are several options for defining this concept, which differ in the prevalence of a theoretical or practical approach. In the first case, the criminal procedure form is presented as the main guarantee of the rights of citizens involved in criminal procedural activities. The second approach focuses exclusively on procedural aspects, considering the criminal procedural form as the procedure for the production of procedural actions, the adoption and execution of interim and final decisions in a criminal case. It is also worth noting a differentiated approach to the development of the criminal procedure form. The current state of Russian criminal procedure does not allow us to clearly define the vector of its further development, since there is no unified approach of the legislator in this matter. Thus, the purpose of the study is to analyze and evaluate the prospects for the development of Russian criminal procedure form, taking into account various factors affecting its effectiveness. The research methods in the presented article are the dialectical method of scientific cognition, the comparative legal method, the formal logical method, the structural and functional method, the method of legal and technical research, etc. The conclusions and results of this scientific article are determined by the achievement of its goals.

Key words: criminal procedure form; justice; digitalization; pre-trial proceedings; judicial proceedings; simplified and complicated procedures; prosecution; rights of participants in criminal proceedings; differentiation of the criminal procedure form.

Citation. Chistilina D. O. *Perspektivy razvitiya rossiiskoi ugovolno-protsessual'noi formy* [Prospects for the development of Russian criminal procedure form]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 2, pp. 72–78. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-2-72-78> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Chsitilina D. O., 2024

Dariya O. Chistilina – Candidate of Legal Sciences, associate professor of the Department of Criminal Process and Criminalistics, Southwest State University, 94, 50 Let Oktyabrya Street, Kursk, 305040, Russian Federation.

Уголовно-процессуальная форма является сложным многоаспектным понятием в уголовно-процессуальной науке. Существуют несколько различных подходов к определению ее сущности и содержания. Научные дискуссии по этому вопросу разворачиваются в плоскости определения основных признаков данного понятия, что заставляет обратить внимание как на теоретические, так и практические подходы.

В учебной литературе уголовно-процессуальная форма определяется как процедура, установленный порядок. Так, в учебнике «Уголовный процесс» под редакцией П. А. Лупинской указано, что «уголовно-процессуальная форма устанавливает процедуру (порядок) производства по уголовным делам: последовательность стадий и условий перехода дела из одной стадии в другую, условия, характеризующие производство в конкретной стадии, основания, условия и порядок производства следственных и судебных действий, содержание и форму решений по отдельным правовым вопросам или по существу дела» [1, с. 20].

Из данной дефиниции можно выделить основные черты уголовно-процессуальной формы. Во-первых, уголовно-процессуальная форма включает требования процедурного характера, соблюдение которых обеспечивает гарантии прав участников уголовного процесса. Во-вторых, обращается особое внимание на необходимость корректного оформления процессуальных действий и решений. Фактически подразумевается, что при производстве процессуальных действий необходимо соблюдать не только алгоритм их осуществления, но и правила их оформления. Отступление от установленного порядка хотя бы в одном аспекте приводит в целом к незаконности проведенных действий.

Более того, сама уголовно-процессуальная форма является одной из уголовно-процессуальных гарантий соблюдения прав граждан, вовлеченных в уголовный процесс. Имеющиеся процедурные особенности позволяют обеспечивать условия реализации правового статуса участников уголовного судопроизводства. Однако излишний формализм процесса чреват негативными последствиями для достижения объективной истины в ходе доказывания.

Тем не менее формальный подход к осуществлению уголовно-процессуальной деятельности имеет как свои преимущества, так и недостатки. С одной стороны, следование строгим правилам помогает реализовать назначение уголовного процесса, заключающееся в защите прав граждан, вовлеченных в уголовно-процессуальную

деятельность. Фактически сама форма содержит процедурные гарантии предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством прав различных его субъектов, что в целом обеспечивает стабильный правовой порядок производства по уголовному делу и реализацию такого принципа, как законность. С другой стороны, это значительно усложняет процесс расследования и рассмотрения уголовного дела в суде, заставляя властных субъектов следовать четкому алгоритму действий и процессуально осуществлять оформление своих действий и решений, тем самым ставя их в определенные рамки, которые предписывают им исполнять свои полномочия и обязанности определенным образом [2, с. 249–250].

Основная опасность заключается в том, что правоприменитель может утратить связь с содержанием своей деятельности, большее внимание уделяя ее форме, а также отодвигает на второй план идею достижения объективной истины. Так, может возникнуть ситуация, при которой органы расследования и суд не смогут принимать во внимание определенную информацию, хотя и соотносящуюся с действительностью, однако порядок ее получения не соответствует установленному уголовно-процессуальному порядку. Причем нарушение правовых норм может носить незначительный характер (например, опiski в ходе оформления процессуальных актов).

Безусловно, в теории уголовного процесса существуют различные концепции допустимости доказательств. Одна из них категорично запрещает использование доказательств, полученных с любым отступлением от правовых предписаний (теория «плодов отравленного дерева»). Другая же предполагает деление возможных нарушений закона на существенные и несущественные (концепция асимметрии правил о допустимости доказательств). Разработчики и последователи обеих концепций приводят убедительные аргументы в пользу своих позиций. Однако вторая концепция нам видится сложно применимой на практике, так как фактически придется разработать целую систему признаков, которая будет отличать одни виды нарушений от других, что на практике может привести к слишком вольному толкованию предписаний закона.

В вопросе засилья формализма уголовного процесса все же стоит отметить особую роль уголовно-процессуальных гарантий прав его участников. В данном случае необходимо соблюсти баланс формальной и содержательной составляющих уголовно-процессуальной деятельности.

Помимо этого, некоторые исследователи придерживаются той позиции, что содержанием уголовно-процессуальных правоотношений являются действия, а формой, определяющей масштабы этих действий, – права (правомочия) и обязанности, то есть форма, по сути, является пределом [3, с. 91–95].

Интересна также позиция С. Б. Россинского, который считает, что «уголовно-процессуальная форма выражается в конкретных уголовных делах, в единичных действиях и решениях органов предварительного расследования, прокурора, суда, в разовых поведенческих приемах других участников судопроизводства, являющихся содержанием объективно существующих правоотношений» [4, с. 68–69]. Здесь стоит отметить исключительно практический подход к определению уголовно-процессуальной формы.

Не стоит забывать и о том, что уголовный процесс имеет не только ту цель, которая закреплена в ст. 6 УПК РФ, но и дополнительные цели, основным вектором которых является разрешение социального конфликта. Данная цель прослеживается на макроуровне всей системы. В социальном плане основным устремлением правоприменителя должно быть восстановление справедливости и установление до совершения преступления правопорядка. В связи с этим уголовно-процессуальная форма должна быть направлена на достижение данной цели, что исключает слишком формальное отношение к процессу раскрытия и расследования преступлений.

Также сложным вопросом российской уголовно-процессуальной науки является дифференциация уголовно-процессуальной формы, которая осуществляется по двум направлениям: усложнению и упрощению. Каждое направление имеет особенности своего развития и специфические уголовно-процессуальные институты.

Усложнение предполагает увеличение сроков производства по делу, необходимость решения дополнительных задач, выполнение требований и появление новых этапов, предоставляющих дополнительные гарантии обеспечения законности в особых правовых ситуациях. Таких процедур в российском уголовном процессе несколько: производство в суде с участием присяжных заседателей, производство по делам о преступлениях несовершеннолетних, производство в отношении отдельных категорий лиц и т. д.

Безусловно, время, затрачиваемое на производство по делу, значительно увеличивается, но в данном случае нельзя говорить о нарушении принципа разумного срока уголовного судопроизводства. Уголовные дела, разрешаемые в таких порядках, отличаются особой сложностью и нуждаются в индивидуальном подходе к расследованию и рассмотрению, что в целом укладывается в условия соблюдения разумных сроков уголовного процесса.

Громоздкость процесса в данном случае выступает положительным аспектом ввиду того, что по-

являются дополнительные гарантии обеспечения прав лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность, учитывающие индивидуальные особенности как самого дела, так и характеристику личности обвиняемого, подозреваемого.

Прослеживаются совсем иной путь и логика функционирования сокращенных уголовно-процессуальных процедур. Упрощение уголовного судопроизводства происходит за счет сокращения или устранения некоторых этапов в ходе досудебного и судебного производства с сохранением всех гарантий прав граждан, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством. К сокращенным формам относятся дознание в сокращенной форме, порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, назначение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа и др. [5, с. 100–102]. Существование подобных уголовно-процессуальных институтов обусловлено стремлением законодателя упростить ряд процедур для обеспечения более эффективного разрешения правовых конфликтов. Однако камнем преткновения всегда в данной ситуации будет являться соблюдение баланса между процессуальной экономией и обеспечением прав граждан, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность.

Причем стоит отметить, что дифференциация уголовно-процессуальной формы – это вполне обоснованное явление, обусловленное развитием общественных отношений, научно-техническим прогрессом, сменой нравственных ценностей. Все это в совокупности приводит к большей автономии воли участников уголовного процесса в выборе способов разрешения уголовно-правового конфликта и отстаивании своих процессуальных интересов [6, с. 32–33].

При этом процессуальная экономия в данном процессе не должна становиться приоритетной задачей. Прежде всего необходимо обеспечить возможность реализации прав граждан, вовлеченных в уголовный процесс, в том числе права на быстрое и эффективное раскрытие и расследование преступлений.

Отметим, что до сих пор в российском уголовном процессе четко не определен вектор развития уголовно-процессуальной формы. Законодатель предусмотрел примерно равное количество как упрощенных, так и усложненных правовых институтов. В настоящее время они подвергаются реформированию, и этот процесс еще не окончен. Такая многовариантность перегружает уголовно-процессуальную форму зачастую лишними процедурами. На наш взгляд, для упрощенных процедур важно указать, что судье необходимо проверять доказательство виновности подсудимого в совершении преступления, а не просто принимать их как достоверные на основании согласительных процедур. Лишь тогда процесс можно считать объективным. Усложненные же процедуры должны дополняться действительно необходимыми элементами для дополнительных гарантий прав граждан.

Причем стоит отметить, что в зарубежном законодательстве также успешно функционируют как усложненные, так и упрощенные уголовно-процессуальные институты. Однако стремление к сокращению процедуры там превалирует. Так, в США почти 90 % дел рассматриваются в сокращенной форме в виде сделки о признании вины [7, с. 189–190]. Они постепенно вытесняют суд присяжных, который является дорогостоящей и громоздкой процедурой, хотя и более демократичной [8, с. 253–255].

Примечательной особенностью уголовно-процессуальной формы стран англо-американской правовой системы является функционирование судов присяжных, которые решают широкий круг вопросов. Так, в некоторых штатах США присяжные заседатели принимают участие в решении вопроса о назначении наказания, а также принимают решение относительно придания суду обвиняемого. Наряду с этой усложненной формой судопроизводства успешно функционирует упрощенная форма в виде сделки о признании вины, которая позволяет существенно сократить время, затрачиваемое на производство по делу [9, с. 225–230].

В странах романо-германской правовой системы также существуют упрощенные и усложненные уголовно-процессуальные процедуры. В основном там функционируют суды шэффенов, которые представляют собой усложненную форму судопроизводства и способ участия граждан в отправлении правосудия. Однако права народных представителей по самостоятельному принятию решения в рамках данной формы судопроизводства значительно ограничены, так как совещание проходит совместно с профессиональными судьями [10, с. 67–69].

Упрощенная форма производства во Франции представлена производством в полицейских трибуналах по отдельным категориям дел путем принятия заочного решения на основании полицейских протоколов. Там есть такое производство, как «штраф по соглашению», которое упрощается за счет возможности непосредственной уплаты штрафа полицейскому агенту по делам об уголовных проступках.

Стоит отметить, что французским законодателем поощряется идея ускорения и упрощения уголовного судопроизводства в целях минимизации процессуальных затрат. В уголовно-процессуальном законе по очевидным криминальным деяниям небольшой тяжести и уголовным проступкам предусмотрено производство в упрощенном порядке, в ходе которого суд фактически принимает решение на основании поступивших материалов (их собирает судебная полиция в ходе дознания по поручению прокурора) без рассмотрения дела по существу. Это значительно сокращает срок расследования – до восьми суток [11, с. 75–77].

В Германии существует «приказ о наказании». В рамках данного производства судья принимает заочное решение на основании проекта приказа

о наказании, составленного прокурором. Кроме того, германское уголовно-процессуальное законодательство допускает возможность заключить сделку с судом на стадии судебного разбирательства, когда участники процесса (в том числе и суд) убеждены, что все идет к обвинительному приговору [12, с. 99–100].

УПК Чешской Республики допускает применение сокращенного предварительного производства по подсудным районному суду уголовным делам о преступлениях, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 3 лет. Аналогичный порядок возможен по белорусскому уголовно-процессуальному законодательству в рамках расследования преступлений, за которые может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет.

Страны, принадлежащие к иным правовым системам, сочетают в себе элементы осуществления правосудия основных правовых семей, поэтому там также успешно функционируют суды шэффенов, суды присяжных, упрощенные процедуры (в случае признания обвиняемым своей вины) и др. [13, с. 40–43]

Таким образом, в зарубежных странах тоже существует дифференцированный подход к построению уголовного процесса, на который влияют не только правовые, но и социально-экономические особенности данных стран.

Безусловно, усложненные процедуры являются наиболее затратными в плане финансов и времени, однако полный отказ от них, на наш взгляд, недопустим, так как заключенные в них уголовно-процессуальные гарантии довольно сложно будет обеспечить в рамках упрощенных институтов уголовного процесса.

Еще одним аспектом в контексте последующего совершенствования уголовно-процессуальной формы является постепенная цифровая трансформация уголовного процесса. Причем если появление вспомогательных информационных технологий не вызывает вопросов, то более кардинальные предложения реформирования в виде использования систем искусственного интеллекта для принятия решений пока негативно оцениваются обществом [14, с. 35–37].

Более совершенные цифровые технологии могут значительно ускорить процесс коммуникации между различными органами, позволят качественно улучшить процесс ознакомления различных участников с материалами уголовного дела. Однако при полном переходе на цифровое общение обеспечение доступа к правосудию может пострадать, так как не все граждане имеют достаточно технических навыков и возможностей самостоятельно разбираться в данных нововведениях. Важным аспектом является еще и то, что цифровые технологии не должны подавлять нравственный элемент в уголовно-процессуальных отношениях. Реализацию уголовно-процессуальных полномочий судьей, прокурором, следователем, дознавателем нельзя сводить к информационным

и иным «технологичным процессам» [15, с. 30–35], например, когда вместо разъяснения прав потерпевшему их просто зачитывают, что еще больше бюрократизирует уголовный процесс.

Недопустимо и дублирование процессуальных действий и решений в привычном и цифровом формате, что приведет к путанице и увеличению технической нагрузки на правоприменителей [16, с. 60–63]. Любая новая процедура должна быть обоснована целесообразностью ее применения. Слепое следование информационным новшествам будет лишь мешать содержательной стороне уголовно-процессуальной деятельности.

Немаловажным аспектом является то, что трансформация процессуальной формы не должна чрезмерно увеличивать издержки государства на уголовное судопроизводство [17, с. 50–52], однако процессуальная экономия не может стать самоцелью. Речь в данном случае идет лишь о разумном подходе к расходованию средств бюджета страны и соотношению затрат с финансовыми возможностями государства. Необходимо исключать дубли-

рование полномочий и процессуальных действий на различных стадиях уголовного процесса, избегать лишних процедур, которые никоим образом не повышают качества расследования и обеспечения прав граждан.

Рассуждая относительно достоинств и недостатков современной российской уголовно-процессуальной формы, хотелось бы привести цитату И. Б. Михайловской: «Уголовное право – это меч, разящий правонарушителей, а уголовный процесс – щит, оберегающий личность от государственной репрессии» [18, с. 3]. Необходимо помнить, что существующий порядок уголовного судопроизводства призван защищать и обеспечивать реализацию прав граждан, охраняя их от беззакония. В связи с этим все уголовно-процессуальные институты должны быть разработаны и усовершенствованы с учетом необходимости реализации назначения уголовного процесса и создания наиболее возможных комфортных условий участия граждан в уголовно-процессуальной деятельности.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма, 2013. 1007 с. URL: <https://znanium.ru/catalog/document?id=66124>.
2. Аширбекова М. Т., Манова Н. С., Устинов Д. С. О природе регулирующего воздействия уголовно-процессуальной формы на процессуальную деятельность // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 4 (153). С. 249–255. DOI: <http://doi.org/10.24412/2227-7315-2023-4-249-255>.
3. Красильников А. В. Содержание и форма уголовного процесса в контексте учения профессора В. П. Божьева об уголовно-процессуальных правоотношениях // Судебная власть и уголовный процесс. 2023. № 1. С. 91–97. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-i-forma-ugolovnogo-protsessa-v-kontekste-ucheniya-professora-v-p-bozhievaob-ugolovno-protsessualnyh-pravootnosheniyah/viewer>.
4. Россинский С. Б. Уголовно-процессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 9. С. 67–79. DOI: <http://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.118.9.067-079>.
5. Рябинина Т. К., Козявин А. А., Снегирева Д. Е. Дифференциация уголовно-процессуальной формы: сущность, история и перспективы развития, проблемы процессуального осмысления // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 5. С. 92–104. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41515954>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ovslkk>.
6. Козявин А. А. Дифференциация уголовно-процессуальной формы и нравственная оценка ее сущности и эффективности // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 4. С. 32–37. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32472931>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ypodxy>.
7. Тухташева У. Перспективы упрощенного судопроизводства в уголовном процессе // Общество и инновации. 2020. № 1. С. 189–199. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-uproschennogo-sudoproizvodstva-v-ugolovnom-protsesse?ysclid=lxu99628qh759818348>.
8. Чистилина Д. О. Усеченные составы коллегии присяжных заседателей: благо или зло? // Российское законодательство: новые проблемы, новые решения: сборник материалов международной научно-практической конференции, Тула, 15 апреля 2015 года / Международный юридический институт, Тульский филиал. Тула: Международный юридический институт, 2016. С. 253–258. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28348301>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xwizor>.
9. Кулмаханова Л. Ш., Култасов А. А. Правовые основы деятельности суда присяжных в зарубежных странах // Наука и современность. 2013. № 23. С. 225–233. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20867641>. EDN: <https://www.elibrary.ru/roquxt>.
10. Прадель Ж. Суд присяжных во Франции и России // Уголовное право. 2011. № 1. С. 67–71. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15634672>. EDN: <https://www.elibrary.ru/nedmdj>.
11. Шпагина Ю. В. Особенности дифференциации уголовно-процессуальных форм в некоторых зарубежных государствах // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3. С. 75–79. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-differentsiatsii-ugolovno-protsessualnyh-form-v-nekotoryh-zarubezhnyh-gosudarstvah/viewer>.

12. Брестер А. А., Быковская А. С. Принципы упрощения уголовного судопроизводства на примере Швейцарии и Германии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 2 (69). С. 99–105. DOI: <http://doi.org/10.12737/art.2018.2.15>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xmlivf>.
13. Пчелинцева В. В. Общая характеристика смешанной правовой системы Республики Индия // Евразийский Союз Ученых. 2020. № 1–6 (70). С. 38–44. DOI: <http://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2020.6.70.566>. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42491522>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ijzlx>.
14. Кобец П. Н. Искусственный интеллект: современные подходы по формированию понятийного аппарата и регулированию правоотношений в рассматриваемой сфере // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 5 (56). С. 30–37. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyu-intellekt-sovremennye-podhody-po-formirovaniyu-ponyatiynogo-apparata-i-regulirovaniyu-pravootnosheniy-v/viewer>.
15. Гаврилин Ю. В., Победкин А. В. Модернизация уголовно-процессуальной формы в условиях информационного общества // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3 (51). С. 27–38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-ugolovno-protsessualnoy-formy-v-usloviyah-informatsionnogo-obschestva/viewer>.
16. Шестакова Л. А. Нейроследователи: утопия или будущее // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 1. С. 60–65. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-1-60-65>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zocisd>.
17. Власова Н. А. О закономерностях развития уголовно-процессуальной формы // Научный портал МВД России. 2020. № 3 (51). С. 47–52. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44613435>. EDN: <https://www.elibrary.ru/hvwwov>.
18. Михайловская И. Б. Права личности – новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 2–4. URL: <https://base.garant.ru/5112926/>.

References

1. *Ugolovno-protsessual'noe pravo Rossiiskoi Federatsii: uchebnik. Otv. red. P. A. Lupinskaya. 2-e izd., pererab. i dop.* [Lupinskaya P. A. (Ed.) Criminal procedure law of the Russian Federation: textbook. 2nd edition, revised and enlarged]. Moscow: Norma, 2013, 1007 p. Available at: [in Russian].
2. Ashirbekova M. T., Manova N. S., Ustinov D. S. *O prirode reguliruyushchego vozdeistviya ugolovno-protsessual'noi formy na protsessual'nyu deyatel'nost'* [On the nature of the regulatory impact of the criminal procedure form on procedural activity]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii* [Saratov State Law Academy Bulletin], 2023, no. 4 (153), pp. 249–255. DOI: <http://doi.org/10.24412/2227-7315-2023-4-249-255> [in Russian].
3. Krasilnikov A. V. *Soderzhanie i forma ugolovnogo protsessa v kontekste ucheniya professora V. P. Bozh'eva ob ugolovno-protsessual'nykh pravootnosheniyakh* [The content and form of the criminal procedure in the context of professor V. P. Bozhiev's doctrine on criminal procedural legal relationships]. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyi protsess* [Judicial authority and criminal process], 2023, no. 1, pp. 91–97. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-i-forma-ugolovnogo-protsessa-v-kontekste-ucheniya-professora-v-p-bozhievaob-ugolovno-protsessualnyh-pravootnosheniyah/viewer> [in Russian].
4. Rossinskiy S. B. *Ugolovno-protsessual'naya forma: sushchnost', problemy, tendentsii i perspektivy razvitiya* [A Criminal-Procedural Form: Essence, Problems, Trends and Prospects of Development]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2020, vol. 15, no. 9, pp. 67–79. DOI: <http://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.118.9.067-079> [in Russian].
5. Ryabinina T. K., Kozyavin A. A., Snegireva D.E. *Differentsiatsiya ugolovno-protsessual'noi formy: sushchnost', istoriya i perspektivy razvitiya, problemy protsessual'nogo osmysleniya* [Differentiation of the criminal procedure form: essence, history and development prospects, problems of procedural understanding]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* [Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law], 2019, vol. 9, no. 5, pp. 92–104. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41515954>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ovslkk> [in Russian].
6. Kozyavin A. A. *Differentsiatsiya ugolovno-protsessual'noi formy i нравstvennaya otsenka ee sushchnosti i effektivnosti* [Criminal procedural form differentiation and moral assessment of its essence and effectiveness]. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyi protsess* [Judicial authority and criminal process], 2017, no. 4, pp. 32–37. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32472931>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ypodxy> [in Russian].
7. Tukhtasheva U. *Perspektivy uproshchennogo sudoproizvodstva v ugolovnom protsesse* [Prospects for simplified legal proceedings in criminal process]. *Obshchestvo i innovatsii* [Society and innovations], 2020, no. 1, pp. 189–199. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-uproschennogo-sudoproizvodstva-v-ugolovnom-protsesse?ysclid=lxu99628qh759818348> [in Russian].
8. Chistilina D. O. *Usechennye sostavy kollegii prisyazhnykh zasedatelei: blago ili zlo?* [Degraded jury: good or evil?]. In: *Rossiiskoe zakonodatel'stvo: novye problemy, novye resheniya: sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Tula, 15 aprelya 2015 goda* [Russian legislation: new problems, new solutions: collection of materials from the international research and practical conference, Tula, April 15, 2015]. Tula: Mezhdunarodnyi yuridicheskii institut, 2016, pp. 253–258. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28348301>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xwizor> [in Russian].
9. Kulmakhanova L. Sh., Kultasov A. A. *Pravovye osnovy deyatel'nosti suda prisyazhnykh v zarubezhnykh stranakh* [Legal principles of the activities of jury trials in foreign countries]. *Nauka i sovremennost'* [Science and Modernity], 2013, no. 23, pp. 225–233. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20867641>. EDN: <https://www.elibrary.ru/roqxt> [in Russian].

10. Pradel J. *Sud prisyazhnykh vo Frantsii i Rossii* [Jury trial in France and Russia]. *Ugolovnoe parvo*, 2011, no. 1, pp. 67–71. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15634672>. EDN: <https://www.elibrary.ru/nedmdj> [in Russian].
11. Shpagina Yu. V. *Osobennosti differentsiatsii ugolovno-protsessual'nykh form v nekotorykh zarubezhnykh gosudarstvakh* [Features of differentiation of criminal procedural forms in some foreign countries]. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation], 2023, no. 3, pp. 75–79. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-differentsiatsii-ugolovno-protsessualnyh-form-v-nekotoryh-zarubezhnyh-gosudarstvakh/viewer> [in Russian].
12. Brester A. A., Bykovskaja A. S. *Printsipy uproshcheniya ugolovno sudoproizvodstva na primere Shveitsarii i Germanii* [Principles of simplification of criminal proceedings on the example of Switzerland and Germany]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law], 2018, no. 2 (69), pp. 99–105. DOI: <http://doi.org/10.12737/art.2018.2.15>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xmlivf> [in Russian].
13. Pchelinceva V. V. *Obshchaya kharakteristika smeshannoi pravovoi sistemy Respubliki Indiya* [General characteristics of the mixed legal system of the Republic of India]. *Evrasiiskii soyuz uchennykh* [Eurasian Union of Scientists], 2020, no. 1–6 (70), pp. 38–44. DOI: <http://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2020.6.70.566>. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42491522>. EDN: <https://www.elibrary.ru/iqjzlx> [in Russian].
14. Kobets P. N. *Iskusstvennyi intellekt: sovremennye podkhody po formirovaniyu ponyatiynogo apparata i regulirovaniyu pravootnoshenii v rassmatrivaemoi sfere* [Artificial intelligence: modern approaches to forming a conceptual apparatus and regulating legal relations in the field in consideration]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta* [Bulletin of the Samara Law Institute], 2023, no. 5 (56), pp. 30–37. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyi-intellekt-sovremennye-podhody-po-formirovaniyu-ponyatiynogo-apparata-i-regulirovaniyu-pravootnosheniy-v/viewer> [in Russian].
15. Gavrilin Yu. V., Pobedkin A. V. *Modernizatsiya ugolovno-protsessual'noi formy v usloviyakh informatsionnogo obshchestva* [Modernization of criminal procedure in the information society]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii* [Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia], 2019, no. 3 (51), pp. 27–38. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-ugolovno-protsessualnoy-formy-v-usloviyah-informatsionnogo-obshchestva/viewer> [in Russian].
16. Shestakova L. A. *Neirosledovateli: utopiya ili budushchee* [Neural investigators: utopia or future]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2023, vol. 9, no. 1, pp. 60–65. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-1-60-65>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zocisd> [in Russian].
17. Vlasova N. A. *O zakonomernostyakh razvitiya ugolovno-protsessual'noi formy* [Concerning the development mechanisms of the criminal procedural form]. *Nauchnyi portal MVD Rossii* [Scientific portal of the Russia Ministry of the Interior], 2020, no. 3 (51), pp. 47–52. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44613435>. EDN: <https://www.elibrary.ru/hvwwov> [in Russian].
18. Mikhailovskaya I. B. *Prava lichnosti – novyi prioritet Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii* [Personal rights – a new priority of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justice], 2002, no. 7, pp. 2–4. Available at: <https://base.garant.ru/5112926> [in Russian].

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-2-79-83

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 341.1

Дата поступления: 02.02.2024
рецензирования: 23.03.2024
принятия: 27.05.2024

Закон о международных отношениях КНР: что тревожит Запад?

Ю. В. Самович

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия,
г. Казань, Российская Федерация;
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: juliasamovich@gmail.com

Аннотация: Право государства на защиту своего суверенитета всегда представлялось незыблемым. В настоящее время – эпоху двойных стандартов и нового толкования основных принципов, отдельные государства убеждают сообщество в ошибочности подобного подхода и важности выполнения их руководящих указаний. Принятие Китайской Народной Республикой Закона о международных отношениях защищает Китай с позиции внутреннего права от вмешательства в вопросы его суверенитета, причем оговаривает при этом, что международные обязательства по-прежнему имеют силу и авторитет. Положения закона окончательно подрывают попытки представить чьи-либо односторонние ограничительные меры как правомерные действия и предоставляют право на ответные контрмеры.

Ключевые слова: Китай; закон о международных отношениях; международное право; принципы международного права; суверенитет.

Цитирование. Самович Ю. В. Закон о международных отношениях КНР: что тревожит Запад? // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 2. С. 79–83. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-2-79-83>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Самович Ю. В., 2024

Юлия Владимировна Самович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, 420088, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, 2-я Азинская ул., 7А; доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права и международного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 02.02.2024
Revised: 23.03.2024
Accepted: 27.05.2024

The Law on International Relations of the People's Republic of China: what worries the West?

Yu. V. Samovich

Kazan branch of the Russian State University of Justice, Kazan, Russian Federation;
Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: juliasamovich@gmail.com

Abstract: The right of a state to defend its sovereignty has always seemed to be something unshakable. At present, in the era of double standards and a new interpretation of the basic principles, some States convince the community of the fallacy of such an approach and the importance of following their guidelines. The adoption of the Law of the People's Republic of China on International Relations with China from the position of internal rights from the people in matters of their sovereignty, the reason is stipulated at the same time, which obliges them to continue to have power and authority.

The provisions of the law finally undermine the attempt to introduce any unilateral restrictive measures, such as lawful action and the provision of the right to retaliatory countermeasures.

Key words: China; law on international relations; international law; principles of international law; sovereignty.

Citation. Samovich Yu. V. *Zakon o mezhdunarodnykh otnosheniyakh KNR: chto trevozhit Zapad?* [The Law on International Relations of the People's Republic of China: what worries the West?]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 2, pp. 79–83. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-2-79-83> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Samovich Yu. V., 2024

Yulia V. Samovich – Doctor of Laws, professor, professor of the Department of State-Legal Disciplines, Kazan branch of the Russian State University of Justice, 7A, 2nd Azinskaya Street, Kazan, Republic of Tatarstan, 420088, Russian Federation; Doctor of Laws, professor, professor of the Department of Theory and History of State and Law and International Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

28 июня 2023 года Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей (Парламент КНР) принял «Закон о внешних связях КНР» (Закон о международных отношениях).

Закон, опубликованный агентством «Синьхуа», вступил в силу 1 июля. По словам официального представителя МИД КНР Мао Нин, впервые в стране был принят закон, в котором основное внимание уделяется внешней политике, а также принципиальным позициям КНР. Кроме того, документ «демонстрирует решимость и ответственность Китая твердо защищать национальный суверенитет, безопасность и интересы развития, а также международную справедливость» [1].

Стоит сразу сказать, что действия Китая в любой сфере в настоящее время подвергаются пристальному изучению, а потому Закон не остался без внимания. По мнению *Teshu Singh*, высказанному в *Deciphering China's Law on Foreign Relations*: «Историю принятия этого закона можно проследить с 20-го Национального съезда Коммунистической партии Китая (КПК), на котором в докладе содержался призыв к разработке закона. В нем говорилось: «Мы будем совершенствовать законодательство в ключевых, развивающихся областях и областях, связанных с внешней политикой, и продвигать верховенство закона во внутренних и внешних делах скоординированным образом, чтобы принимать эффективные законы, способствующие развитию и обеспечивающие надлежащее управление» [2]. С точки зрения *Nikkei asia*, в тексте отражена «ястребиная» позиция в отношении дипломатии [4]. *Bloomberg News* уже традиционно саркастично заявляет, что «Закон не предлагает никаких новых решений или инструментов для решения этих проблем. В нем просто говорится, что Китай имеет право принимать «контрмеры и ограничительные меры» против действий, которые ставят под угрозу суверенитет, безопасность и интересы развития страны и нарушают международные законы или «основные нормы международных отношений» [5]. По большей части

аналитики сходятся в том, что причина принятия данного акта – это торговые, экономические и технологические войны, которые ведут между собой КНР и США, включая многочисленные санкции с обеих сторон.

Действительно, кампании против китайских телекоммуникационных гигантов Huawei и ZTE, санкции, связанные с Синьцзяном и Гонконгом, и многие недавние судебные иски США, направленные против китайских инвестиций и других интересов, привели к тому, что двусторонние связи упали до исторического минимума. Особенно демонстрационным было задержание исполнительного директора Huawei Мэн Ваньчжоу в 2018 году, которое Пекин назвал прикрытием гегемонии и «империализма» США.

С тех пор Си Цзиньпин неоднократно призывал ускорить создание «правовой системы, применимой за пределами юрисдикции Китая», чтобы противостоять юрисдикционному охвату Америки и «координировать продвижение внутреннего и международного управления» [2].

Закон включает 45 статей, охватывающих шесть глав. Как рамочный документ, он подтверждает давние внешнеполитические позиции Китая и кодифицирует его внешнеполитическую практику, наряду с этим называя и новые приоритеты – Глобальную инициативу в области безопасности, Глобальную инициативу в области развития и Глобальную инициативу в области цивилизации.

В соответствии со ст. 2, он применяется «к развитию дипломатических отношений между КНР и другими странами, развитию связи и сотрудничества с ними во всех областях, таких как экономика и культура, а также к развитию отношений с международными организациями, такими как Организация Объединенных Наций» [6].

Статьи 3 и 4 определяют доктринальные и правовые основы китайского взгляда на международные отношения и подтверждают приверженность целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций, сохранению мира и безопасности во всем мире, содействию совместному глобальному развитию и формированию новой

формы международных отношений. Китай выступает за мирное разрешение международных споров, против применения или угрозы военной силы на международном уровне, против гегемонизма и политики силы; поддерживает равенство всех наций, независимо от их размера, силы и богатства, и уважает путь развития и социальную систему, выбранные народом каждой нации.

В целом текст Закона содержит массу триггеров для США и их союзников, выверенные ссылки на принципы международного права и определяет рамки и цели внешней политики Китая.

Если оценивать Закон именно с позиции ответных мер, то прежде всего речь идет о статьях, которые соотносят нормы принятого Закона с общими принципами международного права и сосредоточены в главе IV «Система международных отношений».

В соответствии со ст. 29 «государство продвигает верховенство закона как во внутренних, так и во внешних делах и укрепляет законодательную работу, связанную с иностранными делами, и систему верховенства права в иностранных делах» [6].

В Законе Китай очень четко ограничил возможности других государств требовать поддержку односторонних ограничительных мер, поскольку ст. 35 оговаривает не просто необходимость принятия мер со стороны государства по выполнению «резолуций о санкциях и соответствующих мерах», но подчеркивает, что они имеют обязательную силу и приняты Советом Безопасности Организации Объединенных Наций в соответствии с главой VII Устава Организации Объединенных Наций.

Стоит отметить, что Китай предельно грамотен в юридической терминологии. Речь о том, что односторонние ограничительные меры не аутентичны санкциям – санкции Совета Безопасности носят (в определенной степени) вертикальный характер и, видимо, принимаются на основе согласованных решений СБ ООН. Односторонние ограничительные меры горизонтальны, применяются одним суверенным субъектом международного права против другого¹.

По отношению к себе Поднебесная также объективна, и ст. 33 звучит следующим образом: «Китайская Народная Республика имеет право принимать в случае необходимости меры для противодействия или ограничительные меры в отношении действий, которые угрожают ее суверенитету, национальной безопасности и интересам развития в нарушение международного права или основных норм, регулирующих международные отношения».

Teshu Singh полагает, что Закон восстанавливает притязания Китая на Тайвань: «Китайская Народная Республика на основе принципа

«одного Китая» устанавливает и развивает дипломатические отношения с другими странами в соответствии с Пятью принципами мирного сосуществования» (ст. 34) [2].

Наибольшую тревожность вызывают у западных аналитиков две статьи – 30 и 31, смысл которых практически тот же, что и ст. 79 Конституции России.

Статья 30 регламентирует, что КНР заключает международные договоры и соглашения или присоединяется к ним в соответствии с Конституцией и другими законами и добросовестно выполняет обязательства, предусмотренные такими договорами и соглашениями. Договоры и соглашения, которые государство заключает или к которым присоединяется, не должны противоречить Конституции.

Статья 31 обязывает государство принимать надлежащие меры для осуществления и применения договоров и соглашений, стороной которых оно является. «Реализация и применение договоров и соглашений не должны наносить ущерб суверенитету государства, национальной безопасности и общественным интересам».

Shi Jiangtao и *Kandy Wong* в своем обзоре мнений, касающихся Закона о международных отношениях, приводят позицию профессора *Линга* из Сиднейского университета, который полагает, что положения, которые подчиняют международные договоры Конституции Китая, вызывают вопросы о соответствии международному праву и международным договорам. Международное право требует, чтобы ни одна страна не использовала свое внутреннее законодательство, включая Конституцию, для оправдания своих нарушений международного права, так что нормы нового Закона проблематичны и вызывают беспокойство [8]. Очевидно, что нарушать положения Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, собственно, никто и не собирался – речь идет о договорах, которые Китай будет заключать. И та же Конвенция говорит нам о свободе заключения международных соглашений.

Традиционен и другой момент – *Кит Хэнд*, эксперт по китайскому праву в юридическом колледже Гастингса Калифорнийского университета, поддерживая *Линга*, в качестве аргумента о неправомерности позиции КНР, ссылается на то, что Китай отклонил решение арбитража по Южно-Китайскому морю от 2016 года [9]. Другое дело, что речь о решении, об обоснованности которого можно спорить бесконечно, но, в рамках этого решения не были выполнены требования Конвенции ООН по-морскому праву 1982 года... Не будем обсуждать в данной статье это решение, но подчеркнем, что приоритет выполнения международных обязательств все же дает сбой в самых разных ситуациях.

По мнению *Moritz Rudolf* [8], именно статья 31, которая касается имплементации и при-

¹ Достаточно подробно этот вопрос рассмотрен нами [7].

менения международных договоров, является наиболее тревожным положением Закона. Она предусматривает, что имплементация или применение международных договоров не должны «наносить ущерб национальному суверенитету или безопасности, или общественным интересам». Он полагает, что из-за расплывчатости формулировок, приведенных в цитатах, эта статья создает высокий уровень правовой неопределенности. Со временем восприятие «вреда» может измениться, и описанные интересы могут быть расширительно истолкованы КНР.

Джордж Магнус, научный сотрудник Китайского центра Оксфордского университета, сказал, что новый закон имеет большое значение, поскольку «это уникальный случай, когда крупная страна, по сути, решает, что международное право не подходит для этой цели и что ее собственное национальное законодательство будет иметь преимущественную силу... В целом, я думаю, мы можем рассматривать этот закон как пример отхода Китая от международного права» [8].

Возможно, мы и поддержали бы столь серьезные аргументы, несмотря на то что подобные положения внутреннего права, учитывая множественную аналогичную существующую практику других государств, скорее должны были

привести к противоположным выводам. Но уже слишком откровенное применение подобной риторики только к «странам для битвы» (это все те же Китай, Россия, КНДР, Иран и т. д.) более не является даже новым и похожим на истину, не говоря уже о правовой стороне вопроса.

Итак, Закон принят. Он защищает Китай с позиции внутреннего права от вмешательства в вопросы его суверенитета, причем оговаривает при этом, что международные обязательства по-прежнему имеют для Поднебесной силу и авторитет. Положения закона не позволяют оценить как правомерные чьи-либо односторонние ограничительные меры и предоставляют право на ответные контрмеры.

И хотя «растущие амбиции КНР действовать глобально и использовать закон как инструмент для изменения международной правовой среды и продвижения своих долгосрочных целей в области развития» [9] почему-то тревожат западных аналитиков, вряд ли есть основания говорить о нарушениях основных принципов международного права. Скорее есть повод убедиться в решимости Китая поддерживать разумный мировой правопорядок и защищать собственный суверенитет, используя и внутренние резервы.

Библиографический список

1. Кулагин В. Китай принял первый масштабный закон о внешней политике // *Vedomosti.ru* 30.06.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/06/30/983045-kitai-prinyal-pervii-zakon-o-vneshnei-politike>.
2. Dr. Teshu Singh. Deciphering China's Law on Foreign Relations // *Indian Council of World Affairs*. August 07, 2023. URL: https://icwa.in/show_content.php?lang=1&level=3&ls_id=9820&lid=6281.
3. Yukio Tajima. China passes foreign relations law with eye on countering sanctions // *Nikkei Asia*. June 30, 2023. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/China-passes-foreign-relations-law-with-eye-on-countering-sanctions2>.
4. China's New Law Extends Xi's Combative Foreign Policy Stance // *Bloomberg News*. 29.06.2023. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-06-28/china-enacts-foreign-relations-law-targeting-western-hegemony>.
5. Foreign Relations Law (2023). BY CHINA LAW TRANSLATE ON 28.06.2023 // Портал законов Китая – CJO. URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/the-law-on-foreign-relations-of-china-20230629>; <https://www.chinalawtranslate.com/en/foreign-relations-law>.
6. Shi Jiangtao, Kandy Wong. China's foreign relations law signals new red lines, but doesn't say what crosses them // *South China Morning Post*. 10.07.2023. URL: <https://www.chinastategy.org/2023/07/09/chinas-foreign-relations-law-signals-new-red-lines-but-doesnt-say-what-crosses-them>.
7. Самович Ю. В., Шарифуллин Р. А. Санкции в международном праве: о понятии и правомерности // *Российская юстиция*. 2023. № 3. С. 60–66.
8. The South China Sea Arbitration (The Republic of Philippines v. The People's Republic of China) // *Permanent Court of Arbitration*. URL: <https://pca-cpa.org/en/cases/7>.
9. Rudolf M. China's Foreign Relations Law: Balancing «Struggle» with Beijing's «Responsible Great Power» Narrative // *NPC Observer*. 2023.07.03. URL: <https://npcobserver.com/2023/07/china-foreign-relations-law-struggle-responsible-great-power-narrative>.

References

1. Kulagin V. *Kitai prinyal pervyi masshtabnyi zakon o vneshnei politike* [China adopted the first large-scale law on foreign policy]. Retrieved from the official website *Vedomosti.ru*, 30.06.2023. Available at: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/06/30/983045-kitai-prinyal-pervii-zakon-o-vneshnei-politike> [in Russian].

2. Dr. Teshu Singh. Deciphering China's Law on Foreign Relations. *Retrieved from the official website of Indian Council of World Affairs, August 07, 2023.* Available at: https://icwa.in/show_content.php?lang=1&level=3&ls_id=9820&lid=6281.
3. Yukio Tajima. China passes foreign relations law with eye on countering sanctions. *Retrieved from the official website of Nikkei Asia, June 30, 2023.* Available at: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/China-passes-foreign-relations-law-with-eye-on-countering-sanctions2>.
4. China's New Law Extends Xi's Combative Foreign Policy Stance. *Retrieved from the official website of Bloomberg News, 29.06.2023.* Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-06-28/china-enacts-foreign-relations-law-targeting-western-hegemony>.
5. Foreign Relations Law (2023). BY CHINA LAW TRANSLATE ON 2023/06/28. *Portal zakonov Kitaya [China Laws Portal – CJO].* Available at: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/the-law-on-foreign-relations-of-china-20230629>; <https://www.chinalawtranslate.com/en/foreign-relations-law> [in Russian].
6. Shi Jiangtao, Kandy Wong. China's foreign relations law signals new red lines, but doesn't say what crosses them. *Retrieved from the official website of South China Morning Post, 10.07.2023.* Available at: <https://www.chinastrategy.org/2023/07/09/chinas-foreign-relations-law-signals-new-red-lines-but-doesnt-say-what-crosses-them>.
7. Samovich Yu. V., Sharifullin R. A. Sanktsii v mezhdunarodnom prave: o ponyatii i pravomernosti [Sanctions in international law: on the concept and legality]. *Rossiyskaya justitsiya [Russian justice], 2023, no. 3, pp. 60–66.*
8. The South China Sea Arbitration (The Republic of Philippines v. The People's Republic of China). *Retrieved from the official website of the Permanent Court of Arbitration.* Available at: <https://pca-cpa.org/en/cases/7>.
9. Rudolf M. China's Foreign Relations Law: Balancing «Struggle» with Beijing's «Responsible Great Power» Narrative. *Retrieved from the official website of NPC Observer, 2023.07.03.* Available at: <https://npcobserver.com/2023/07/china-foreign-relations-law-struggle-responsible-great-power-narrative>.

Трибуна Молодого Ученого
TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-2-84-89

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.9

Дата поступления: 11.02.2024
рецензирования: 03.04.2024
принятия: 27.05.2024**Частные определения, выносимые в адрес нижестоящих судов,
в арбитражном процессе****Г. Р. Ахмадиева**Самарский национальный исследовательский университет имени
академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: giuzel.akhmadieva@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена комплексному исследованию одного из средств судебного реагирования на установленные в ходе рассмотрения и разрешения дел нарушений законности со стороны нижестоящих судов, а именно частных определений. Целью исследования является анализ теоретических и практических проблем, возникающих при вынесении и исполнении частных определений, адресатами которых являются представители судебной власти, на основе норм арбитражного процессуального законодательства и судебной практики. Основное внимание в работе акцентируется на правовой природе частных определений, основаниях их вынесения, а также проблемах реализации и исполнения частных определений, вынесенных в адрес нижестоящего суда. Автором использованы общенаучные и специальные методы исследования, такие как сравнение, анализ, обобщение и синтез, формально-юридический метод. По результатам исследования обосновывается санкционная природа частных определений, выносимых в адрес нижестоящих судов, а также предлагается внести ряд изменений в действующее законодательство: официально закрепить полномочие вышестоящего суда на вынесение частного определения в адрес нижестоящего; исключить дублирование оснований для вынесения частных определений и отмены или изменения решения суда; установить письменную форму частных определений; установить начало срока исполнения обязанности по сообщению мер, принятых по частному определению, с момента вступления частного определения в законную силу; установить судебный штраф в качестве меры ответственности за неисполнение частного определения; а также расширить основания для ответственности за неисполнение частного определения.

Ключевые слова: частное определение; вышестоящий суд; арбитражный процесс; предупреждение правонарушений; процессуальная санкция; укрепление правопорядка; нижестоящий суд; нарушение законности.

Цитирование. Ахмадиева Г. Р. Частные определения, выносимые в адрес нижестоящих судов, в арбитражном процессе // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 2. С. 84–89. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-2-84-89>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Ахмадиева Г. Р., 2024

Гюзель Ринатовна Ахмадиева – аспирант, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.02.2024

Revised: 03.04.2024

Accepted: 27.05.2024

Special court rulings issued to lower courts in arbitration proceedings**G. R. Akhmadieva**Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: giuzel.akhmadieva@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to a comprehensive study of one of the means of judicial response to violations of legality by lower courts identified during the consideration and resolution of cases, namely special court rulings. The aim of the research is to analyze theoretical and practical problems arising in the issuance and enforcement of special court

rulings addressed to representatives of the judicial authority, based on the norms of arbitration procedural legislation and judicial practice. The main attention in the research is focused on the legal nature of the special court ruling, the grounds for its issuance, as well as problems in the implementation and enforcement of special court rulings issued to the lower court. The author uses general scientific and special research methods, such as comparison, analysis, generalization and synthesis, formal-legal method. Based on the results of the research, the author substantiates the punitive nature of special court rulings issued to lower courts, and proposes some recommendations to the existing legislation: to establish the authority of the higher court to issue a special court ruling to the lower court officially; to eliminate duplication of grounds for issuing special court rulings and cancellation or modification of a court decision; to establish a written form of special court rulings; to establish the start of the deadline for the performance of the obligation to inform about measures taken under a special court ruling from the moment the special court ruling enters into legal force; to establish a judicial fine as a measure of liability for non-performance of a special court ruling; and also to expand the grounds for liability for non-performance of a special court ruling.

Key words: special court ruling; higher court; arbitration process; prevention of violations; procedural sanction; strengthening of law and order; lower court; violation of legality.

Citation. Akhmadieva G. R. *Chastnye opredeleniya, vynosimye v adres nizhestoyashchikh sudov, v arbitrazhnom protsesse* [Special court rulings issued to lower courts in arbitration proceedings]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 2, pp. 84–89. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-2-84-89> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Akhmadieva G. R., 2024

Giuzel R. Akhmadieva – postgraduate student, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

В целях обеспечения правопорядка внутри судебной системы Российской Федерации вышестоящие суды наделены рядом контрольных полномочий в отношении нижестоящих судов. Одним из таких полномочий является право вынесения частных определений в адрес нижестоящих судов при обнаружении в деятельности последних нарушений законности. Правовым основанием данного полномочия выступает ст. 188.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ), согласно которой при выявлении в ходе рассмотрения дела случаев, требующих устранения нарушений законодательства Российской Федерации государственным органом, органом местного самоуправления, иным органом, организацией, наделенной федеральным законом отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностным лицом, адвокатом, субъектом профессиональной деятельности, арбитражный суд вправе вынести частное определение.

Практика вынесения частных определений в адрес судов на сегодняшний день активно развивается. По замечанию Э. М. Мурадян, частные определения, выносимые в адрес нижестоящих судов, направлены против процессуального упрощения, невыполнения всех требований установленного порядка рассмотрения гражданских дел, неудовлетворительной организации и проведения судебных процессов [1, с. 10–11].

Однако в ходе анализа данного полномочия с теоретической и практической точек зрения возникает ряд спорных вопросов, разрешение которых необходимо для повышения эффективности данного средства судебного реагирования.

Правовая природа частных определений, выносимых в адрес нижестоящих судов

Правовая природа частного определения является одним из наиболее сложных теоретиче-

ских вопросов. В юридической литературе можно встретить понимание частного определения как сигнала для адресата [2, с. 109], как процессуальной санкции [3, с. 124], как юридического факта [4, с. 136], как акта правосудия [5, с. 11–12] и др. Однако несмотря на отсутствие общепризнанной научной позиции, представляется возможным подразделить все частные определения по своей правовой природе на две группы – сигнализационные и санкционные.

Сигнализационные частные определения выносятся при обнаружении правонарушений процессуального характера в адрес непосредственного правонарушителя, а также в адрес лица, имеющего полномочия для проверки наличия состава правонарушения и принятия мер для его устранения или предупреждения. Вынесение сигнализационных частных определений по процессуальным основаниям допускается в случае, если адресатом судебного акта является лицо – не правонарушитель (например, председатель Адвокатской палаты при нарушении норм процессуального права со стороны адвоката). Такие частные определения имеют целью либо проверить наличие состава правонарушения, либо устранить существующее, либо предупредить возникновение новых правонарушений. Сигнализационные частные определения не содержат порицания виновного лица, ведь вина может быть даже не установленной, и выполняют лишь информационную функцию, не преследуя цели применения карательных мер.

Санкционные частные определения выносятся исключительно по процессуальным основаниям в адрес непосредственного правонарушителя при наличии его вины. Частное определение как процессуальная санкция представляет собой меру воздействия, которая влечет порицание правонарушителя, отрицательную оценку результатов выполнения им своих обязанностей. Порицание, таким образом, выступает в качестве неблагопри-

ятного последствия для субъекта, нарушившего предписания процессуальных норм. Именно данный вид частных определений выносятся вышестоящими судами в адрес нижестоящих судов.

Санкционный характер частных определений поддерживается и в научной литературе, и в судебной практике. Так, например, Н. В. Кузнецов характеризовал частное определение как необычную пресекательную санкцию, которая «выполняет превентивную роль в отношении суда» [6, с. 15]. Верховный Суд РФ рассматривает частное определение как особую форму публично-правовой ответственности суда (Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 01.03.2023 № 18-КАД22-78-К4).

Частное определение, вынесенное в адрес суда, влечет неблагоприятные последствия в виде осуждения и отрицательной оценки результатов его деятельности, накладывает на суд дополнительные обременения, а также вызывает иные последствия. Например, согласно ст. 10 Федерального закона от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации», частное определение может стать поводом для обращения о наложении на судью дисциплинарного взыскания за совершение дисциплинарного проступка при исполнении судьей служебных обязанностей.

Таким образом, суд является субъектом, для которого частное определение выступает в качестве особой формы публично-правовой ответственности и оценки его профессиональной деятельности.

Основания вынесения частных определений в адрес судей

Основная проблема, которая возникает при рассмотрении оснований для вынесения частных определений, связана с отказом законодателя от какой-либо детализации в данном вопросе и оставлением широкого поля для судебного усмотрения.

В судебной практике в качестве проявлений нарушения законности со стороны судей наиболее часто встречаются противоречия требованиям процессуального закона (Частное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28.11.2017 № 5-КГ17-181), судебная волокита (Определение Верховного Суда РФ от 25.01.2019 № 2ПВ19), формальное проведение судебного заседания (Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18.01.2023 № 88-1317/2023 по делу № 2-287/2020), неправильное определение правил, по которым должно рассматриваться дело (Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 19.01.2023 по делу № 88-925/2023, 88-2022/2023), и др. Верховный Суд Российской Федерации ранее обращал внимание судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций на то, что в случае выявления в ходе рассмотрения дел фактов неоправданного нарушения судьями процессуальных сроков судопроизводства следует использовать право суда на вынесение частных определений или постановлений

(Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 52).

Между тем отсутствие какой-либо уточняющей позиции относительно того, какие именно нарушения закона могут приниматься судом как достаточные для судебного реагирования посредством частного определения, долгое время позволяло «подгонять» под данное основание любые, даже незначительные нарушения закона, а иногда и нарушения Кодекса судейской этики, который вообще не обладает законодательной силой.

В конечном итоге Верховный Суд РФ ограничил основания судебного реагирования посредством частных определений только теми процессуальными действиями судьи, которые повлекли искажение принципов судопроизводства и нарушение прав участников процесса. Верховный Суд РФ логично отказался от исчерпывающего перечня таких оснований, однако привел некоторые примеры, тем самым выстроив «ориентировочную траекторию» оснований для вынесения частных определений: неисполнение требований процессуального закона или применение нормативного правового акта, утратившего силу на момент возникновения спорных отношений, нарушение процессуальных сроков судопроизводства, проведение подготовки к судебному заседанию не в полном объеме либо непроведение ее вовсе и иные судебные ошибки, которые привели к неправильному рассмотрению дела или к нарушению сроков его рассмотрения (Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 01.03.2023 № 18-КАД22-78-К4).

Как видно из этого перечня, Верховный Суд РФ допускает возможность вынесения частного определения по основаниям, являющимся одновременно основаниями для отмены или изменения решения суда. Однако данная позиция видится неоправданной.

Во-первых, частное определение, выносимое в адрес нижестоящего суда, обладает признаками гражданской процессуальной санкции. Отмена решения суда в науке также рассматривается в качестве своеобразной правовосстановительной санкции, которая сказывается на авторитете суда [7, с. 92]. В результате возникает ситуация одновременного применения к суду двух процессуальных санкций по одним и тем же основаниям, что в данном случае видится явно излишним.

Во-вторых, общая цель вынесения частного определения – укрепить правопорядок. Она достигается, в частности, за счет устранения правонарушений, предупреждения правонарушений, воздействия на правонарушителя посредством негативной оценки его деятельности, наступления неблагоприятных для него последствий. При отмене или изменении решения нижестоящего суда вышестоящий суд либо самостоятельно выносит новое решение по делу, либо направляет его на новое рассмотрение. Соответственно, процессуальные нарушения, которые послужили основанием для отмены решения суда (и по логике должны

лечь в основу частного определения), априори будут устранены и без вынесения последнего.

В-третьих, согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, повторное привлечение лица к одному и тому же виду ответственности за одно и то же деяние приводило бы к ответственности без правонарушения, что недопустимо в правовом государстве (Постановление Конституционного Суда РФ от 21.03.2013 № 6-П, от 10.02.2017 № 2-П, Определение Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 № 312-О).

Отметим, что ГПК РСФСР 1964 года устанавливал обязанность суда кассационной инстанции при выявлении нижестоящим судом нарушений норм права, которые не являются основанием к отмене решения, указать на них в кассационном определении или в специально вынесенном частном определении. Позиция, выраженная в советском процессуальном законе, представляется верной и целесообразной для отражения в современном АПК РФ.

Проблемы локального производства, связанного с вынесением частных определений в адрес нижестоящих судов

Локальное производство, связанное с вынесением частного определения, в своем развитии может пройти несколько этапов:

1. Обнаружение основания для вынесения частного определения. В рамках рассматриваемой темы нарушение законности в деятельности нижестоящего суда может быть обнаружено в ходе рассмотрения дела в суде апелляционной, кассационной, надзорной инстанции. Как верно отмечал И. М. Зайцев, любая судебная ошибка может быть устранена только в процессуальном порядке [8, с. 13]. Вопрос о вынесении частного определения может быть поставлен в качестве самостоятельного предмета соответствующей жалобы или представления, когда лицо, участвующее в деле, обращается в вышестоящий суд с требованием вынести частное определение в адрес нижестоящего суда, а может разрешаться вышестоящим судом по своей инициативе на основе материалов дела. В последнем случае суд выходит за рамки заявленных требований, но делает это в целях обеспечения законности, что соответствует положениям АПК РФ.

2. Рассмотрение вопроса о вынесении частного определения. На этом этапе суд на основе исследования материалов дела и имеющихся доказательств принимает решение о достаточности оснований для вынесения частного определения и обозначает круг лиц, причастных к совершенному правонарушению.

3. Вынесение частного определения. Закон не устанавливает форму вынесения частных определений. Если обратиться к процессуальному закону, определение суда может быть вынесено как в письменной, так и в устной форме. Такое допущение применительно к частным определениям видится некорректным, поскольку адресаты частных опре-

делений зачастую не являются участниками процесса, но должны иметь возможность ознакомиться с доводами суда о наличии нарушения закона.

4. Реализация частного определения. Реализация частного определения заключается в принятии по нему мер и сообщении об этих мерах суду.

5. Обжалование частного определения. Исключение из процессуального закона права на обжалование частного определения в свое время породило немало научных и правоприменительных споров относительно существования данного правомочия. Сторонники окончательного характера частных определений оперировали положениями процессуального законодательства, согласно которым определения суда первой инстанции могут быть обжалованы в суд апелляционной инстанции, если это предусмотрено законом, или определение суда исключает возможность дальнейшего движения дела [9, с. 226]. Действующая редакция ст. 188.1 АПК РФ не упоминает о возможности подачи частной жалобы на вынесенное определение, а частное определение само по себе не препятствует дальнейшему движению дела. Однако суды встали на противоположную позицию, отметив, что частное определение непосредственно затрагивает права и законные интересы лиц, в отношении которых оно вынесено, в связи с чем последние должны иметь возможность представить свои возражения относительно установленных таким судебном актом обстоятельств и данной судом правовой оценки (Определение Верховного Суда РФ от 25.06.2018 № 304-ЭС18-3461 по делу № А02-524/2016). Правоприменительная позиция представляется абсолютно верной. Однако в этом случае представляется целесообразным изменить начало течения срока исполнения обязанности по принятию мер по частному определению, указав в качестве такового момент вступления частного определения в законную силу.

6. Контроль за реализацией частного определения. Закон наделяет суд полномочиями по контролю факта исполнения частного определения и реагированию на неисполнение данной обязанности со стороны обязанного лица. Согласно ч. 3 ст. 188.1 АПК РФ, неисполнение частного определения арбитражного суда влечет за собой ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации. Подобная законодательная конструкция видится крайне неудачной ввиду того, что она не дает ответа на вопрос о виде юридической ответственности за неисполнение частного определения. Например, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ) уточняет, что в случае несообщения о принятых мерах виновные должностные лица могут быть подвергнуты судебному штрафу. Параллельно существует ст. 17.4 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ), которая устанавливает административную ответственность за непринятие мер по частному определению или постановлению

суда, представлению судьи. Одновременное существование двух разных видов ответственности за одно и то же правонарушение породило соответствующую разобщенность в судебной практике. Арбитражные суды поддерживают позицию, что за неисполнение частного определения наступает административная ответственность в виде административного штрафа по ст. 17.4 КоАП РФ (Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 25.03.2019 № Ф10-2881/2010 по делу № А09-11326/2008; Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.04.2019 № 19АП-878/2019 по делу № А08-8661/2012). Суды общей юрисдикции признают возможность наложения как судебного штрафа (Апелляционное определение Верховного Суда Республики Бурятия от 10.04.2013 по делу № 33-1133), так и административного (Постановление Саратовского областного суда от 30.01.2018 № 4А-53/2018; Постановление Пензенского областного суда от 05.05.2015 по делу № 4а-187/2015).

Анализируя сложившуюся ситуацию, следует отметить, что частное определение в гражданском и арбитражном судопроизводстве является сугубо процессуальным, а не административным институтом.

В связи с этим наложение административного штрафа за неисполнение частного определения, вынесенного по нормам ГПК РФ и АПК РФ, видится нелогичным. В этом отношении подход законодателя к определению вида ответственности за неисполнение частного определения, сформулированный в ГПК РФ, является наиболее корректным и мог бы быть взят за основу для доработки ст. 188.1 АПК РФ.

За исключением привлечения к ответственности за неисполнение частного определения, закон не регламентирует контрольные полномочия суда в отношении реализации рассматриваемого судебного акта. Данное упущение на практике влечет за собой ситуацию, когда сообщения суду о принятых по частному определению мерах становятся не более чем отпиской.

В силу своего процессуального положения суд имеет законные ограничения на вмешательство в деятельность соответствующих субъектов, выступающих адресатами частных определений. В связи с этим требуется разграничить случаи, когда суд имеет право осуществлять контроль за «качеством» исполнения частных определений, а когда может следить только за фактом принятия мер по данному судебному акту.

На наш взгляд, суд должен иметь возможность реагировать на некачественное исполнение частных определений посредством наложения судебного штрафа при необоснованном отклонении от исполнения частного определения. Речь идет о ситуациях, когда обязанный субъект не оспаривает наличие состава правонарушения, но отказывается в принятии мер по его устранению (в частности, по причине несогласия с вынесением частного определения в свой адрес). В этом

случае обязанный субъект может обжаловать частное определение.

В то же время суд не вправе применять штрафные меры ответственности за непринятие мер по частному определению, если данные меры являются сферой дискреции уполномоченных органов или должностных лиц. Например, при обнаружении в ходе рассмотрения дела признаков преступления судом сообщается об этом в органы дознания и следствия. Однако суд не может наказать названные органы за невозбуждение уголовного дела. Точно так же суд не вправе определять перечень и характер мер, принимаемых по частному определению. Как верно отмечали А. Т. Боннер и В. Т. Квиткин, суд не может вмешиваться в оперативно-хозяйственную деятельность соответствующих организаций и должностных лиц, поскольку это выходит за рамки судебных полномочий и не охватывается исследованием обстоятельств гражданских дел [10, с. 82, 84]. В связи с этим несогласие суда с мерами, принимаемыми по частному определению, также не может служить основанием для наложения на обязанных субъектов судебного штрафа.

Таким образом, частные определения, вынесенные вышестоящими судами в адрес нижестоящих судов, выступают для последних в качестве меры гражданской процессуальной ответственности. Как гражданская процессуальная санкция частное определение влечет за собой порицание суда и отрицательную оценку результатов осуществления им своих полномочий.

В целях устранения законодательных пробелов и согласованности судебной практики по отдельным вопросам реализации частных определений внутри судебной системы представляется актуальным внесение следующих изменений в законодательство:

1) закрепить право вынесения частного определения вышестоящим судом в адрес нижестоящего при установлении нарушений норм права, допущенных нижестоящим судом в ходе рассмотрения и разрешения дела;

2) исключить возможность вынесения частных определений в адрес нижестоящего суда по тем же основаниям, что установлены для отмены или изменения решения суда;

3) установить письменную форму как единственно допустимую для частного определения;

4) изменить ч. 2 ст. 188.1 АПК РФ, указав, что обязанность по сообщению суду о принятых по частному определению мерах возникает с момента вступления судебного акта в законную силу, а не с момента его получения;

5) установить в ч. 3 ст. 188.1 АПК РФ ответственность за неисполнение частного определения в виде судебного штрафа, налагаемого по правилам гл. 11 АПК РФ;

6) закрепить в качестве основания ответственности не только неисполнение частного определения, но и необоснованный отказ в исполнении частного определения.

Библиографический список

1. Мурадян Э. М. Частные определения суда по гражданским делам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 16 с.
2. Чечина Н. А. Воспитательная функция советского гражданского процессуального права. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1972. 112 с.
3. Ветрова Г. Н. Санкции в судебном праве. Москва: Наука, 1991. 160 с.
4. Явич Л. С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. Москва: Госюриздат, 1961. 172 с.
5. Абдуллина З. К. Определения суда первой инстанции в советском гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1964. 18 с.
6. Кузнецов Н. В. Санкции в гражданском процессуальном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Саратов, 1981. 173 с.
7. Жилин Г. А. Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции. Москва: Городец, 2000. 316 с.
8. Зайцев И.М. Устранение судебных ошибок в гражданском процессе / под ред. М. А. Викут. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. 135 с.
9. Гражданский процесс России: учебник / под ред. М. А. Викут. Москва: ЮристЪ, 2005. 480 с. URL: <https://polyglotlife.ru/wp-content/uploads/2023/10/vikut.pdf>.
10. Боннер А. Т., Квиткин В. Т. Судебный контроль в области государственного управления: учеб. пособие. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1973. 112 с.

References

1. Muradyan E. M. *Chastnye opredeleniya suda po grazhdanskim delam: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Private court determinations in civil cases: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1969, 16 p. [in Russian].
2. Chechina N. A. *Vospitatel'naya funktsiya sovetskogo grazhdanskogo protsessual'nogo prava* [Educational function of Soviet civil procedural law]. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta, 1972, 112 p. [in Russian].
3. Vetrova G. N. *Sanktsii v sudebnom prave* [Sanctions in judicial law]. Moscow: Nauka, 1991, 160 p. [in Russian].
4. Yavich L. S. *Problemy pravovogo regulirovaniya sovetskikh obshchestvennykh otnoshenii* [Problems of legal regulation of Soviet social relations]. Moscow: Gosyurizdat, 1961, 172 p. [in Russian].
5. Abdullina Z. K. *Opredeleniya suda pervoi instantsii v sovetskom grazhdanskom protsesse: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Court determinations of the first instance in Soviet civil procedure: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 1964, 18 p. [in Russian].
6. Kuznetsov N. V. *Sanktsii v grazhdanskom protsessual'nom prave: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.03* [Sanctions in civil procedural law: Doctoral of Legal Sciences thesis: 12.00.03]. Saratov, 1981, 173 p. [in Russian].
7. Zhilin G. A. *Tseli grazhdanskogo sudoproizvodstva i ikh realizatsiya v sude pervoi instantsii* [Objectives of civil proceedings and their implementation in the court of the first instance]. Moscow: Gorodets, 2000, 316 p. [in Russian].
8. Zaytsev I. M. *Ustranenie sudebnykh oshibok v grazhdanskom protsesse. Pod red. M. A. Vikut* [Elimination of judicial errors in civil proceedings; Vikut M. A. (Ed.)]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1985, 135 p. [in Russian].
9. *Grazhdanskii protsess Rossii: uchebnik. Pod red. M. A. Vikut* [Vikut M.A. (Ed.) Civil Procedure of Russia: textbook]. Moscow: Yurist", 2005, 480 p. Available at: <https://polyglotlife.ru/wp-content/uploads/2023/10/vikut.pdf> [in Russian].
10. Bonner A. T., Kvitkin V. T. *Sudebnyi kontrol' v oblasti gosudarstvennogo upravleniya: ucheb. posobie* [Judicial control in the field of public administration: textbook]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1973, 112 p. [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-2-90-97

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.3/7

Дата поступления: 11.03.2024
рецензирования: 23.04.2024
принятия: 27.05.2024

**Фальсификация учета прав на ценные бумаги (часть 4 статьи 170¹
Уголовного кодекса Российской Федерации)**

А. В. Корпусов

Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова, г. Ярославль, Российская Федерация
E-mail: avkrosrf@mail.ru

Аннотация: В статье анализируется преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 170¹ УК РФ, являющееся одной из форм криминального искажения учетных реестровых записей. Изучение возможностей уголовного закона по обеспечению достоверности реестра владельцев ценных бумаг, защиты системы депозитарного учета от внесения и подтверждения специальным субъектом неполных или недостоверных сведений определено автором в качестве исследовательской задачи. С опорой на догматический и формально-юридический методы исследования выявлено, что в основе приведенного преступления – примат искажения реестровых записей, который характерен только для внесения недостоверных данных. Подтверждение же таких данных – юридическая фикция, где их компрометация приравнена к фальсификации. Отмечается проблематика многих составообразующих признаков искомого уголовно наказуемого деяния. Установлено, что цели преступной фальсификации достигаются за счет деструкции (заверения при подтверждении) атрибутов упомянутых реестра и системы, влияющих на имущественное положение финансовой организации в денежном измерении и скрывающих тем самым признаки ее банкротства, основания для отзыва (аннулирования) лицензии или назначения временной администрации. С учетом недостатков правовой материи сделан вывод о целесообразности исключения ч. 4 ст. 170¹ из УК РФ, а при несогласии законодателя с означенным подходом предлагается новая редакция отмеченного состава наказуемости.

Ключевые слова: преступное деяние; наказуемость фальсификации реестра владельцев ценных бумаг; искажение учетных записей; компрометация реестровых сведений; внесение и подтверждение фиктивной реестровой информации.

Цитирование. Корпусов А. В. Фальсификация учета прав на ценные бумаги (часть 4 статьи 170¹ Уголовного кодекса Российской Федерации) // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 2. С. 90–97. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-2-90-97>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Корпусов А. В., 2024

Андрей Валентинович Корпусов – аспирант, Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова, 150003, Российская Федерация, г. Ярославль, ул. Советская, 14.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.03.2024
Revised: 23.04.2024
Accepted: 27.05.2024

**Falsification of accounting of rights to securities (part 4 of Article 170¹
of the Criminal Code of the Russian Federation)**

A. V. Korpusov

P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation
E-mail: avkrosrf@mail.ru

Abstract: The article analyses the crime provided for by part 4 of Article 170¹ of the Criminal Code of the Russian Federation and is one of the forms of criminal distortion of accounting registry records. The relevance of the chosen topic is predetermined by the deficit of scientific research in the field of the above offence. The study of criminal-legal norms ensuring the reliability of the register of securities owners, the depositary accounting system from the introduction and confirmation of incomplete or inaccurate information by a special subject is defined by the author as a research task. Relying on dogmatic and formal-legal methods of research, it is revealed that in the basis of the above offence the primacy of distortion of register records is characteristic only for the entry of inaccurate data; confirmation of such data is a legal fiction, where their compromise is equated to falsification. The problematics of many constitutive features of the sought criminal offence is noted. It is established that the goals of criminal falsification are achieved by destroying (certifying – in case of confirmation) the attributes of the mentioned register and system, affecting the property status of a financial institution in monetary terms and thus hiding the signs of its bankruptcy, grounds for revocation (cancellation) of the license or appointment of temporary administration. Taking into account the shortcomings of the legal matter, it is concluded that it is advisable to exclude part 4 of Article 170¹ from the Criminal Code of the Russian Federation, and if the legislator disagrees with the above approach, a new wording of the above-mentioned punishable offence is also proposed.

Key words: falsification; completeness and reliability; introduction of false information; confirmation of false information; financial organization; concealment of bankruptcy signs; concealment of grounds for revocation (cancellation) of license; concealment of grounds for appointment of temporary administration.

Citation. Korpusov A. V. *Fal'sifikatsiya ucheta prav na tsennyye bumagi (chast' 4 stat'i 170¹ Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii)* [Falsification of accounting of rights to securities (part 4 of Article 170¹ of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* Juridical Journal of Samara University, 2024, vol. 10, no. 2, pp. 90–97. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-2-90-97> [in Russian].

Information on the conflict of interest: author declares no conflict of interest.

© Korpusov A. V., 2024

Andrey V. Korpusov – postgraduate student, P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14, Sovetskaya Street, Yaroslavl, 150003, Russian Federation.

Надлежащий и достоверный учет (фиксация) прав на именные ценные бумаги, их ограничений и обременений обеспечивают специализированные организации учетной инфраструктуры рынка ценных бумаг – регистраторы и депозитарии, общественно опасные деяния которых, охватываемые в частности фальсификацией реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета, уголовно наказуемы (ч. 4 ст. 170¹ Уголовного кодекса Российской Федерации; далее – УК РФ). Однако по прошествии свыше пяти лет с того момента, когда в Кодекс был включен упомянутый состав преступления (08.01.2019) [1], в уголовно-правовой литературе последний вплоть до настоящего времени является фактически не изученным, что и предопределило актуальность темы исследования.

1. По смыслу ч. 4 ст. 170¹ УК РФ под угрозой наказания запрещено совершение двух альтернативных деяний: а) внесение в реестр владельцев ценных бумаг (далее – реестр) или в систему депозитарного учета (далее – система) неполных или недостоверных сведений; б) подтверждение достоверности внесенных в реестр или в систему означенных сведений.

Как представляется, с внесением неполных или недостоверных сведений в реестр или в систему особой сложности нет: внешне такое деяние проявляется в занесении, включении виновным в регистры и (или) соответствующие счета регистратора (лицевые счета), депозитария (счета депо) данных, не отличающихся по своему содержанию требуемой полнотой или достоверностью (фальшь, ложь). С подтверждением же достоверности таких сведений вопрос обстоит сложнее.

Дело в том, что «подтвердить» означает засвидетельствовать, удостоверить подлинность, правильность чего-либо [2]. И по букве закона в ч. 4 ст. 170¹ УК РФ подтверждение достоверности касается именно «внесенных» сведений, т. е. не любых, а отраженных в реестре или в системе. В то же время, казалось бы, подтвердить достоверность того, что не внесено туда, невозможно, ибо нет прежде внесенных сведений, их деструкции, иного вмешательства в подтверждаемый субстрат. Последнее особенно важно, поскольку в уголовно-правовой литературе классическим признается подход, при котором фальсификация понимается как искажение информации [3, с. 248; 4, с. 39]. В этом смысле подтверждение как уголовно нака-

зуемое деяние с трудом вписывается в контуры искажения учетных реестровых сведений.

Между тем мыслим и иной подход, основанный на том, что законодатель при построении искомого состава, используя юридическую фикцию фальсификации в форме подтверждения достоверности фиктивных сведений, далеко не исключал того, что даже в отсутствие искажающей реестровые записи доминанты их достоверность явно нарушается, если виновный, действуя обманом, подтверждает внесение в реестр или в систему того, чего никогда туда не вносилось. И с этой точки зрения, видимо, нет принципиальной разницы, что именно подтвердил виновный: внесенную, но недостоверную или невнесенную (тем более недостоверную) информацию, поскольку такого рода подтверждение в обоих случаях ложное и порождает дезинформацию заинтересованных лиц. Подтверждение в официальном порядке управомоченным на то законом лицом (регистратором или депозитарием) того, чего никогда не было в реестре или системе, компрометирует истинность реестровых сведений. При таких обстоятельствах утверждать о достоверности реестрового учета уже не приходится.

Возможно, законодатель указанием на «внесенные» сведения при их подтверждении исходил из того, что регистратор или депозитарий во всех случаях подтверждает только то, что есть в реестре или в системе, и тогда не внесенные в них сведения при их подтверждении автоматически считаются недостоверными, равно как и достоверно внесенные при их ложном подтверждении. Но этот вариант лишь подчеркивает многоаспектность (неоднозначность) трактовки отмеченного признака. Во всяком случае признак «внесенности» ориентирует главным образом на содержательную основу реестра или системы и как бы исключает из орбиты посягательства деяние по подтверждению сведений, никогда и ни в каком виде туда не вносившихся. Однако даже практически мыслимы две ситуации: 1) в реестре зафиксирован один объем ценных бумаг, а регистратор подтверждает другой; 2) лицо никогда не числилось среди владельцев ценных бумаг у номинального держателя, а депозитарий подтверждает наличие на его счете депо ценных бумаг. Проблемы не будет, если исключить слово «внесенных» из ч. 4 ст. 170¹ УК РФ.

2. В исследуемом преступлении в форме подтверждения достоверности реестровых сведений

нарекание вызывает оборот «от имени организации, осуществляющей учет прав на ценные бумаги». С одной стороны, в приведенной конструкции отсутствует признак субъекта преступления. С другой стороны, было бы странным полагать, что подтвердить отмеченное может кто-либо еще, кроме регистратора или депозитария. Эмитенты в настоящее время самостоятельно учет прав на ценные бумаги не производят и не подтверждают. Законом это возложено на означенные учетные организации (ст. 7 и 8 Федерального закона «О рынке ценных бумаг») [5].

Разумеется, юридические лица в отечественном уголовном праве субъектами преступлений быть не могут (ст. 19 УК РФ). От имени организации всегда выступают конкретные физические лица. Не является исключением и искомое посягательство (ч. 4 ст. 170¹ УК РФ), где профессиональными качествами виновного в силу бланкетного законодательства определяется его специальный статус: уполномоченный на ведение реестра или системы, подтверждение реестровых записей сотрудник регистратора или депозитария. Никто другой совершить данное деяние не может, в связи с чем оборот «от имени организации, осуществляющей учет прав на ценные бумаги», может быть исключен.

3. В части 4 ст. 170¹ УК РФ, в отличие от внесения неполных или недостоверных реестровых сведений, ложно подтверждаемая полнота последних ненаказуема; в числе подтверждаемого значится только их фиктивная достоверность.

Конечно, не исключается вариант толкования, что, если сведения не обладают требуемой полнотой, значит, говорить о их достоверности уже на этом основании не приходится: таковые по умолчанию не вызывают доверия из-за нецелостности своего содержания, и тогда (не)полнота поглощается (не)достоверностью. Однако с такой версией трактовки трудно согласиться, ибо сомнительно, что достоверность сведений может определяться их полнотой. Это два разных качественных свойства информации, которая, очевидно, может быть, к примеру: а) неполной и недостоверной одновременно; б) недостоверной при всей ее полноте; в) неполной, но достоверной (хотя бы в имеющейся части). Если такая комбинаторика справедлива, возникает проблема: почему внесение неполных или недостоверных учетных сведений уголовно наказуемо, а ответственность за их фиктивное подтверждение ограничена одной лишь недостоверностью.

Неслучайно, видимо, в первой половине искомого состава законодатель разделяет вносимые в реестр или в систему сведения на два вида: неполных и недостоверных, для отождествления которых при подтверждении их достоверности нет никаких оснований. Поэтому полагаем, что ч. 4 ст. 170¹ УК РФ нуждается в коррекции в аспекте подтверждения не только «достоверности», но и «полноты» подтверждаемых сведений. Иначе налицо непоследовательность уголовного закона: в одном случае неполнота сведений (при их внесе-

нии) имеет самостоятельное правовое значение, в другом же такая неполнота сведений (при их подтверждении) либо смешана с недостоверностью, либо нормативно не отражена, что в обоих случаях является недостатком правовой материи.

4. Фальсификация в форме внесения в реестр или в систему, подтверждения достоверности неполных или недостоверных реестровых сведений совершается в отношении не любого зарегистрированного лица (физического или юридического), а только «кредитной или иной финансовой организации».

В то же время кредитной организацией является юридическое лицо, осуществляющее банковские операции на основании лицензии Банка России (ст. 1 Федерального закона «О банках и банковской деятельности») [6]. Финансовая же организация есть хозяйствующий субъект, в т. ч. кредитная организация, оказывающий финансовые услуги, в т. ч. банковские (п. 2 и 6 ст. 4 Федерального закона «О защите конкуренции») [7]. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» при перечислении финансовых организаций среди прочих также упоминает и кредитные организации (ч. 2 ст. 180) [8]. Отсюда не вполне ясно, для чего нужно было отдельно указывать на кредитную организацию, если тут же говорится об «или иной финансовой организации», что означает буквально: в ее число (род) входит и кредитная (вид), притом что все остальные признаки состава в равной мере относятся и к кредитной, и к финансовой организации.

Думается, что упоминание о первой в ч. 4 ст. 170¹ УК РФ целесообразно исключить. В поддержку сказанного сошлемся на ч. 1 ст. 172¹ УК РФ об ответственности за фальсификацию финансовых документов учета и отчетности финансовой организации, где отсутствует дихотомия с финансовыми организациями и где кредитная стоит во главе их перечня.

5. Конкретного набора фальсифицируемых сведений (атрибутов) реестра или системы законодатель в ч. 4 ст. 170¹ УК РФ не предусмотрел. Между тем составообразующим признаком, препарирующим потенциальный круг упомянутых сведений (атрибутов), является преступное целеполагание. Именно через целевой признак посягательства решается вопрос о перечне фиктивных реестровых сведений, что с точки зрения юридической техники вряд ли является обоснованным решением, поскольку качественный (объективный) критерий внешнего выражения преступления (сведения *вносятся* или *подтверждаются*) фактически определяется субъективным его признаком – целями фальсификации.

В зачету сказанного вновь сошлемся на ч. 1 ст. 172¹ УК РФ, где такой погрешности не допущено: в тех же целях, что и в исследуемом преступлении, при фальсификации финансовых документов учета и отчетности финансовой организации состав (набор) фиктивных сведений установлен законодатель, хотя бы в общем их контуре – све-

дения о сделках, об обязательствах, имуществе организации, ее финансовом положении и проч.

6. Цели фальсификации – в сокрытии: а) признаков банкротства кредитной или иной финансовой организации; б) оснований для отзыва (аннулирования) у нее лицензии; в) оснований для назначения в такой организации временной администрации (далее также – признаки или основания).

Под сокрытием понимается полное или частичное утаивание информации о фактическом положении финансовой организации (как правило, имущественного характера) [9]. Фальсифицируя реестровые записи, виновный стремится утаить от заинтересованных лиц (в т. ч. лицензирующего органа) наличие у финансовой организации соответствующих признаков или оснований, чего делать не вправе, ибо само их наличие вызвано исключительными для упомянутой организации обстоятельствами, связанными с ухудшением ее имущественного положения и требующими не сокрытия, а скорейшего принятия мер по предупреждению банкротства, санации, сохранности имущества финансовой организации и т. п.

6.1. К определению признаков банкротства кредитной и иной финансовой организации законодательство подходит дифференцированно. Для финансовых организаций (кроме кредитных) в общем случае существует четыре признака, свидетельствующих о неспособности удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам (ч. 1 ст. 183.16 Закона о банкротстве): а) сумма требований в совокупности составляет не менее 100 тыс. руб., и они не исполнены в четырнадцатидневный срок с момента наступления даты их исполнения; б) не исполнены в четырнадцатидневный срок с момента вступления решения суда в законную силу требования о взыскании денежных средств независимо от их суммы; в) стоимость имущества (активов) недостаточна для исполнения денежных обязательств; г) платежеспособность не была восстановлена в бытность работы временной администрации. У кредитной организации признаков банкротства два (ч. 1 ст. 189.8 и ч. 1 ст. 189.64 Закона о банкротстве): а) денежные обязательства не исполнены в четырнадцатидневный срок после наступления даты их исполнения; б) стоимость имущества (активов) недостаточна для исполнения обязательств.

Изложенные признаки банкротства финансовой и кредитной организации можно объединить в две группы, знаменующие: 1) неплатежеспособность – для ситуаций неисполнения денежных обязательств и ее восстановления; 2) недостаточность имущества (стоимости) – остальные. Неплатежеспособность – это прекращение исполнения должником части своих денежных обязательств, вызванное недостатком денежных средств; недостаточность же имущества (стоимости) есть превышение размера денежных обязательств над стоимостью имущества (активов) должника (ст. 2 Закона о банкротстве). Однако

фальсификация способна скрыть далеко не все из обозначенных признаков банкротства. В частности, денежных средств, чтобы можно было поправить имущественное положение финансовой организации или создать видимость такового, искомое преступление должнику не добавит. Поэтому признаки банкротства, характерные для неплатежеспособности, фальсификацией скрыть невозможно.

Напротив, имущественное положение любой организации фиксируется документально. Как и любая документированная информация, сведения о (не)достаточности имущества (активов) финансовой организации подвержены искажению, а значит, в этой части фальсификация реестровых записей способна привести к сокрытию признаков банкротства. Для сокрытия недостаточности имущества (активов) финансовой организацией виновный совершает, к примеру, искажение (подтверждение) реестровых записей, приводящих к завышению номинальной стоимости ценных бумаг, влияющей на их оценку в бухгалтерском учете финансовой организации, объема, вида ценных бумаг, что с последующим отражением такового в учете и отчетности финансовой организации «улучшает» ее имущественное положение, а признаки банкротства тем самым для третьих лиц становятся неведомы. Очевидно, что на стоимость ценных бумаг без завышения их реального объема влияет и наличие обременения, которое, как правило, далеко не повышает, а снижает их стоимость, поэтому противоправные манипуляции в реестре или в системе с обременением ценных бумаг способны отразиться на общей стоимости имущества (активов) финансовой организации.

Таким образом, при сокрытии признаков банкротства фальсификации подвергаются идентифицирующие ценные бумаги, их обременение и т. п. данные, оказывающие влияние на уровень имущественной обеспеченности должника.

6.2. Для назначения временной администрации кредитной организации предусмотрен обширный перечень оснований, подразделение которых на группы знаменует (ч. 1 ст. 189.26 Закона о банкротстве): а) неплатежеспособность; б) несоблюдение обязательных нормативов; в) санацию; г) иное. Думается, что фальсификация тяготеет ко второй группе оснований с имущественной доминантой (п. «б»), куда входят снижение собственного капитала кредитной организации более чем на 30 % по отношению к максимальной его величине за последний год с одномоментным несоблюдением одного из обязательных нормативов; нарушение норматива текущей ликвидности за последний месяц более чем на 20 %.

Находящееся в собственности кредитной организации имущество есть ее собственный капитал с различными уровнями (основной, дополнительный и др.) и элементами (базовый, добавочный и т. п.). Обязательные нормативы есть числовые значения, соблюдение которых обеспечивает кредитной организации финансовую устойчивость

(ст. 24 Федерального закона «О банках и банковской деятельности»). Текущая же ликвидность – показатель того, сможет ли кредитная организация в краткосрочной перспективе исполнить свои денежные обязательства. Нормативы ликвидности определяются по-разному: через отношение активов (имущества) и пассивов (обязательств) кредитной организации, через отношение ее ликвидных активов (наличных денежных средств, краткосрочных ценных бумаг, иных легкорезализуемых активов) и суммарных активов.

Как и при сокрытии признаков банкротства, для сокрытия оснований назначения временной администрации кредитной организации фальсификация совершается путем искажения (компрометации – при подтверждении) идентифицирующих ценные бумаги реквизитов (атрибутов) реестра или системы, с тем чтобы расчет собственных средств (капитала), норматива текущей ликвидности кредитной организации был в допустимых параметрах, что впоследствии отражается кредитной организацией в соответствующей отчетности и способно создать видимость благополучия, скрыть означенные основания и не допустить назначения указанного внешнего чрезвычайного органа управления.

В другие финансовые организации, кроме кредитных, временная администрация назначается в случаях (ч. 1 ст. 183.5 Закона о банкротстве): а) неплатежеспособности или б) для реализации или контроля плана восстановления платежеспособности. Здесь искомая фальсификация «применима» во втором случае. Так, план восстановления платежеспособности финансовой организации составляется и представляется ею же в Банк России для утверждения и контроля исполнения. Одними из условий утверждения плана являются наличие в нем анализа финансового состояния и перечень предпринимаемых мер по предупреждению банкротства, среди которых могут быть изменение структуры ее активов (имущества) и пассивов (обязательств) и иные не запрещенные законом меры с обязательным приложением документов, подтверждающих реальность исполнения отраженных в плане мер.

Фальсификация реестровых записей, положенных в основу плана восстановления платежеспособности, совершается в расчете на то, чтобы его убедительность не вызвала сомнений и нужды в принудительной реализации или в контроле исполнения со стороны контролирующего органа (Банка России), что и позволяет в этом случае избежать назначения временной администрации.

6.3. Основания для отзыва (аннулирования) лицензии финансовой организации можно разделить в общем случае на добровольные, когда за такой «услугой» обращается сам лицензиат, и принудительные.

Начнем с аннулирования. В условиях отказа от лицензии (п. «а») не приходится вести речь о необходимости сокрытия того, что побуждает добровольно обратиться за аннулированием лицензии.

К примеру, принятие участниками решения о ликвидации кредитной организации служит основанием для аннулирования лицензии на осуществление банковских операций с приложением отчетности и расчета достаточности стоимости имущества для удовлетворения требований кредиторов. Если предположить, что указанные отчетность и расчет будут искажены (с искажением прежде реестровых записей), скрыть факт принятия решения о ликвидации кредитной организации невозможно. Максимальный результат, на который может рассчитывать виновный, это то, что фальсификация реестровых записей (с их последующим отражением в отчетности) сможет укрепить лицензирующий орган в его решении, что стоимости имущества кредитной организации достаточно для полного удовлетворения требований ее кредиторов и дальнейшую ликвидацию следует проводить без процедур банкротства. Но тогда получается, что фальсификация служит цели сокрытия не оснований для аннулирования лицензии, а признаков банкротства. А это уже другое основание уголовной ответственности.

Основания второй группы (п. «б») фальсификация скрыть также не способна. В частности, если финансовая организация (организация торговли, клиринговая организация, негосударственный пенсионный фонд и др.) не осуществляет лицензируемую деятельность, не представляет отчетность, не исполняет обязательные предписания, не осуществляет раскрытие информации, отсутствует по месту нахождения, признана банкротом и т. п., закономерно возникает вопрос: каким образом фальсификация реестров (с последующим отражением фиктивных данных в отчетности и учете финансовой организации) может скрыть означенные основания? Разве фальсификация позволит создать видимость осуществления лицензируемой деятельности, снимет проблему представления отчетности, раскрытия информации, обеспечит присутствие по месту нахождения, нивелирует банкротство? Очевидно, что приведенные основания аннулирования лицензии финансовой организации невозможно скрыть через совершение искажения реестровых сведений, в связи с чем «аннулирование» из целей посягательства в ч. 4 ст. 170¹ УК РФ может быть исключено.

Дифференцированы и основания для отзыва лицензии. На примере кредитных организаций выделяются две их группы – необязательные и неизбежные. Первая включает: установление недостоверности сведений, повлекшие выдачу лицензии; задержку начала осуществления банковских операций более чем на 1 год со дня ее выдачи; установление фактов существенной недостоверности отчетных данных; задержки в предоставлении ежемесячной отчетности (отчетной документации); неисполнение федеральных законов, регулирующих банковскую деятельность, и проч. В этих случаях лицензирующий орган вправе (но не обязан) отозвать лицензию. Между тем обоснованность возможности в рамках фальсификации

утаить данные основания вызывает сомнения, ибо скрыть то, что установлено, выявлено, зафиксировано (неисполнение законов, задержка начала совершения банковских операций, задержка с представлением отчетности), не представляется возможным.

Среди весьма многочисленных оснований второй группы особо отметим те из них, которые предрасположены к сокрытию через фальсификацию: значение всех нормативов достаточности собственных средств (капитала) ниже 2 %; размер собственных средств (капитала) ниже минимального значения уставного капитала на дату государственной регистрации кредитной организации; неисполнение в срок требования Банка России о приведении в соответствие величины уставного капитала и размера собственных средств (капитала). В частности, искажение реестровых сведений влияет на расчет собственных средств (капитала) кредитной организации (это устанавливается по результатам анализа учета и отчетности). При этом минимальный размер собственных средств (капитала) для разных видов кредитных организаций различен: для банков с универсальной лицензией он равен 1 млрд руб., с базовой – 300 млн руб., для небанковских кредитных организаций – не менее 90 млн руб. Эти же значения соответствуют и минимальному размеру уставного капитала означенных организаций, который формируется на момент их создания и может меняться в процессе их деятельности. Фальсификация в данном случае может осуществляться путем завышения «учтенного» в реестре или в системе объема ценных бумаг кредитной организации, внесенных в ее уставный капитал, и отраженного в учете и отчетности данной организации, положительно влияющего на расчет собственных средств и соблюдение нормативов достаточности капитала.

Изложенное, таким образом, свидетельствует, что фальсификация способна скрыть далеко не все основания для отзыва лицензии кредитной организации, а лишь те, что связаны с показателями (значениями) ее имущественного состояния, отражаемыми последней в соответствующей отчетности и учете. Сказанное применимо в полной мере и к отзыву лицензии у некредитных финансовых организаций в ситуации, когда виновный совершает фиктивный учет объема ценных бумаг, например страховой организации, как предмета инвестирования в разрешенные активы и в установленном для этого пределе ее собственных средств и средств ее страховых резервов, несоблюдение которых является неизбежным основанием для отзыва лицензии у страховщика.

7. Рассмотренные цели фальсификации, как представляется, необоснованно сужают контуры применения ч. 4 ст. 170¹ УК РФ, ибо сомнительно, что данное преступление, совершаемое в иных целях или без таковых, менее общественно опасно, нежели преступления, содеянные в означенных в составе целей, или в отношении лишь финансовых организаций. Повышенную общественную опас-

ность представляет утрата реестрами своей достоверности в результате умышленного их искажения (компрометации) независимо от целей деяния, свидетельством чего является также и зарубежный опыт правовой регламентации ответственности в вопросах исследуемого преступления: посягательств с целевым искажением реестровых записей и тем более лишь в отношении финансовых организаций не предусматривается нормами уголовного права подавляющего большинства зарубежных государств [10, с. 566]. Поэтому отмеченная целевая проблематика фальсификации, позволяющая усомниться в обоснованности отражения среди составообразующих признаков преступления (ч. 4 ст. 170¹ УК РФ) его узкоспецифических целей, может быть решена путем исключения последних.

8. Большой проблемой фальсификации как деяния преступного является то, что в реальности оно едва ли возможно без согласованного отражения ложных реестровых сведений в учете и отчетности финансовой организации – основном источнике информации об имущественном состоянии последней. Говоря иначе, ч. 4 ст. 170¹ УК РФ в отрыве от искажения отчетности и ведения недостоверного учета финансовой организацией, из которых берется информация о ее имущественном положении, в т. ч. для оценки того, способна ли такая организация продолжать осуществление своей деятельности, или нуждается в принятии соответствующих мер воздействия, санации и др., нежизнеспособна, ибо фальсификация лишена смысла, если финансовой организацией ведутся достоверные учет и отчетность. Именно фиктивные реестровые сведения о совершенных операциях с ценными бумагами финансовой организации кладутся в основу ее имущественного положения и принимаются к учету в качестве фактов хозяйственной жизни, активов, обязательств экономического субъекта в денежном измерении. Небезосновательно, видимо, в науке уголовного права составу ч. 4 ст. 170¹ Кодекса приписывается субсидиарный статус, дополняющий применение уголовно-правового запрета фальсификации финансовых документов учета и отчетности финансовой организации (ст. 172¹ УК РФ) и представляющий по сути криминальный вид пособничества совершению последнего [11, с. 543–544].

9. Усугубляется сказанное тем, что нормы ч. 4 ст. 170¹ УК РФ находятся в коллизии с иными его составами. Так, действия, объявленные законодателем в 2019 г. преступными (ч. 4 ст. 170¹ УК РФ), ранее в Кодексе по большей части уже были криминализованы: внесение в реестр владельцев ценных бумаг недостоверных сведений специальным субъектом запрещено ч. 3 ст. 185² УК РФ (введена в середине 2010 г., нужно лишь дополнить диспозицию системой депозитарного учета и, быть может, усилить санкцию), а подтверждение достоверности неполных или недостоверных сведений о сделках, об обяза-

тельствах, имуществе финансовой организации (в т. ч. учтенных в реестре или в системе) в целях сокрытия признаков ее банкротства, оснований для отзыва (аннулирования) лицензии, назначения временной администрации запрещено ч. 1 ст. 172¹ УК РФ (введена в середине 2014 г.). Причем в доктрине уголовного права отмечается, что подтверждающим лицом в данном случае может быть только субъект, законом наделенный соответствующими полномочиями, например аудитор [12 с. 9; 13 с. 40]. Полагаем, что таким субъектом является также и регистратор с депозитарием, ибо последнее, как отмечалось, подтверждают принадлежность ценных бумаг (имущества, активов и т. п.) конкретному лицу в силу прямого указания закона.

В свете изложенного ч. 4 ст. 170¹ УК РФ целесообразно исключить (с коррекцией ч. 3 ст. 185²). При ином подходе выявленные недостатки во всяком случае подлежат устранению в процессе совершенствования УК РФ (с уточнением ч. 1 ст. 172¹ для устранения коллизии и выравнивания санкции), в связи с чем новая редакция ч. 4 ст. 170¹ Кодекса может быть сформулирована следующим образом:

«4. Внесение в реестр владельцев ценных бумаг либо в систему депозитарного учета заведомо неполных или недостоверных сведений, а равно подтверждение полноты и достоверности таких сведений, заведомо для подтверждающего лица являющихся неполными или недостоверными, – ...».

Библиографический список

1. Федеральный закон от 27.12.2018 № 530-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 28.12.2018. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201812280016>.
2. Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова, 2012 г. URL: <https://slovar.cc/rus/ojegov/606035.html> (дата обращения: 01.03.2024).
3. Уголовное право. Особенная часть: учебник / редкол.: Л. В. Иногамова-Хегай [и др.]. Москва: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2008. 800 с. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/inogamova_hegaj_lv_rarog_ai_chuchaeva_ai_ugolovnoe_pravo_osobennaja_chast (дата обращения: 01.03.2024).
4. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ): в 2 ч. Ч. 2. Москва: Юрлитинформ, 2022. 448 с.
5. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1918. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102040905&intelsearch=39-%F4%E7+1996>.
6. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 6. Ст. 492. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102010268&ysclid=lxym46mjde866793684>.
7. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102108256&ysclid=lxym7cyom6307455365>.
8. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102078527&ysclid=lxymbrs01v204164521>.
9. Методические рекомендации по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства, утв. ФССП России 15.04.2013 № 04-4. URL: <https://legalacts.ru/doc/metodicheskie-rekomendatsii-po-vyavleniiu-i-presecheniiu-prestuplenii>.
10. Корпусов А. В. Наказуемость фальсификации государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг, системы депозитарного учета в зарубежном уголовном праве // Демидовский юридический журнал. 2023. Т. 13, № 4. С. 558–566. DOI: <https://doi.org/10.18255/2306-5648-2023-4-558-566>. EDN: <https://elibrary.ru/jijzxt>.
11. Лясколо А. Н. Финансовые преступления в российском уголовном праве: современная концепция и проблемы квалификации: дис. ... д-ра. юрид. наук. Москва, 2022. 650 с. URL: <https://www.hse.ru/sci/diss/575014761>.
12. Быкова Е. Г. Проблемы привлечения к уголовной ответственности за фальсификацию финансовых документов учета и отчетности финансовой организации (на примере кредитной организации) // Уголовное право. 2021. № 12 (136). С. 4–16. DOI: https://doi.org/10.52390/20715870_2021_12_4. EDN: <https://elibrary.ru/veyaiu>.
13. Лясколо А. Н. Финансовая отчетность как предмет и средство преступления // Уголовное право. 2021. № 4. С. 30–41. URL: https://criminalmag.ru/magazines/4_2021; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46011407>. EDN: <https://elibrary.ru/brieqv>.

References

1. *Federal'nyi zakon ot 27.12.2018 № 530-FZ «O vnesenii izmenenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law as of December 27, 2018 № 530-FZ «On Amendments Being Made to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation»]. Retrieved from the official Internet portal of legal information www.pravo.gov.ru, 28.12.2018. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201812280016> [in Russian].
2. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka S. I. Ozhegova, 2012 g.* [S. I. Ozhegov's Explanatory Dictionary of the Russian Language, 2012]. Available at: <https://slovar.cc/rus/ojegov/606035.html> [in Russian].

3. *Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast': uchebnik. Redkol.: L. V. Inogamova-Khegai [i dr.]* [Inogamova-Khegai [et al.] (Eds.) Criminal Law. Particular part: textbook]. Moscow: Yuridicheskaya firma «KONTRAKT»: INFRA-M, 2008, 800 p. Available at: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/inogamova_hegai_lv_rarog_ai_chuchaeva_ai_ugolovnoe_pravo_osobennaja_chast/ (accessed 01.03.2024) [in Russian].
4. Lopashenko N. A. *Prestupleniya v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti (glava 22 UK RF): v 2 ch. Ch. 2* [Crimes in the sphere of economic activity (Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation): in 2 parts. Part 2]. Moscow: Yurlitinform, 2022, 448 p. [in Russian].
5. *Federal'nyi zakon ot 22.04.1996 № 39-FZ «O rynke tsennykh bumag»* [Federal Law as of April 22, 1996 № 39-FZ «On the securities market»]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 1996, no. 17, Article 1918. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102040905&intelsearch=39-%F4%E7+1996> [in Russian].
6. *Federal'nyi zakon ot 02.12.1990 № 395-1 «O bankakh i bankovskoi deyatel'nosti»* [Federal Law as of December 02, 1990 № 395-1 «On Banks and Banking Activity»]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 1996, no. 6, Article 492. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102010268&ysclid=lxym46mjde866793684> [in Russian].
7. *Federal'nyi zakon ot 26.07.2006 № 135-FZ «O zashchite konkurentsii»* [Federal Law as of July 26, 2006 № 135-FZ «On Protection of Competition»]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2006, no. 31 (part 1), Article 3434. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102108256&ysclid=lxym7cyom6307455365> [in Russian].
8. *Federal'nyi zakon ot 26.10.2002 № 127-FZ «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)»* [Federal Law as of October 26, 2002 № 127-FZ «On insolvency (bankruptcy)»]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2002, no. 43, Article 4190. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102078527&ysclid=lxymbrs01v204164521> [in Russian].
9. *Metodicheskie rekomendatsii po vyyavleniyu i presecheniyu prestuplenii v sfere ekonomiki i protiv poryadka upravleniya, sovershennykh storonami ispolnitel'nogo proizvodstva, utv. FSSP Rossii 15.04.2013 № 04-4* [Methodological recommendations on detection and suppression of crimes in the sphere of economy and against the order of management, committed by the parties of enforcement proceedings, approved by the Federal Service for Supervision of the Russian Federation as of April 15, 2013 № 04-4]. Available at: <https://legalacts.ru/doc/metodicheskie-rekomendatsii-po-vyyavleniyu-i-presecheniyu-prestuplenii> [in Russian].
10. Korpusov A. V. *Nakazuemost' fal'sifikatsii gosudarstvennogo reestra yuridicheskikh lits, reestra vladel'tsev tsennykh bumag, sistemy depozitarnogo ucheta v zarubezhnom ugolovnom prave* [Punishability of falsification of the state register of legal entities, register of security holders, depository registration system in foreign criminal law]. *Demidovskii yuridicheskii zhurnal* [Demidov Law Journal], 2023, vol. 13, no. 4, pp. 558–566. DOI: <https://doi.org/10.18255/2306-5648-2023-4-558-566>. EDN: <https://elibrary.ru/jijzxr> [in Russian].
11. Lyaskalo A. N. *Finansovye prestupleniya v rossiiskom ugolovnom prave: sovremennaya kontseptsiya i problemy kvalifikatsii: dis. ... d-ra. yurid. nauk* [Financial crimes in the Russian Criminal Law: Modern Concept & Qualification Problems: Doctoral of Law's thesis]. Moscow, 2022, 650 p. Available at: <https://www.hse.ru/sci/diss/575014761> [in Russian].
12. Bykova E. G. *Problemy privilecheniya k ugolovnoi otvetstvennosti za fal'sifikatsiyu finansovykh dokumentov ucheta i otchetnosti finansovoi organizatsii (na primere kreditnoi organizatsii)* [Problems of bringing to criminal responsibility for falsification of financial documents of accounting and reporting of a financial organization (on the example of a credit organization)]. *Ugolovnoe pravo*, 2021, no. 12 (136), pp. 4–16. DOI: https://doi.org/10.52390/20715870_2021_12_4. EDN: <https://elibrary.ru/veyaiu> [in Russian].
13. Lyaskalo A. N. *Finansovaya otchetnost' kak predmet i sredstvo prestupleniya* [Financial reporting documents as an object and a means of committing a crime]. *Ugolovnoe pravo*, 2021, no. 4, pp. 30–41. Available at: https://criminalmag.ru/magazines/4_2021; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46011407>. EDN: <https://elibrary.ru/brieqv> [in Russian].

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ REQUIREMENTS TO THE DESIGN OF ARTICLES

Для публикации научных работ в журнале «Юридический вестник Самарского университета **Juridical Journal of Samara University**» принимаются статьи, соответствующие научным требованиям, общему направлению журнала и представляющие интерес для достаточно широкого круга российской и зарубежной научной общественности.

Предлагаемый в статье материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое (внутреннее) рецензирование. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Правила оформления

Текст статьи

- Статья предоставляется на русском или английском языке в печатном (формат А4) и электронном (по эл. почте) видах.
- Перед заглавием статьи проставляется шифр УДК.
- Название работы, список авторов в алфавитном порядке (ФИО, место работы, индекс и адрес места работы, должность, электронная почта), аннотация, ключевые слова, библиографический список, названия таблиц и рисунков должны быть представлены на русском и английском языках.
- Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word для Windows с расширением doc или rtf гарнитурой Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
- Объем основного текста не должен превышать 25 страниц.
- Рисунки и таблицы предполагают наличие названия и сквозную нумерацию.
- Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 по порядку цитирования после основного текста. Допускается не более 20–30 источников.
- Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках, например [14, с. 28]. Ссылки на иностранные источники приводятся на языке оригинала.
- References оформляется в соответствии с *American Psychological Association (APA) Style*.

Графика

- Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формат TIF.
- Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран гарнитурой Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы.

Формулы

- Единицы измерения следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- В статье приводятся лишь самые главные, итоговые формулы. Набор формул производится в редакторе формул Microsoft Equation с параметрами: обычный – 14, крупный индекс – 9, мелкий индекс – 7, крупный символ – 20, мелкий символ – 14.
- Вставка в текст статьи формул в виде графических объектов недопустима.
- Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Статьи, оформленные не по правилам, редколлегией рассматриваться не будут.

ШАБЛОН ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-X-XX-XX

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.13

Дата поступления XX.XX.2024
рецензирования: XX.XX.2024
принятия: XX.XX.2024

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

В. В. ИвановСамарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: smy@samaradom.ru

Аннотация – не менее 250–300 слов: В статье дан краткий исторический экскурс правовой институционализации гражданского общества в США. Делается вывод, что существующие организационные формы и практики деятельности некоммерческого сектора – результат совмещения укорененной в американском обществе традиции филантропии и гражданского участия с государственной политикой по поддержке определенных направлений деятельности некоммерческого сектора. В разные периоды американское государство использовало различные инструменты для направления добровольческой активности и благотворительных капиталов в публично важные сферы деятельности. В настоящий момент американское общество находится в процессе постоянного экспериментирования с правовой формой и статусом организаций некоммерческого сектора, которые были бы способны вобрать в себя преимущества всех трех главных секторов: государства, бизнеса и общества.

Ключевые слова: гражданское общество; некоммерческая организация; налоговые льготы; публичные социальные услуги; благотворительный фонд; государство всеобщего благосостояния.

Благодарности. Статья подготовлена...

Цитирование. Иванов В. В. Название статьи // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № X. С. XX–XX. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-X-XX-XX>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Иванов В. В., 2024

Виктор Валерьевич Иванов – звание, должность, кафедра, место работы, адрес места работы в формате: 440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40.

SCIENTIFIC ARTICLESubmitted: XX.XX.2024
Revised: XX.XX.2024
Accepted: XX.XX.2024

ARTICLE TITLES

V. V. IvanovSamara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: smy@samaradom.ru

Abstract: The article offers the brief historical excursion of legal institutionalization of civil society in USA. The article concludes that existent organizational forms and practices of activity of noncommercial sector are the result of combination between embedded traditions of philanthropy and civil engagement in American society and the state policy to support some directions of activity of non-profit sector. The American government made use of different tools to turn voluntary activity and philanthropy funds to major public spheres in various ages. Now the American society is in the process of permanent experimentation with the legal form and status of non-profit sector's organizations which would able to absorb advantages of all three major sectors: the state, the business and the society.

Key words: civil society, non-profit organization, tax privileges, public social services, charity foundation, welfare state.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Samara Region within the framework of the research project № 18-411-630004 «Specific historical forms of corruption in the Moscow state (XV–XVI centuries)».

Citation. Ivanov V. V. *Pravovaya institutsionalizatsiya grazhdanskogo obshchestva v SShA (istoricheskii aspekt)* [Legal institutionalization of civil society in the USA (historical aspect)]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, Vol. 10, no. X, pp. XX–XX. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-X-XX-XX> [in Russian].

Information on the conflict of interest: author declares no conflict of interest.

© Иванов В. В., 2024

Viktor V. Ivanov – senior lecturer of the Department of Civil and Business Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

ТЕКСТ СТАТЬИ Ссылки в тексте [1; 4] или [1–6; 16, с. 12–14].

Библиографический список по порядку цитирования (с указанием DOI, URL)